
А. Ромашкова
КУРСАНТ ТИЛЬ
И ДРУГИЕ НЕПРИЯТНОСТИ

Алёна Ромашкова

Курсант Тиль и другие неприятности

https://litres.ru/74810104

Аннотация

Жизнь разделилась на до и после. До – я мажорка и немного хамка, после – я курсант Летной межгалактической академии в одной далекой-далекой галактике в рамках пилотного набора женщин. А что между этими этапами? Вождение в нетрезвом и раздолбанный глайдер большой шишки, уголовка и гнев отца.

В тексте есть: все прелести учебы с военной подготовкой, инопланетные расы и их интересные качества, вкусная любовь с осложнениями.

ОСТОРОЖНО! В отзывах есть спойлеры, а в этой истории все же лучше не знать заранее!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	41
Глава 6	50
Глава 7	58
Глава 8	63
Глава 9	70
Глава 10	77
Глава 11	86
Глава 12	93
Глава 13	100
Глава 14	110
Глава 15	119
Глава 16	129
Глава 17	138
Глава 18	145
Глава 19	157
Глава 20	165
Глава 21	173
Глава 22	184
Глава 23	191

Глава 24 201
Глава 25 210
Глава 26 218
Глава 27 225
Глава 28 234
Глава 29 244
Конец ознакомительного фрагмента. 245

Глава 1

Уважаемые читатели! Это история о Варваре Тиль, которую отправили на далекую планету в Летную академию против ее воли. Испытания, дружба, непростая любовная линия и юмор ждут вас в этой книге.

***

– Уровень алкоголя в крови полтора промилле, рекомендуем выпить чистой воды и проследовать до места, где можно безопасно переждать последствия токсического отравления, – бубнил немного раздраженный женский голос из моего кибер-браслета.

У меня была модель, которая, как и все остальные существующие, являлась средством связи и выхода в инфосеть, а также давала советы, отслеживая индикаторы здоровья и оценивая общее физическое состояние. В настройках можно было выбрать, кто будет озвучивать рекомендации: мягкий мужской баритон, сексуальный женских голос с легкой хрипотцой или мультяшный писк. Был еще президент, превращающий любое напоминание в задачу межгалактической важности и прапорщик, который перед каждым оповещением орал: “Рота, подъем!” Я же поставила себе еще один вариант, который был в моей модели – «мама ругает». Согласна, это странно, но голос своей я слышала последний раз семнадцать лет назад, мне ее не хватало, к тому же нравилось

представлять, что заботится обо мне родной человек, а не кусок дорогущего пластика.

Жаль, что это был всего лишь голос, а по сути, говорил браслет без чувств. Пару лет назад на рынке появились модели, у которых функция озвучки была максимально приближена к реальности: можно было выставить стиль общения с голосом почти любого человека, который хоть раз появился в инфосети. Их запретили, а партию сняли с производства, так как известные личности – селебрити и политики – не желали слышать на улицах себя, причем в весьма неприглядных ситуациях. Говорят, один очень популярный актер даже с ума сошел, когда попал в толпу своих поклонниц, бросившихся к нему за автографом. У всех сотен девушек одновременно включился в браслетах его собственный баритон, который вкрадчиво и сексуально на повторе бесчисленное количество раз начал оповещать: “Детка, у тебя активировано миндалевидное тело в мозгу, повышается уровень нейромедиаторов, включая дофамин и серотонин. Рекомендую найти мужика, да поскорее!”

Был еще один случай, попавший в инфосеть: полиция обнаружила труп мужчины, которого убил один модификант. Но дело не в убийстве, собственно, а опять в кибер-браслете: на руке мертвеца надрывался голос известной певицы: “А у кровушки-то нашей циркуляции и нет, был живехонек он утром, охладел ко мне в обед”.

В общем, не выпускают эту жуть больше. Теперь сугубо

нейтральные оповещения с легкими вариациями голосов – это максимум.

Кибер-браслеты были практически у всех, но мой – это «Сайбра-18»! Это топ из топов. Модель предполагала нейронный режим, при котором основное общение происходило без участия речевого аппарата – текст голосовых сообщений при желании мог поступать прямо в мозг, для этого даже не нужен наушник или специальные электроды. Но главное, это даже не его функции, а то, что мой браслетик – из ограниченной серии, которую компания “Сай-технологии” начала выпускать вчера! Техника с логотипом этой компании – пятиконечная звезда, у которой был оторван один луч – раскупалась влет, а над значением символа спорили многие. Лично я была уверена: директор просто показал, что способен оторвать любую конечность конкурентам, однако на сайте компании написали, что лого символизирует совершенство, к которому "Сай-технологии" стремятся, но пока достигают лишь почти.

Семнадцатый сайбра я выбросила за ненадобностью несколько часов назад – мою новую прелесть отец принес сегодня утром в качестве подарка. Подозреваю, что ношу ее первая на нашей планете, или, как минимум, одна из первых: мой папа любит делать полезные подарки с душком эксклюзивности. С него станется забрать пилотную версию прямо с конвейера до старта продаж.

Мой браслет снова и снова повторял о том, что мне нельзя

больше пить, предупреждая о возможных последствиях алкогольного отравления, но сегодня мне этот советчик был не нужен, поэтому я убрала звук и закрыла рукавом мигающий возмущенным красным цветом гаджет.

– Ден, налей мне еще той неоновой гадости, что я только что пила! – позвала я бармена. Клуб, в котором я отмечала сегодня в полном одиночестве свой день рождения, назывался «Живая жизнь», в народе просто «ЖЖ». Эта тавтология намеренно подчеркивала, что официанты и бармены тут люди, а не андроиды. Сейчас в подобные заведения ставили исключительно железяк, которые были неизменно вежливы, ладили с любыми клиентами, не уставали, не напивались, ну и далее по списку. Мне такое не подходило: хотелось и по душам поговорить и нахамить от души – душа мне была очень нужна! Поэтому я была завсегдатаем ЖЖ.

Этот клуб помимо человеческих барменов привлекал еще и дополнительной услугой: погружением в виртуальную реальность через нейроинтерфейс, который устанавливал прямую связь между мозгом и программным софтом виар-системы. Программа позволяла клиентам переживать желаемые эмоции, вытягивая из мозга ровно то, что для этого требовалось, подстраиваясь под психику человека.

Большинство клиентов сюда приходили за сексом. Реализовать свои интимные запросы при отсутствии партнера сейчас можно было и с качественным андроидом, которые изготавливались на любой вкус, но разве это сравнимо с насто-

ящей феерией эмоций, получаемой в виртуальной реальности, которая видит самые темные, скрытые даже от твоего сознания, фантазии? Не механические движения, а настоящие приключения – вот что такое услуга «Полное погружение», оказываемая на втором этаже ЖЖ только для випов.

– Дэн! – позвала я вновь. – Где мои шоты?

Бармен, черноволосый парень, чье сплошь татуированное и накаченное до идеального рельефа тело, выглядело как у интим-андроидов из последней серии под названием “Кен-3000”, широко рекламируемых в инфосети, наконец-то обратил на меня свое внимание:

– Вам уже хватит, мне кажется! Вопль вашего сайбра слышал весь клуб!

О, это я люблю! Со мной спорят! Спасибо, милый, ты сделал мне подарок на мой день рождения!

– Разве я спрашивала твоего разрешения, птенчик? – сказала я тем самым медовым голосом, который, как говорили мои бывшие однокурсники, являлся предвестником «появления твари». – Похоже, птенчик хочет вылететь отсюда и не найти себе работу нигде, кроме дешевых борделей, где такие сладкие мальчики идут по сто штук за койн!

Едва договорив, я с досадой увидела, как к бармену подошла официантка и шепнула что-то на ухо. Парень работал недавно, не знал, кто я такая, поэтому рискнул мне возразить, а эта белобрысая стерва мне всю малину испортила. Ну вот! Я наблюдала, как меняется цвет лица Дэна: с него

буквально сползал загар, заливая физиономию мертвенной бледностью. Все, срача не будет. Сейчас будет извиняться. Скучно!

– Лира Тиль, я прошу прощения и предлагаю лично от меня набор эксклюзивных шотов «Мечта штурмана»! Они запускают сознание в межгалактический полет с первой капли!

Ну вот, что и требовалось доказать. Ссора отменяется: во мне узнали дочь земного министра обороны Максимилиана Тиля.

– Тащи своего штурмана! – со вздохом снизошла я. Может, он хоть плюнет туда, чтобы мне отомстить?

Пять разноцветных пробирок с переливающейся в неоновом свете жидкостью появились передо мной буквально через минуту. Я положила голову на сложенные башенкой на барной стойке кулаки и любовалась кислотной красотой «мечты». Последние лет пять коктейли превратились в ядреные смеси алкоголя и инопланетных добавок, которых добавляли достаточно для того, чтобы отправить человека в другой мир: по задумке – в мир грез и экстаза, при чрезмерном возлиянии – в мир иной. Я вытащила первую пробирку и покрутила ее в руке. Недавно смотрела старое кино, там мужчина пил дорогое вино. Так вот, из этого процесса он сделал целое представление: покрутил бокал в руке, вдохнул запах и лишь потом отпил маленький глоток. Я сейчас с удовольствием пародировала того героя, но мне помешали.

– Малышка? Тебе не скучно? Такая красивая попка и одна! – раздался голос рядом.

Я даже не стала поворачиваться: зачем мне знать как выглядит этот смертник? Поднесла свой шот ко рту и выпила, не поморщившись. На языке словно взорвалась маленькая бомба – взрывная волна достигла мозга, и мир расцвел ромашками. Вот эти вот белые цветы на красной ножке, это же они? Кажется, мама говорила, что любила их.

– Детка, так что насчет познакомиться?

Сейчас, после такого классного «штурманского» заряда от бармена, я была в хорошем расположении духа и даже решила не хамить.

– Не хочу!

– И что, даже не посмотришь на меня?

– Не хочу!

Похоже, тот, кто сейчас стремился привлечь мое внимание, к отказам не привык. Я почувствовала сильные руки на талии, которые крутанули меня вместе с барным стулом, развернув в правую сторону, где и расположился мой настойчивый собеседник. Медленно окинула наглеца взором, который должен был заставить противника бежать без оглядки, а у парня только вызвал насмешливую белозубую улыбку. Передо мной стояла мужская особь: примерно моего возраста, лет двадцати, может, с хвостиком, коротко стриженный брюнет с фигурно выбритыми висками. Одет по моде золотой молодежи Земли: джинсы из натурального денима, свобод-

ная расстёгнутая рубашка поверх какой-то баснословно дорогой футболки с ненавязчивым принтом, каждая загогулина которого стоила не менее тысячи койнов. Но то, что действительно заставило меня напрячься – это "Сайбра-18" на его руке. Увидев, что мой взгляд застыл не на его смазливой физиономии, фигуре или дорогих тряпках, а на браслете, парень усмехнулся и уважительно резюмировал:

– А ты разбираешься в по-настоящему хороших вещах! Да-да, это последняя модель. Хочешь, достану тебе такой же? Я могу быть очень щедрым с такими цыпочками, как ты.

– И кто же ты, благодетель? – мило улыбнулась я, напустив в голос девичьего смущения.

Парень ощутил, что крепость сдается, – иронии он не чувствовал напрочь – наклонился ко мне, обдав меня запахом модного дорогого парфюма, и сказал:

– Я тот, кто делает эти сайбра!

Святой кибермусор! Ну конечно! Это же отпрыск Николаса Сайброда. Как его там…

– Виктор? – подняла я вопросительно брови.

– Для тебя просто Вик, детка, рад, что ты меня узнала! – самодовольно промурлыкал этот мажор.

Он, безусловно, подумал, что я его видела где-то в сети, отслеживая личные странички богатеньких мальчиков. Но нет. Я вспомнила: несколько лет назад, словно в прошлой жизни, мы с отцом были на одном приеме, который устраивал президент Земли в честь очередной годовщины ее вступ-

ления в Содружество объединенных планет. За право быть в составе Содружества Земля боролась очень долго, и, когда мне исполнилось три года, она стала двадцатой планетой, которая получила заветное членство. Пока еще мы не были в ядре – Совете безопасности, но аналитики предсказывали, что и это для нас не за горами. Так вот, на приеме я видела Виктора и даже здоровалась с ним. Отец просил присмотреться, так как брак с ним был бы удобен, выгоден и бла-бла-бла.

Идентифицировав объект, я успокоилась, а вот красавчик сейчас меня явно не узнал, но это и понятно: тогда я была русоволосым подростком с минимумом макияжа в нежно-кремовом платье. Сейчас же мои пепельно-серые волосы с алыми прядями, обтягивающие джинсы, короткая куртка в заклепках, майка, демонстрирующая проколотый пупок, высокий хвост и пирсинг брови как-то не очень бились с прошлым образом. Глаза, конечно, остались теми же – мамиными, зелеными с желтыми крапинками, которые она когда-то называла янтарной крошкой, но сейчас, густо обведенные черным карандашом, они стирали последние намеки на устаревшее реноме скромной девушки по имени Варвара Тиль.

– Я тебя узнала, Виктор Сайброд! Что ты делаешь в ЖЖ?

– То же, что и все: пришел в «Полное погружение»! Но подумал, что уже и не хочу, встретив тебя. То есть погружение точно хочу, но не виртуальное, – на ухо с интимным придыханием прошептал мне Вик. Его рука пробежалась по

моей спине и замерла чуть ниже поясницы. Пальцы аккуратно играли на полоске кожи между джинсами и коротким топом. – Что скажешь? Пойдем! Я отдам тебе свой сайбра, себе возьму новый потом.

– Я не хочу уже использованную кем-то вещь, хочу новый, – надула губки я.

– Девочка с запросами? То, что ты не нищая – это я понимаю, но, чтобы привередничать по такому поводу… Это восемнадцатая модель! Ты, может, не понимаешь? Не семнадцатая! Детка, пойдем! Я сделаю тебе приятно и подарю эту штучку, ну!

Рука Вика полностью ушла мне под майку, путешествуя в районе застежки лифчика. Со стороны мы смотрелись очень провокационно. Хорошо, что в ЖЖ не пускают репортеров, тут запрещена любая съемка, иначе завтра, да нет, пожалуй, вот прям сейчас, голограммы всех новостных потоков показывали бы трёхмерное изображение двух «золотых деток», поженив нас к утру. Вик даже не представляет, как бы он попал из-за своей любвеобильности.

– Милый, – выдохнула я в его губы, заставив парня напрячься, – мне не нужна твоя штучка: ни та, что у тебя на руке, не та, что у тебя в штанах. А сайбра у меня уже есть.

Когда я задрала рукав куртки и показала свой браслет, лицо Виктора стало лучшим моментом этого дня: это было эксклюзивно недоуменное выражение – его мир сошел с орбиты, нейронные связи порвались и пересобрались, но он все

равно не понял, как такое возможно.

– Мой отец подарил первый браслет старому другу, – протянул он. А я мысленно поторопила: «Ну, соображай уже!» – Максу Тиль… А ты… его дочь? Ты – та самая Тва… Ой. То есть Варвара?

– Да, я – это она, – вздохнула я. – Угадал. Слушай, мне тут с тобой некогда, у меня через минуту сеанс в «Погружении». Я махнула рукой бармену, еще раз подмигнула шокированному и находящемуся в ступоре парню и пошла на второй этаж, чтобы подарить себе главный подарок на мое двадцатилетие – путешествие в виртуальный мир.

Глава 2

Я очень старалась не пристраститься, поэтому ограничивала вирт-посещения только одним днем в году. Видела я этих зависимых, которые отдавали последние койны за возможность прикоснуться… ну к чему они там хотели прикоснуться, я не знаю, но больные лица, пустой взгляд и маргинальный образ жизни говорили сами за себя: не стоит им уподобляться. Раз в году я приходила сюда, чтобы увидеть маму. Вот и сейчас, заплатив пару тысяч койнов за пятнадцать минут, – для сравнения: обучение в престижном вузе нашей столицы стоило столько в год – я вновь обретала мамины нежные руки, которые гладили меня по голове, получала возможность прижаться к ее груди, обнять и пожаловаться на какие-то мелкие неурядицы.

Матери мне не хватало просто катастрофически. Ее исчезновение семнадцать лет назад заставило меня страдать, но то, что я узнала позже, окончательно погрузило и разум, и душу в мой персональный ад. Много лет я думала, что она умерла.

Когда однажды Ванесса Тиль не вернулась домой, отец сказал, что она погибла, взорвавшись вместе с межгалактическим лайнером, на который напали пираты с планеты Ширхас. Он показывал мне новости, я плакала, хотя в то время мало что понимала, так как была маленьким ребёнком.

Однако, кошмары мне снились несколько лет – в них я настойчиво звала и теряла маму. Потом всё прошло. Когда мне было восемь, отец женился, и в нашей семье появилась Елена. Матерью она мне не стала, но и врага в ней я не видела. Она точно, как и я, ждала отца с работы, не видя его неделями, точно, как и я, плюнула на это и занялась своей жизнью. А через год она забеременела и ударилась в материнство – сейчас моему сводному братцу Алексу было десять лет.

Мой мир перевернулся пять лет назад. Готовясь заканчивать школу и поступать в один из престижнейших вузов страны, я делала проект и мне понадобилось воспользоваться отцовским нейросетевым компом, который я для удобства называла гиком. Ему, кстати, нравилось. Компьютеру, имею ввиду. Спросив у гика то, что мне требовалось по теме моего проекта, я не получила свой ответ сразу, так как отец перед уходом на работу потребовал у него форматирование нейронных систем. Комп его запустил, но не смог справиться с заданием до конца, так как не был уверен, можно ли удалять некоторую информацию. Меня гик воспринимал как вторую хозяйку, поэтому, прежде чем выполнять запрос, обратился ко мне за помощью и показал файлы, которые вызвали у него сомнение. Глянув на экран голографического компьютерного модуля, представлявшего собой огромную прозрачную доску, из которой выскакивали трехмерные изображения, я хотела дать разрешение на удаление, однако мой взгляд зацепился за фотографию – на ней была запечатлена

моя мать, я не могла ее ни с кем спутать. Снимок был датирован месяцем позже после авиакатастрофы. Не мешкая, побежала к отцу, сидевшему на каком-то важном совещании, которое я сорвала, впервые за всю жизнь проявив непослушание.

– Варя! Я не хотел тебе говорить, но мама ушла от нас. Мои детективы нашли ее через несколько недель, но умудрились вновь потерять и уже окончательно – больше ее следов обнаружено не было. Смирись!

Реальность обрушилась на меня раскаленной лавой – женщина, которая меня родила, бросила меня! Не погибла! Она встала, собрала вещи и покинула наш дом! Я пыталась понять, я терзала отца, умоляя объяснить, почему это случилось. Вновь и вновь задавала вопросы, но он отвечал только одно – нужно все забыть и жить дальше.

Забыть я не смогла. Я искала. Я тратила все отцовские денежные транши, которыми он покупал мое счастье и спокойствие, на детективов и сетевых ищеек. Я платила межпланетной службе поиска. Я каждый день сама выходила в сеть на своем личном нейрокомпе, гике-младшем, который вытребовала у отца, и запускала программу распознавания лиц, выбирая город за городом. Я посчитала, что Землю таким образом осилю за десять лет, а потом смогу перекинуться и на другие планеты.

Это все отнимало много времени, я не спала ночами, подсела на новое поколение энергетиков. В вуз поступила толь-

ко благодаря связям отца, но вылетела оттуда через год. За прогулы и хамство. Еще через год я стала тем человеком, от которого точно могла бы уйти мать: днем словно медведь в берлоге сидела в своей комнате перед своим гиком-младшим, а по ночам тусила в компании подпольных хакеров, специализировавшихся на космических инфосетях. Те неслабо доили меня на койны, но взамен пытались найти хоть какие-то намеки на мать, взламывая списки пассажиров межпланетных и межгалактических лайнеров, проверяя любую доступную информацию с других галактик.

Были попытки запихнуть меня еще в три вуза. Из последнего меня выгнали через неделю. Я заснула прямо в кабинете ректора, который читал мне наставления, а, проснувшись от звонка вызова на сайбра, выскочила чтобы поговорить со звонящим, прервав главу вуза на полуслове. Мне звонил Жига, он думал, что нашел что-то интересное, и просил подбросить монет. Инфа не подтвердилась, но уязвленный ректор порвал мой приказ о зачислении. Виртуально, само собой.

Последний год отец меня больше не дергал. Просто попросил не появляться в инфосети планеты, особенно в новостных потоках. Сказал, что ростовую голограмму моего дебоширства на главной площади, где транслировали главные новости планеты, он не переживёт. Я пообещала, и мы больше не мешали друг другу жить, тем более что мои счета пополнялись исправно.

Раз в году, на свой день рождения, я шла в ЖЖ – выпить и повисеть в виртуальной реальности. Сегодняшний день не был исключением. Я зашла в небольшую кабину, где стояло огромное кресло. Провалившись в его мягкость, я привычно почувствовала, как на мою голову опускается шлем, который фиксируется и подстраивается под особенности моей черепной коробки. Затем ощутила укол. Система всосала мою кровь, скорректировала себя под мои психоэмоциональные показатели, изучила химический состав, проанализировала текущее состояние и… понеслось.

Моя мама, Ванесса Тиль, была художницей – утонченной и воздушной. На мой последний день рождения мы пошли с ней в парк, где ели мороженое, а потом она поставила мольберт и рисовала с натуры. Мне было три года, кто-то скажет, что я не могу это помнить, но я, скорее, не могу забыть.

Сегодня тоже был такой день. Сейчас в моей реальности я была вместе с ней, смотрела как она приступает к сотворению очередного шедевра и начинает с карандашного наброска. Штрих за штрихом, мазок кисти за мазком, и вот, картина обрела свою законченность. Мои глаза увидели какое-то строение: здание было необычной формы, напоминало многоуровневую пирамиду, отделанную пластинами из материала, напоминающего металл. На картине было четко видно, что за счет отражающей поверхности облицовки эта пирамида легко растворяется в окружающей среде. Эдакий камуфляж. Необычно. Все предыдущие разы моя виртуальная

мама рисовала цветы, людей, воздушные шарики. А сегодня эту вот пугающую громадину.

Выбравшись из кресла, я все еще очень хорошо помнила этот рисунок, но анализировать шутки виртуального шлема не стала. Скорее всего, это эффект от «Мечты штурмана» в моей крови.

Выйдя из кабинки, я вновь спустилась в клуб, планируя его покинуть. В нем собралось уже достаточно много людей, начала играть популярная музыка, стены зацвели трехмерными изображениями танцующих гоу-гоу. Я свою миссию на сегодня закончила, собираясь залечь в своей комнате и поспать часов двенадцать. Однако на выходе перед моими глазами снова возник Вик.

– Слушай, мы плохо начали знакомство, – начал он, а я решила все это убить в зачатке.

– Мы нормально начали, но продолжать не будем.

– Давай я тебя хоть подвезу, – кивнул парень в сторону своего транспорта. Да, посмотреть там было на что: нейроглайдер последней модели – компактный городской личный транспорт, который скользит в полуметре над поверхностью земли, оборудован автопилотом, способен исполнять мысленные приказы водителя. Кое-кто предпочитал флаеры – эти машины покупали любители стремительных полетов и кружевных пике. Права на флаеры было получить гораздо сложнее, к тому же часто в городе перекрывали воздушное пространство, ввиду чего образовывались заторы и пробки.

Так что глайдеры были гораздо популярнее, хорошо раскупались и постоянно обновляли свой функционал.

– Спасибо, но я сама, – мысленно призвала своего малыша. Мой глайдер был намного старше, чем свежак Вика, но зато мы с ним сдружились и понимали друг друга с полуслова или полумысли. Он не требовал озвучивать приказы, но мне иногда так было удобнее.

– Почему у столь богатой девочки такое старье? – спросил Вик, увидев остановившийся возле меня аппарат.

– Это старье сделает тебя на первом повороте.

– Да брось! Эта консервная банка?

– Хочешь проверить? – провоцировала я парня. А, может, это все «Мечта штурмана» продолжала чудить. И название какое подходящее.

– Хорошо. Если я выиграю, ты со мной переспишь, – лукаво улыбнулся Вик.

– Принято. Но если выиграю я, то ты переспишь с тем, кого я тебе покажу.

– Согласен, но при условии, что это женщина. Живая.

– Ну само собой! Я очень традиционных взглядов. Будет тебе живая женщина.

– Запомни, детка. Я люблю быть сверху.

– Я ей передам, – хохотнула я.

Мы сели в свои глайдеры. Стартом послужила стрелка часов на центральной башне нашего города. Часам было уже лет пятьсот, они были древними, механическими. Башню не

снесли, так как она попадала под категорию мест исторической памяти.

Итак, минутная стрелка переместилась на одно деление, а мы стартанули и понеслись вперед. Управление таким транспортным средством является гибридным – большая часть выполняется голосовыми или мысленными командами, однако ручной контроль тоже нужен, так как система не всегда успевает сама на большой скорости менять маршруты или попросту противится тому, что, по ее мнению, является рискованным или запрещенным. Гонки на глайдере – это искусство, и я им обладала, так как вздорный характер обязывал.

В течение следующих пятнадцати минут мы неслись с Виктором на высокой скорости, так как эта часть пути была относительно легкой. Клуб находился за городом, авиабаны были пусты в это время. Однако после въезда в город стало сложнее. Никто из нас не уступал, я никак не могла выбиться вперед, так как Вик был чертовски хорош – таких соперников мне еще не попадалось. Нашей финишной чертой был влет на стоянку мэрии, до него оставалась всего пара кварталов. Умоляла свой глайдер поднажать, и он терпеливо выполнял мои приказы, перегружая свою систему и выжимая из нее максимум. К финишу я пришла первая, мой аппарат лихо нырнул на стоянку, но от радости я не успела увидеть, как слева появился большой черный глайдер с правительственными номерами, в который я со всей дури умудрилась вписаться.

Глава 3

– Я же просил тебя! Мы же договорились, что я тебя не трогаю, не заставляю учиться, а ты ведешь себя тихо! Уработать всмятку нейроглайдер внучки президента Земли! Ты на мелочи не размениваешься, да? И ладно бы просто машину разбила, так нет: внучка теперь в больнице с сотрясом лежит. И это конец моей карьеры. И судимость для тебя! Спасибо, дочка! Удружила!

Макс Тиль, мой отец, орал на меня у себя в кабинете нашего с ним родного дома. Полиция привезла меня к нему на работу, но в министерстве он закатывать скандал не стал. Министр Тиль – очень спокойный человек. Чтобы его довести, надо постараться. У меня получилось: в глайдере по пути домой он молчал, а я наблюдала за каменным лицом, на котором ходили желваки, и периодически бегали красные пятна. Отец не открыл рта и в самом доме, и на лестнице, пока мы поднимались к нему в кабинет. Зайдя, наконец, к себе, он кратко бросил: «Коньяк! Быстро!» Не мне, конечно. Коньяк ему привез робот – недавнее приобретение отца. Робот служил исключительно для того, чтобы подавать напитки, закуски, сигары. Внешне он был похож на передвижную тумбочку. Блажь, конечно, но богатые люди могли себе и не такие изыски позволить. Я назвала его «Искуситель» или кратко «Кусь», потому как он постоянно предлагал всем

выпить-покурить, что было очень соблазнительно, но не способствовало здоровому образу жизни. Кусь налил полный стакан коньяка – как почувствовал, что надо побольше и покрепче. Отец намахнул залпом. И все. Началось.

– Ты хоть понимаешь, что это год тюрьмы? Ну самое меньшее – полгода. Но за это время нужно еще умудриться не сдохнуть там. Сейчас все тюрьмы в ведении Межгалактической службы исполнения наказаний, тебя могут отправить на какую-нибудь дальнюю планету на задворках одной из галактик поднимать там сельское хозяйство. А если выживешь и вернешься, на Земле тебя никуда не возьмут, ты станешь аутсайдером в нашей галактике с такой записью в личном деле.

– Папа, я все понимаю!

Я впечатлилась, и мне на самом деле стало страшно: только сейчас осознала, что произошло. Меня трясло от пережитого и выпитого, но я стойко принимала справедливый отцовский ор. Вождение под алкоголем и психотропными, причинение материального, морального, физического вреда. Хм-м… Про один год – это папа с учетом своих связей уже говорил, потому как для обычного человека – это пятерка, не меньше. Я как-то начинала учиться на юридическом, так что помню кое-что.

Свою судьбу, я, тем не менее, воспринимала со смирением. Когда на стоянке я влетела в глайдер, молилась только об одном: пусть я никого не убила, а! Когда водитель – молодая

красивая блондинка, выбралась из покореженного аппарата на своих двоих, я почувствовала такое облегчение, что все остальное стало неважно. Ну или почти неважно.

Вик, кстати, оказался джентльменом. Он подскочил и ко мне, и к девушке, спросил, чем помочь и все такое. Я, по обыкновению, сказала гадость, напомнив, что у него теперь долг, так как я выиграла. Он вздохнул и предложил обсудить это на свидании. Я покрутила пальцем у виска, показав на то, что натворила. Какие свидания, мне хана! Я – в тюрьму. Вик нахмурился, а потом сказал, что знает, как мне помочь, сел в глайдер и свалил со стоянки. Вот и все. Потом была скорая, полиция, допрос, подписка о невыезде, доставка к отцу.

Отец тем временем устал орать, сел в кресло, откинулся на спинку и подождал, пока Кусь еще раз наполнит его стакан. Глядя на янтарную жидкость, Максимилиан Тиль начал говорить с таким выражением, словно идет по минному полю:

– Мне звонил Николас Сайброд. Каким-то образом он узнал об аварии раньше всех. Ты, кстати, не в курсе, как у него это получилось?

Я неопределённо пожала плечами, а отец вздохнул, поставил стакан на стол, не став больше пить, и продолжил:

– Его сын третий год учится в Летной академии. Там обучают управлению большими межгалактическими лайнерами, а также малогабаритными космолетами. Хотя, думаю, у них там есть и что-то секретное, но они не говорят – в кулу-

арах я слышал, что в разработке выпуск шаттлов. Академия открылась недавно, четыре года назад под эксплуатацию каких-то инновационных разработок.

– А сколько у Сайброда сыновей? – я никак не могла представить, что вот этот обалдуй – третьекурсник на таком сложном факультете.

– Один, Варя! И ты это знаешь!

– Да я только уточнила…

– Я попросил своих узнать, что это за Академия такая…

Так, и почему я понимаю, что пора напрягаться?

– А зачем тебе это было узнавать? – с подозрением спросила я.

– Туда в этом году набирают первый поток девушек – пилотов и штурманов.

– И?..

– И планета Земля, как член Содружества, обязана послать своего курсанта.

– Ну так там, наверное, конкурс огромный?

Отец замялся, но все же ответил:

– На Земле широкого анонса этой программы не было. Нас последних поставили в известность. А ещё там есть свои сложности – у них практика в боевом режиме. Это проект Совета безопасности, поэтому эта часть подготовки там весьма серьёзная. По этим причинам земляне туда не рвутся. К тому же Академия находится в галактике "Дальняя", от цивилизации весьма далеко.

– Что ты хочешь мне сказать?

– Николас сказал, что договорился. Если ты станешь курсантом с Земли, с тебя снимут все обвинения.

– И тебя не уволят?

– Нет.

– И поэтому ты отсылаешь дочь на смерть?

– Ну почему сразу смерть? Виктор два года учится и выжил, даже не был ранен, идет на третий курс, жив-здоров. И что самое главное: готов за тобой присмотреть!

– Какое счастье, вы только подумайте! Этот лощеный придурок спасет меня. Ну теперь я спокойна! – моему сарказму не было предела. – Папа! Я твоя дочь! Ты хочешь меня сплавить от греха подальше? Чтобы я сгнила там в этой Дальней галактике и больше не позорила тебя? Ты и маму мою так вот отослал? А она чем тебе не угодила?

Удар по лицу стал ответом на мой вопрос. Отец, пока я орала, вскочил из-за стола, подлетел ко мне и дал пощечину. Такого еще между нами не случалось.

– Не смей! Так говорить! Я любил твою мать! А ты делаешь из меня монстра! Ты пойми, Академия – это шанс, профессия, если на то пошло, а тюрьма – это конец!

После этого отец, словно сам себе не веря, посмотрел на свою руку, затем поднес её к лицу и с силой потер лицо.

– Прости меня Варя, я не прав был сейчас, но и ты меня пойми: я хочу, чтобы ты была в порядке. А ты этому сопротивляешься.

– Ну Вик, ну удружил, – прошептала я. – Увижу – конец тебе.

– Что? – не понял отец моего бормотания.

– А если меня не возьмут? Может же быть такое?

– Сайброд все решил.

– Па, а тебе не кажется, что я, разбившая транспортный аппарат, не очень подхожу на роль штурмана или тем более пилота?

– Ну вот как раз и научишься всему.

– Ну а если меня отчислят? Это же считается, что я отработала свой долг? Ну просто вот не смогла? – надежда забрезжила в душе, но сдохла без мучений.

– Такое возможно, да. Но не ранее третьего курса. Первые два года домой не пошлют, даже если ты кого прирежешь. Просто посидишь в их тюрьме пару лет. Это я так, на всякий случай предупреждаю.

Я застонала и закрыла лицо руками. Ну как так-то, а? Ну зачем я устроила эту гонку? Ну Вик, ну погоди!

– Подожди! Ты говоришь, что это первый набор девушек. Но тогда там полная академия парней? – спросила я, мысленно ужасаясь.

– Именно! Ты рада? И жениха себе…

Я не дала договорить, так как вообще перестала понимать своего отца.

– А сколько девушек набирают?

– Ой, я не уточнял, хотя, погоди... Хотели двадцать по ко-

личеству планет в Содружестве, но сошлись на пяти.

– Пять девушек на… сто или даже больше мужиков? На забытой всеми планете? Папа! Кто предложил этот идиотский во всех отношениях проект?

– Дочь, ты забываешься. Президент нашего Содружества, он…

– Он кретин!

– У них там дисциплина!

– Папа, я решила, что хочу в тюрьму. Там, знаешь ли, тоже дисциплина, – я театрально протянула ему руки. Мол, давай, сковывай, вяжи!

***

Мой лайнер отходил с Земли через сутки. Путешествие выходило непростым. Сначала я должна была добраться до Криссалиона – планеты нашего Содружества, которая являлась его административным центром. На ней я уже бывала пару раз: именно там правительство устраивало приемы по разным официальным поводам. На Криссалионе я пересяду на другой лайнер, который за два гиперпрыжка доставит меня на Эссериум – планету, на которой и находилась Лётная межгалактическая академия. Отец выяснил, что Виктор отбыл туда неделей ранее, так как у них перед учебой была практика, так что сопровождающих у меня не было. Он предлагал мне телохранителя, но я отказалась – зачем мне тупая и решительная морда в этом восхождении на Голгофу? Я уж сама потащу свой крест. К слову, кроме года на юриди-

ческом, я успела полгода проучиться на факультете, изучающем историю, философию и древние религии. С тех пор как человечество освоило космос и осознало, что бога там, вроде, как и нет, религии исчезли, но мне нравилась поэтика их постулатов, поэтому я часто использовал их в речи. Очень помогало избавиться от собеседника.

Занятия в Академии должны были начаться через неделю, так что я успевала. Так утешал меня отец, а я совсем не успокаивалась. Какое мне дело до того, пропущу ли я хоть один учебный день, если он будет проходить в чертовой дыре под названием Эссериум! Я подключила всех своих рабов-ищеек, чтобы накопать хоть что-то об этом учебном заведении. И толком ничего не узнала. Такое просто невозможно себе представить. У каждого вуза есть свои странички в инфосети, которые призваны привлечь абитуриентов, а тут – ничего. Есть пару слов об одном преподавателе Академии. По крайней мере, мне нашли информацию о некоем офицере миротворческой армии, читай – спецвойск Содружества, который героически сражался с пиратами с Ширхаса, был серьезно ранен и списан на гражданку. За особые заслуги ему доверили обучать юные неокрепшие умы на планете Эссериум. Все. А! Еще было имя этого героя – Влад Н.

Собиралась я недолго. Друзей, с кем хотела бы попрощаться как-то по-особому, у меня не было. Точнее, у меня вообще не было друзей. Обширный штат информаторов, живших на мои койны, оставался со мной, так как в первую

очередь я взяла с собой гика-младшего, который станет средством общения с ними по сети. Всю компьютерную систему было не утащить, но главный нейромодуль я упаковала. Надеюсь, в Академии найдется голографический модуль, чтобы визуализировать полученную информацию. А еще, надеюсь, они дают подключиться к межгалактической инфосети.

С отцом прощались очень сухо. Я понимала, что сама виновата в своих бедах, но все же не могла смириться с тем, что он так просто отправляет меня на край света с риском для жизни. Эти чувства привели меня к мысли, что я не изжила в себе еще всю инфантильность, и наступила пора это исправлять. Пора взрослеть, одним словом.

Глава 4

На межгалактическом лайнере «Принцесса» я с комфортом провела свои первые сутки в пути. Отдельная вип-каюта, лучшее обслуживание, еда лично от шеф-повара, выход в сеть, на вставая с кровати, так как голографический экран опускался прямо с потолка. Дочь военного министра облизывали тщательно, как, собственно, и всех пассажиров дорогих кают. Я сидела у себя – в ресторан и на прогулку не выходила. Мне совсем не хотелось никого видеть. Настроение было подавленное, так как в ближайшие два года я не смогу ходить в ЖЖ на встречи с виртуальной мамой, и не факт, что вообще буду иметь возможность использовать ресурс для ее поиска в полной мере. Вся моя налаженная жизнь рушилась. Я не сомневалась, что через два года меня стопроцентно благополучно выкинут из Академии – в свою способность отчисляться из любых вузов я верила безгранично, но все же надеялась, что ректор этого заведения, впечатленный моими выдающимися результатами, захочет вернуть меня на Землю даже раньше. Главное – показать свою профнепригодность.

Криссалион встретил меня отличной погодой, что, впрочем, было закономерно: на этой планете стояли лучшие атмосферные генераторы, которые варьировали климат от ранней весны до поздней осени, не затрагивая зиму вообще. Совсем отказываться от прохлады не стали, так как обнаружи-

лось много эстетов, кому необходимо иногда по-настоящему, а не в виаре, погрустить под пледом, глядя на дождь в сумрачный день. Я очень хорошо помню обсуждения, а потом референдум по этому поводу. Сколько копий сломали, пока не вычеркнули зиму. Ведь были и те, кто не может жить без снеговиков.

Мой трансфер предполагал переход в другой терминал, откуда через восемь часов отходил мультипосадочный гиперлайнер «Сумрачный». Вот как можно было так назвать корабль? Что хотел сказать этим хозяин? Нельзя было «Светлый», «Лучистый», «Дающий надежду», в конце концов? В терминале, где должна была происходить посадка, пассажиров было немного. Понять, кто из них мои попутчики до Эссериума, было невозможно, так как лайнер делал еще две посадки. Я выходила на третьей. На место мы должны были прибыть через трое суток после вылета с Криссалиона.

Занять себя было нечем, поэтому я оплатила капсулу сна на шесть часов – такие штуковины устанавливались в каждом терминале космопорта. И не только там – многие крупные компании делали такое для дневного сна своих сотрудников. Я залезла в капсулу и вывела меню, где мне предложили несколько видов сна на выбор. Поразмыслив минутку, остановилась на морской тематике. Когда-то мы с мамой провели чудесную неделю на южных курортах Земли – я этого не помню почти, но у меня сохранились фотографии. По-

чувствовала укол в плечо и улетела в сладкие сновидения.

Проснувшись, я нехотя вернулась в зал ожидания. Все кресла были заняты, народу набралось прилично, поэтому я прислонилась к стене и стала наблюдать. Объектов для этого было предостаточно: не все будущие пассажиры «Сумрачного», как и не все жители и гости Криссалиона были людьми. Встретить иную форму разумной жизни, кроме человеческой, на Земле было сложно, поэтому я не привыкла видеть перед собой гуманоидов. Несмотря на членство в Содружестве, мы считались слаборазвитой планетой, которую представители инопланетных рас игнорировали. Только любители экстрима посещали территорию Земли, и то, они оседали не в городах, а в местах, где могли охотиться, заниматься альпинизмом или спелеологией. Криссалион же был центром светской и культурно-образовательной жизни. Соперничать в этом смысле с ним мог только Теларион, куда ездили ради элитных казино, шоу, концертов звезд, улиц красных фонарей и других развлечений. Эти планеты были центрами тусовки инопланетных жителей, однако не всех подряд, а только членов Содружества. Все его двадцать планет были населены людьми или гуманоидными формами. Планеты, на которых проживали сверхнепохожие на людей существа, такие как инсектоиды, например, туда не принимали.

В школе мы изучали все двенадцать рас, населяющих двадцать планет, и сейчас я проверяла свои академические знания. Кроме людей, в терминале присутствовали вархи –

это жители планеты Ватран. Высокие худощавые существа, очень похожие на нас, но с сероватой кожей и вообще без волосяного покрова, включая брови и ресницы. Кроме этих инопланетян, мои глаза также нашли одного таннара. В отличие от вархов, эта раса отличалась низкорослостью, коренастостью, наличием густой шевелюры и короткого шерстяного покрытия по всему телу.

А еще в терминале была фарийка.

Фарийцы – это раса весьма сильных и выносливых гуманоидов, они отлично совместимы с людьми и очень на них похожи, поэтому метисов с фарийской кровью можно увидеть повсеместно. Земные женщины очень любят мужчин этой расы: высокие, мускулистые, поджарые, прирожденные воины, и, ходят слухи, отличные любовники. Кроме всего прочего у них на планете мало женщин, поэтому женский пол уважаем и ценен для них. Не все землянки готовы быть «самками», а именно так эти здоровяки их называют, но поклонниц, которые летают к ним на свидания, все же пруд пруди. Достоинства фарийских мужчин можно перечислять до бесконечности, но есть и недостатки. Гениев среди них нет. Физически они побьют любого, но интеллект при этом ниже среднего уровня. Все это в равной степени относится и к фарийкам: высокие, грузные, с грубыми лицами, глубоко посаженными глазами и развитой мускулатурой. Снесут голову с одного удара. Вот такую красотку я видела перед собой сейчас. Короткая стрижка, стиль милитари и хмурое ли-

цо делали ее мало похожей на женщину, если бы не бюст. Эта часть фарийки явно впечатляла мужчин: половина терминала украдкой поглядывали, но откровенно не глазели, чтобы случайно не огрести. Хоть бы она летела на Эссериум! Виктору бы понравилось. Как-никак, а желание за мной, а у него должок: гонку я все же выиграла.

Раздался сигнал, оповещающий о начале посадки, и мы двинулись к выходу. Вип-кают на «Сумрачном» не было, но я выкупила одну двухместную целиком, поэтому с нетерпением ожидала блаженного укрытия в своей новой берлоге на трое суток. На мой сайбра позвонил отец, я отклонила вызов. Если что-то срочное, напишет сообщение, а слушать пустой треп о том, как он беспокоится, я не желала, так как не верила в его крокодильи слезы.

В каюте я кинула вещи на одну из кроватей, а сама плюхнулась на другую и начала осматриваться. Тут комфортом и не пахло. Затхлый воздух, кругом пыль, на иллюминаторах какие-то потеки, покрывало на кровати попахивало куревом. Кажется, к курсантской жизни я начну привыкать еще до прилета в Академию.

Я проголодалась. Поискала инструкцию со схемой корабля и расположением ресторана или столовой, на худой конец, но ничего подобного не было. Как и кнопки вызова стюарда. Дождалась взлета корабля и отключения надписи «Не покидать каюту» и отправилась на поиски пропитания. Напрасно я думала, что это будто сложно. Шум голосов, запах

горелой пищи и грохот посуды были слышны издалека. Все это привело меня в огромный зал, где стояло несколько автоматов с выдачей еды. Каждый пассажир вбивал номер своего билета, и аппарат выдавал ему небольшую пластиковую коробку. Для употребления пищи в зале были расставлены столы, за которыми сидело уже несколько десятков человек и еще столько же формировали очередь. Я встала в самый конец. Когда последний раз я вот так торчала среди толпы? Не помню. Это все было слишком далеко от меня – раньше я даже не осознавала, насколько избалована комфортом, чистотой, изысканностью. Когда автомат выдал мне коробку, я пошла к столу в самом дальнем углу, который еще никто не занял. Открыв этот образчик убийцы любого аппетита, я обнаружила там стакан с супом, котлету, кусок хлеба и бутылку с водой. Голод исчез, как и не бывало. Как это можно положить в рот, а потом еще и прожевать? Забрав воду, я понесла все остальное к мусорному ведру, но меня остановил чей-то голос:

– Ты не будешь это есть?

Я оглянулась и увидела, что на меня вопросительно смотрит та самая фарийка, которую я уже наметила в пары Виктору. До меня не сразу дошло, что она хочет. А хотела она мою еду, так как свою уже проглотила, и, судя по пустым емкостям, не утолив при этом голод. Я пожала плечами и протянула ей свою порцию. Девица, а это была явно молодая представительница фарийской расы, особенно с учетом их

продолжительности жизни, обрадовалась и заулыбалась мне. Мороз по коже от ее улыбки стал освежающим бонусом ее радушия. Вот кого нужно было мне в телохранители… Я отвернулась, чтобы уйти, когда она вновь со мной заговорила:

– Меня Шасса зовут! Шасса Зонгер. А тебя?

– Вара! Просто Вара.

– А фамилия?

Я не стала ломаться и назвала, ожидая реакции.

– Тиль!

– Ты Варя Тиль?

– Да, но Вара! – сказала я, ожидая, что Шасса начнет восторгаться моим именитым отцом. Это сейчас он был министром, а раньше участвовал и прославился во многих военных операциях Содружества, когда Земля еще не входила в его состав.

– То есть сокращенно на твоём бейдже могут написать Т. Вара? Не, прости, но это дичь! – захохотала фарийка, выплевывая куски недожеванной котлеты в окружающее пространство.

Я вздохнула. Очередная попытка избежать упоминания своего ненавистного варианта имени провалилась – мне казалось, что “Вара” мне подходит больше, но мое видение не совпадало с мнением окружающих.

Уворачиваясь от артиллерии из ее рта, пояснила:

– Ну вообще-то меня Варварой зовут, просто я люблю короткий вариант.

– Ну заметано. Будем знакомы, Варя, – Шасса показала на место за своим столом, где она сидела в полном одиночестве, приглашая присоединиться. Я была не готова ни с кем общаться, особенно с ней, поэтому отказалась:

– Прости, но я устала и пойду к себе.

– А, ну ладно, – простодушно ответила фарийка и вздохнула.

Глава 5

На выходе из столовой я поймала стюарда и спросила, есть ли на корабле кафе или еще что-то для тех, кто при деньгах. Он понимающе подмигнул и потащил меня в комнатушку, где предложил сигареты, спиртное, психотропы, весьма некачественные, к слову.

– А шоколадка у вас есть? – осатанела я. – Что вы мне за мусор показываете? Я сейчас пойду доложу на вас за то, что вы запрещенку провозите, а еды нормальной нет.

– Да иди докладывай, дура! Кто тебя слушать станет! Я твой номер билета сейчас заблокирую, ты до конца полета никакой еды не достанешь! – ничуть не испугавшись, ответил мужчина.

– Да ты знаешь, с кем разговариваешь? Хочешь без работы остаться? – эта угроза очень хорошо работала на Земле, но тут вышло как-то не очень. Стюард хохотнул и ответил:

– Милая, наш рейс предназначен для высадки пассажиров на трех неразвитых планетах, куда летают либо работяги, либо шлюхи. Ну так, и кто же ты? Кровь королевская, а? Судя по твоей роже размалеванной, не в шахту ты летишь пахать. Богатые, милочка, туда на спецрейсах добираются. Так что нечего меня пугать, пуганный давно я. Вали отсюда, пока я по-настоящему не разозлился!

В каюту я вернулась несолоно хлебавши, да к тому же в

бешенстве. Давно со мной так не разговаривали. Или, скорее, никогда! Даже полицейские, когда я правительственный глайдер разбила, были предельно вежливы, а тут какой-то жалкий официант. Про спецрейсы я ничего не знала. Думаю, отец не хотел афишировать мой отъезд, поэтому не устраивал ничего подобного. В то, что он пожадничал, я поверить не могу. Не такой он человек.

Нашла в своей сумке припасенные чипсы, вытащила планшет, подключилась к новостному каналу и заснула под межгалактические сплетни о новом романе известной певицы с Земли и фарийского генерала. Что-что, а отключаться от мелочей и не зацикливаться на частностях я всегда умела. Ничего не должно отвлекать от главной цели.

Разбудили меня голоса. Даже не так: из сна меня вытащили оглушающие вопли. Часы показывали глубокую ночь. Крики раздавались рядом с моей каютой, поэтому заснуть было невозможно. Кажется, сегодня мне все же повезло, и я смогу сцедить яд хоть на кого-то. Натянув спортивный костюм, я открыла дверь и выглянула в коридор. Там стояло трое: двое мужчин и одна женщина. Люди. Судя по всему, все под градусом.

– Эй, можно не орать? Спать мешаете! – начала я. Меня не заметили, крики продолжились, а я уловила причину раздора: мужики не поделили даму. То ли она обещала обоим, то ли они ее не поняли, но разрешить спор она не помогала: просто стояла у стены, глядя в пространство. Интересно, а

как она собиралась кого-то из них удовлетворять, если индивидуальных кают здесь нет? Впрочем, нет, совсем не интересно!

– Я сейчас вызову службу охраны! – гаркнула я. Кстати, почему еще никто этого не сделал?

И тут на меня обратили внимание. Я стояла у дверей каюты, зная, что успею скрыться, если начнется заруба, но не предвидела некоторых обстоятельств. Я и подумать не могла, что реакция на мои слова будет настолько мгновенной. Один из мужчин тотчас оказался рядом со мной – скорость его приближения была настолько высокой, что я не поверила своим глазам. На такое способны некоторые андроиды, возможно, инопланетные расы, но не люди!

– Рекс, у нас есть вторая, завязывай лаять, – сказал мужик, схватив меня за талию и приподняв в воздухе. От шока я слова не могла выговорить, но начала брыкаться, пытаясь вывернуться из рук агрессора. – Слышь, у нее в каюте никого. Тащи эту, мы сейчас обеих с тобой оприходуем!

Он толкнул ногой дверь моей каюты, занес меня туда и бросил на мою же кровать. Через секунду к нему присоединился второй, который привел за собой женщину – она не сопротивлялась, похоже, ее все устраивало.

– Убирайтесь отсюда! – закричала я. Слетая с кровати и хватая первое, что попалось под руку. Это оказался пульт управления кибер-системой каюты. Рослый смуглый брюнет со стеклянным взглядом, который напал на меня, засмеялся

и присвистнул:

– Ох, а хороша же! У меня таких чистеньких не было никогда.

Он бросился на меня, а я заорала. Впервые в жизни я так отчаянно хотела помощи других существ:

– Спасите!

Брюнет настиг меня в один прыжок, и я еще раз удивилась его особой ловкости и скорости. Он схватил меня и вместе со мной упал на кровать. Я пыталась посильнее ударить пультом по голове урода, но мужчина легко выдернул его из моих рук и придавил меня к кровати. Мельком я увидела, что второй мужик спокойно развлекается с девицей на свободной кровати. У них прелюдия. А у меня насилие!

Я боролась. Живой я сдаваться не собиралась. Ногти, зубы, пинки, вопли – я использовала все. В какой-то момент я почувствовала, что на мне рвут одежду. Это стало последней каплей, которая заставила меня умолять:

– Не надо! Пожалуйста!

Никогда я не испытывала такого тошнотворного кошмара. В момент, когда казалось, что уже ничего не поможет, я вдруг почувствовала, как тяжесть мужского тела с меня исчезла. Подскочив на кровати, я сквозь слезы увидела картину, которая останется со мной на всю жизнь: мужик лежал на полу, сверху на нем сидела Шасса, которая методично била его кулаками, оставляя от лица кровавое месиво. Второй мужик, попытался что-то сказать, но не стал. Он схватил свои

вещи и вылетел из каюты. Деваха, не торопясь, тоже встала и прошествовала в коридор.

– Все, я его успокоила, – сказала фарийка. Она подняла бессознательное тело и выкинула в коридор.

– А, может, вызвать охрану? – заикаясь и сотрясаясь от посттравматической истерики, спросила я.

– Не, сам придет в себя и свалит. Модификант – они все с придурью. Я его сразу заметила, это опасные типы. А дружок его – это просто пьянь.

– Кто такой модификант?

– Варя, ты откуда такая? Впрочем, не из того мира, где такая шваль водится.

Шасса присела ко мне на краешек кровати и объяснила:

– Народ себя на генетические опыты продает. Те, кому детей кормить надо или просто легких денег хотят. Им там что-то вживляют. Удачные эксперименты получают работу, а бракованных вышвыривают. Убивали бы, да закон уже запрещает их «утилизировать». Ну вот и получаются такие. Их можно вычислить, если знать, что искать. Мимика, движения. В общем, я их вижу.

– Как ты меня нашла? Ты… я твоя должница.

У меня начался этап слез, они бежали градом, а Шасса, увидев это, одной рукой, как пушинку, притянула меня к себе, обняла и погладила по голове.

– Ну-ну, не плачь. Девчонка еще совсем, жизни не знаешь.

– Сама-то больно старая…

– Мне пять десятков уже. Для нашей расы, вроде, как и немного, но я всякого успела повидать. А нашла я тебя очень просто. Не спалось что-то. У меня бывают вспышки пси-энергии. Ничего такого, просто интуиция чешется. Вот я и пошла по коридору, а потом вопли твои услышала.

– Пси-энергия? – сквозь слезы повторила я. – Какая же ты хорошая, Шасса!

– Я обычная, а ты без своей боевой косметики очень даже милая, оказывается. А ты куда путь держишь? Варь?

– В академию какую-то идиотскую. На Эссериум.

– О как!

Я не стала спрашивать у Шассы, что ее удивило. Воспоминания об обстоятельствах, приведших меня к этой поездке, вызвали новый поток слез, и я заревела пуще прежнего. Плакала я еще, наверное, минут пятнадцать, а Шасса все это время гладила меня по голове, напевая какую-то песенку. Когда я закончила рыдать, и фарийка собралась уходить, я неожиданно для себя приняла решение и выпалила:

– А давай, ты в моей каюте будешь? У меня все равно никого нет.

– Тут? Ну я не против. Со мной в одном помещении еще семь человек и один варх летят, так что твой расклад мне больше нравится.

Она сбегала за сумкой, затем расположилась на второй кровати и мгновенно уснула. А я, некоторое время послушав ее мерное дыхание рядом, тоже уплыла в сон. И клянусь, мо-

жет от того, что фарийка рядом, а, может, от того, что я выплакалась, ни одного ночного кошмара этой ночью я не увидела – словно не в грязной каюте, а в элитной капсуле для сна ночь провела.

Утром выяснилось, что летим мы в одно место. Фарийка – одна из пяти особей женского пола, которые участвуют в этом межгалактическом проекте. Мне тяжело впускать людей в свою жизнь, поэтому я никогда этого и не делаю. Тем не менее, узнав, что мы с Шассой попутчики и будущие однокурсники, я искренне обрадовалась. Эта амазонка успела за один день стать мне подругой, каким-то образом разрушив стену отчуждения. Я поняла, что Вику я ее не отдам, перетопчется. Кроме всего прочего, мне был не чужд и расчет: быстро оценила то, каким хорошим защитником может стать для меня фарийка. А с учетом того, что мы летим в мужскую академию, подобные знакомые – это еще и безопасность. Так что, она прочно закрепилась в моем ближнем кругу.

В наше первое с Шассой совместное утро мы направились на завтрак. Да, я сдалась: голод давал о себе знать, а в сумке оставалась всего лишь пара пакетиков чипсов. В столовой наблюдалась ровно такая же картина, как и вчера: длинные очереди и жующие за столами пассажиры. Мы подошли к автомату, Шасса получила своей паек, а на номер моего билета аппарат не сработал. Стюард, мстительная космическая отрыжка, все-таки заблокировал мой билет. Видимо, хочет, чтобы я пришла на поклон, не может же он на полном серьезе

морить меня голодом несколько суток? Долго размышлять о том, что делать, не пришлось. Когда новая подруга поинтересовалась причиной моей задумчивости и отсутствия завтрака, я сразу поняла, как решить эту проблему: наябедничать сердобольной фарийке. От души и в красках я расписала жлобство стюарда, а потом наслаждалась выражением мрачной решимости на лице Шассы и разве что руки не потирала от предвкушения. Ох и попал ты, сволочь, ох и попал! Настроение улучшалось на глазах: сегодня по плану было сполна получить и хлеба, и зрелищ.

Когда виновник моего голодного утра показался в столовой, я указала пальчиком в его сторону и сказала:

– Шасса, вот он!

Моя подружка встала и направилась в сторону этого достаточно субтильного ничего не подозревающего парня, а я спокойно следовала за ней, засунув руки в карманы моих скинни. Стюард убирал с одного из столов и не сразу понял, что здоровенная фарийка идет по его душу. Сообразил он, что что-то не так, когда его накрыло тенью, а мелодичный, как звук стеклорезки голос Шассы промурлыкал ему:

– Я считаю до трех. У тебя пока есть шанс разблокировать пайки Вари. Не успеешь – это сделает уже кто-нибудь другой, потому как сломанными пальцами, знаешь ли, тебе будет сложно нажимать на кнопки.

Через пятнадцать минут мы спокойно завтракали. Причем на десерт у нас был шоколад и сухофрукты, а моя сумка

пополнилась еще несколькими пачками чипсов. Мы неплохо потрясли стюарда, забрав всю вкусную снедь из его закромов. Я за все заплатила – мы не грабили. Мы просто принудительно купили.

Глава 6

Мой полет больше не омрачило ни одно событие. Разве что гиперпрыжки. «Сумрачный» оказался весьма подуставшим транспортом, поэтому между галактиками перемещался крайне чувствительно: меня тошнило и кружилась голова, не то, что на «Принцессе» – там я эти скачки вообще не ощущала. На вторые сутки мы сделали прыжок и остановку, высадив часть пассажиров. Очереди за едой стали значительно меньше, а когда еще через восемь часов «Сумрачный» нырнул в очередную галактику, остановившись на планете под названием «Дальняя», корабль практически опустел. На Эссериум с нами летело от силы человек тридцать.

Пассажиры не были похожи на курсантов Академии, поэтому Шасса предположила, что это рабочие: кроме учебного заведения Эссериум был известен залежами дарсанита – минерала, которые как-то использовали в генной инженерии. Судя по всему, именно из-за этого об этой планете было мало информации в сети. Разработки в области генов были монополизированы Содружеством и держались в тайне. Не удивлюсь, если на Эссериуме есть что-то еще очень засекреченное.

Когда корабль сделал свою последнюю остановку, мы с Шассой проследовали в зал прилета. На выходе из лайнера я спросила у одного из пилотов, которые вышли по традиции

проводить пассажиров, как называется космопорт, и в каком городе Эссериума он находится. Мужчина посмотрел на меня с удивлением, однако ответил вполне вежливо:

– Лира, это космопорт Эссериум в городе Эссериум на планете Эссериум. Больше об этой планете никто ничего не знает. Вы все поймете сами.

Мы переглянулись с фарийкой и двинулись вперёд. В конце концов, если все географические названия на этой планете сводятся к одному, их будет несложно запомнить. Помещения космопорта буквально кричали о том, что наша академия находится в действительно далекой, очень далекой галактике. Функционально он был наполнен, но по удобствам недалеко ушел от древних аэропортов. Я не видела ни одного дроида-носильщика, было непонятно, где получать багаж – на Криссалионе его подносил к тебе специальный робот, который считывал сканером номер билета для подтверждения права собственности. У Шассы весь ее скарб был в походном рюкзаке и маленькой сумке, так что искали мы выдачу из-за меня: у меня было с собой еще два больших и почти неподъемных чемодана. Побегав по терминалу туда-сюда, мы-таки обнаружили окошко с выдачей багажа, где, подумать только, настоящий человек, попросил номер моего билета, сверил с какой-то книгой или тетрадью, а потом выкатил моих двух красавцев от всегалактически известного бренда. Мне стало страшно от такого примитивного учёта: может, тут и глайдеров с флаерами нет, и они пользуются наземным транспор-

том?

В терминале было пустынно. Наши попутчики давно покинули космопорт. По плану мы сейчас должны были дождаться транспорт, направленный из Академии специально за нами. По крайней мере, именно так было написано в письме от администрации учебного заведения – так как фарийка получила такое же, информации можно было верить.

Выйдя на улицу, мы впервые глотнули воздух Эссериума и познакомились с климатом планеты. Мороз, свежесть и простор – эти слова пришли мне в голову, когда я осмотрелась вокруг. Воздух был настолько чистым, что на секунду у меня закружилась голова от избытка кислорода. Такой воздух на Земле редко где найдешь. Мы, конечно, вынесли большинство производств на планеты третьего мира, но все же первозданной свежести не добились: слишком много людей и транспорта. Шасса поежилась: для нее тут было прохладно, так как на ее родной планете температура редко снижалась за отметку в пятнадцать градусов по Цельсию. Открыв свой рюкзак, она вытащила куртку потеплее. Я решила последовать ее примеру. У меня теплые вещи лежали в одном из чемоданов. В каком, я не помнила. Пришлось лезть в каждый из них. Когда за нами прибыл транспорт из Академии, я стояла на коленях прямо на земле и пыталась найти в чемодане свою любимую парку. Перебирая и перекладывая вещи руками, я не видела, как двое особей мужского пола встали за спиной, уставившись на мою пятую точку.

– Я не понял, что среди землянок никого больше не нашлось? Почему бракованную прислали? Остальные как-то ближе к тому, что я представлял, а это недоразумение какое-то. Да ещё полуголое, – с намёком на мою выглядывающую из-под короткой куртки и топа спину прокомментировал мужской баритон.

Шасса в это время отошла в терминал в женскую комнату, поэтому не предупредила о приближении наших перевозчиков. Услышав этот монолог, я медленно поднялась и развернулась.

– А ты, я смотрю, большой знаток того, как должна выглядеть истинная землянка! Только свои каноны можешь засунуть во все свои черные дыры. Я не знаю, кого ты там представлял в своих влажных мечтах, но тебя к себе ни одна раса не подпустит, твой уровень – это вебкам-сервис, где последняя голодающая таннарка еще подумает, брать ли койн с такого как ты, чтобы показать хоть кусочек своей шерсти, – выплюнула я почти без пауз.

Меня никто не перебивал, не спорил, не вступал со мной в перепалку, поэтому, когда кровавые мальчики в глазах немного рассеялись, я увидела настоящих мальчиков, точнее, мужчин, которые стояли передо мной. Один из них – татуированный блондин с расширившимися от удивления глазами, второй, брюнет, который вперился в меня злым колючим взглядом. Обоим было плюс-минус тридцать лет, оба были людьми, и, судя по форменной одежде, офицерами. А

если так, это не курсанты и не обслуживающий персонал. Передо мной – преподаватели. Что ж, Варвара, ты молодец.

Мужчины искренне впечатлились судьбой, которую я нарисовала кому-то из них. Кто сказал про мою бракованность, я не знала. Круто я стартанула! Даже для меня. Но не я спровоцировала этот инцидент – грубость первым допустил преподаватель. И все же, похоже, план по отчислению запущен в кратчайшие сроки. Идем на опережение. Мое поведение в сочетании с серо-красными волосами, густо намалеванным перекошенным от ярости лицом, пирсингом и провокационно обтягивающей одеждой должны были сформировать конкретное представление обо мне как о сложной студентке со сложной судьбой. К слову, парку я так и не достала, оставшись в свой короткой кожанке. От эмоций, тем не менее, стало теплее само по себе – я согрелась.

– Командор Нортон! Это вы? – из-за спины я услышала восторженный вопль Шассы, которая вернулась и обращалась к кому-то из этой парочки.

– Курсанты! Представьтесь, как положено! В уставном порядке! – рявкнул брюнет.

Я перевела взгляд с брюнета на Шассу и обратно с открытым ртом. В каком порядке? Уставном? А где, простите, я устав должна была прочитать? Но, похоже, этот документ оставался тайной только для меня. Фарийка вытянулась по струнке и гаркнула:

– Курсант Шасса Зонгер прибыла для прохождения обу-

чения в Летной межгалактической академии!

– Вольно, курсант, – одобрительно проворчал брюнет и перевел взгляд на меня.

Блондин, к слову, взгляд от меня тоже не отводил. Кажется, ему хотелось продолжения. Насколько я поняла теперь, тирада, которая спровоцировала меня на всплеск, была произнесена именно им. Брюнет же, похоже, шарил только по уставу. Как его назвала Шасса? Нортон? А не тот ли это Влад Н., случаем?

– Курсант, представьтесь, – посмотрел на меня командор Нортон с выражением безграничной усталости от моей тупости.

– Бракованная землянка! Буду рада не начать обучение в Летной межгалактической академии! – громко и по делу выпалила я.

– Что это за представление? – спросил Нортон. – Еще одно неуставное обращение, и сегодня ночуете в карцере!

Что? Где? В карцере? Что это? На всякий случай промолчала, так как пока не знала, насколько все страшно. В этот момент в диалог вступил блондин. Высокий, как и его темноволосый напарник, он все же был более мускулист и широк в кости, чем жилистый худощавый командор. Обладатель белозубой улыбки, короткого ежика платиновых волос и татуировок, которые покрывали всю шею, затрагивали подбородок и там замирали, словно ожидая, когда хозяин даст добро на покрытие всего лица, он явно был немного человечнее,

чем Нортон. Не в том смысле, что добрее, а в том, что поболтать очень любил, судя по тому, как мы начали наше знакомство. Сейчас же он сказал:

– Курсанты! Разрешите представить вам командора Влада Нортона. Проректора Академии и преподавателя практической подготовки в боевых условиях. Я – Майкл Леннорд, куратор пилотного проекта по набору женщин в нашу академию, а также декан факультета штурманов. С Шассой мы уже познакомились, а вы, должно быть, Варвара Тиль? Правильно? Я прошу прощения за свои слова. Я не имел в виду, что мои каноны красоты не совпадают с вашим внешним видом. Я просто имел ввиду, что мои представления о боевом офицере несколько другие, а ваши габариты … слишком скромны…

Стало ли мне стыдно за свои грубые слова? Немного, да. Но более всего меня смущало слово «боевой», которое все повторяли как заведенные. Отец говорил о практике в боевом режиме, но я как-то не очень поверила. А зря, похоже, я действительно попала в ад, точнее, в армию.

– Да, я Варвара Тиль, но предпочитаю имя Вара.

– Это мне совсем неважно. Вот и познакомились. Поехали, курсанты. Всех девушек встречаем мы, так как Академия на военном положении и парням пока ее покидать запрещено. Вы последние. Тройка ваших уже осваивается на месте.

Я взяла свою сумку и с выражением посмотрела на чемоданы. Брюнет с отвращением провел по ним взглядом, блон-

дин хохотнул. После чего оба развернулись и пошли вперед. Налегке. А Шасса, надев рюкзак и взяв свою сумку, схватила оба моих багажа и рысцой бросилась за мужчинами. «Благослови древний бог ту галактику, в которой родилась эта святая фарийка», – подумала я и побрела за ними к большому черному флаеру с аббревиатурой "ЛМА" на блестящем кузове.

Глава 7

За что я не любила флаеры, это за водителей, любящих показать свое мастерство. То ли дело глайдеры – на них возможен только дрифт, сродни наземному, не более, а те, кто управляют маневренными летательными аппаратами, могут и мертвую петлю изобразить. Насколько я поняла, на Эссериуме ограничений по воздушным потокам и коридорам не было, поэтому наш флаер показал пару трюков, от которых моя пачка чипсов, съеденная накануне, все ближе подбиралась к горлу и просилась наружу. За рулем был молодой парень. Я подумала, что он курсант, но куратор Леннорд представил его как преподавателя. Видимо, работал он недавно, возможно выпускник, и, возможно он не знал, что не все любят летать вниз головой. Я его рыжую вихрастую голову запомнила. И имя в голове зафиксировала. Угроза «Ну Крис, ну рыжий, погоди, ты у меня еще получишь!» набатом стучала в голове, жаль озвучить нельзя было. Сначала никто не обращал внимание на мое состояние, но в какой-то момент мрачный вымораживающий взгляд командора разок задумчиво все же прошелся по моему лицу. Нортон, не отрывая глаз от моей, думаю, слегка зеленой кожи, растянул губы в насмешливой улыбке и гаркнул:

– Крис, аккуратнее. Тут у нас будущего пилота вот-вот стошнит.

Леннорд загоготал, и моя Шасса, предательница, тоже присоединилась к этому насмешливому веселью, правда, глядя при этом на меня извиняющимся взглядом: мол, прости, но командор же пошутил, как можно не отреагировать? Похоже, она его боготворила. Я не разделяла всеобщего настроения, потому как рыжий снова зашел на вираж, и я еле сдержалась, чтобы не извергнуть все, что съела до этого, на потолок кабины флаера. Потолок – потому что, когда летишь вверх ногами, именно он находится внизу. Нортон все же перестал ухмыляться, похоже он понял, насколько мне плохо. В ответ на фортель Криса он рявкнул так, что мне даже полегче немного стало:

– Крис! Я же сказал! Еще одна петля и ты в карцере.

Чувствую, стараниями командора карцер у них не пустует. Все замолчали, а куратор Леннорд тоже сообразил взглянуть на меня, и увиденное ему не понравилось. С ужасом и злостью блондин прорычал:

– Курсант Тиль, а ты случаем не охренела? Почему, во имя вселенной, прислали именно тебя? Тщедушная, с плохим вестибулярным аппаратом, что это за подстава? – мужчина застонал и закрыл глаза. – Я что с тобой делать буду, а? Ты в курсе, что, если Академия завалит проект, нас по голове не погладят? На каждой из четырёх планет проводили жесткий отбор, а у вас там что на Земле? Жребий бросали? За лучшие сиськи выбрали? Тебе оно зачем?

– Вы можете меня отчислить? – в ответ спросила я, сло-

жив руки в молитвенном жесте как раз возле той части тела, которую мужчина только что похвалил. Кстати, комплимент моей груди, даже в такой форме, мне был приятен.

– Отчислить?! – взревел Леннорд. – Проект уже запущен. Это сверхважная программа. Я сразу сказал, что с бабами… Да помню-помню, что это слово является нарушением бабск… прав женщин, – исправился он в ответ на покашливание Криса и хмурый взгляд Нортона. – Так вот, я говорил, что с женщинами лучше дела не иметь, и как в воду глядел. Но разве ж эти министры меня слушают?

Вот оно что! У нас тут сексист нарисовался! Сколько столетий боремся за гендерное равенство, а вот такие твердолобые все равно попадаются. Если бы не ремни безопасности, которые плотно прижимали куратора к креслу, то он сейчас душил меня бы, думаю. Нет, командор мне нравился больше. Там хотя бы просто карцер. Но недолго он был у меня в любимчиках.

– Майк, расслабься. В центрифуге ее потренируешь неделю, вестибулярный аппарат быстро в норму придет! – бросил Нортон.

Карцеры, центрифуги… Командор, найдите себе женщину, которой это нравится, и пытайте. С ее согласия, конечно! Вслух, понятное дело, я ничего не говорила. А, посмотрев на счастливое лицо влюбленной в Нортона Шассы, я накидала проект будущей мести. Нужно будет ее любовь к нему как-то простимулировать, что ли. Пусть уважаемый помучается

от настойчивости моей подруги. И, кстати, может, ему и понравится.

Я забыла о тошноте, так как усиленно обдумывала планы наказания преподавательского состава за недобрый прием. Все варианты мести рисовались с активным участием Шассы и с моим как наблюдателя: Нортона ей я наметила в пару, Леннорду от нее я планировала удар по голове, а рыжему… А рыжего она в моих мыслях пихала в центрифугу. На неделю.

Злость помогла мне продержаться остаток пути. Когда флаер остановился перед воротами, я буквально вывалилась из него самая первая, подняла голову на Академию и остолбенела. Кажется, не только у моей фарийки бывают вспышки пси-энергии. Здание ЛМА, возвышающееся вдалеке, было мне очень знакомо – это то самое пирамидальное сооружение, отражающее свет, которое рисовала моя мама на последнем сеансе виара в ЖЖ.

Командор практически сразу исчез из поля зрения, с нами остались рыжий и куратор. Крис показал рукой на пирамиду и сказал:

– Добро пожаловать в Летную академию. Среди студентов используется ее второе название «Летака». Сейчас я вам покажу территорию и общежитие. Через час построение. Будем представлять вас вашему курсу, всем остальным учащимся, и преподавателям. Всего на первом курсе тридцать человек. Пятеро из них – девушки, – смешно морща нос, рассказы-

вал парень. – Я у вас буду вести «Введение в этику пилота и штурмана». Работаю тут первый год, закончил другое летное училище в прошлом году – у Летаки еще не было ни одного выпуска. По состоянию здоровья не смог приступить пока к управлению космическим транспортом, поэтому направили сюда преподавать, – грустно добавил он.

Так вот почему рыжий так разошелся на флаере! Он скучает по профессии. Понимаю его стремление отрабатывать маневры хотя бы так, но не в случае, когда внутри транспорта нахожусь я. Интересно, что с ним? Больным он не выглядел.

В это время куратор Леннорд, удостоверившись, что наше общение проходит без эксцессов, откланялся, предупредив, что будет на построении. Он направился куда-то в сторону, не последовав вместе с нами к главным воротам. Мы же – я, Шасса с моими чемоданами и Крис – побрели в сторону входа на территорию кампуса. «Ну привет, Летака!» – мысленно поздоровалась я.

Глава 8

Кампус был обнесен высоким забором, который на вид выглядел как банальное, древнее как мир, каменное заграждение без технологических изысков, призванное закрывать от глаз посторонних все, что происходит на территории Академии. Свою задачу забор выполнял: я ничего не видела, кроме огромной пирамиды самого учебного здания. Мы подошли к воротам, Крис вытащил какой-то пульт, нажал на пару кнопок на нем, после чего стена и ворота пошли рябью. Оказывается, без ультрасовременных технологий все же не обошлось, и по всему периметру было настроено силовое поле, не позволявшее подступиться к ограждению. После этой манипуляции рыжий набрал комбинацию цифр на кодовом замке. Ворота открылись, мы зашли, а вслед за нами поплыл в воздухе и флаер, который никто не стал бросать за пределами кампуса.

Судя по происходящему, весь транспорт тут на нейроуправлении – в ином случае Крис не смог бы тащить флаер силой мысли. Это было необычно – на Земле такой тип управления имели только глайдеры, а маневренные аппараты пока не разрешалось ставить на “нейро”, так как при испытаниях было слишком много случаев падения или сталкивания. Конструкторы пришли к выводу, что, если пилот плохо подготовлен или просто излишне эмоционален, его мозг мо-

жет терять контакт с машиной на сложных виражах, поэтому в массовое использование нейрофлаеры не пошли. Так что на Эссериуме я такой транспорт видела впервые, а Крис оказался действительно хорошим пилотом.

– Шасса, зачем тебе столько вещей? – спросил вдруг наш проводник у фарийки, тащившей в обеих руках мои чемоданы. Я хмыкнула и вопросительно посмотрела на подругу. Ну действительно, зачем? Та не стала почему-то признаваться, что это мое, а просто сказала:

– Я женщина или где?

Мы как-то сразу поняли, что с Крисом можно по-простому: парень не очень уютно чувствовал себя в роли преподавателя и поощрял панибратство.

Больше вопросов у рыжего не возникло, и мы проследовали за ним по асфальтированной дорожке к небольшому строению. Внутри Крис включил большой экран, нажав несколько кнопок на сенсорной панели. На экране появилось изображение, которое оказалось кампусом Академии с высоты птичьего полета.

– Показываю, чтобы потом не заблудились. Мы сейчас вот здесь. Это наблюдательный пункт, здесь есть возможность отслеживать все, что происходит в кампусе. На самом деле, это можно сделать и с планшета, но сюда сажают специалиста, который работает с визуальным рядом и обрабатывает любую информацию, вплоть до вашего желания поспать или пнуть соседа. Так что будьте осторожны в своих эмоци-

ях, курсантов отлавливают и сажают в карцер всего лишь за агрессию, написанную на лице по отношению к преподам и друг к другу. На это обращают внимание, так как сейчас появляется большое количество модификантов с неустойчивой психикой, их сложно отследить, поэтому ловят в моменте.

– А зачем вам модификанты тут?

– А почему нет? Наука ушла вперед, сейчас корректируют коды у очень многих, физические преимущества существ с рекомбинантными генами говорят сами за себя.

– Видели мы их преимущества, – пробурчала я.

– Да, есть неудачные варианты, но их не так много.

– Ты когда последний раз выбирался за пределы Эссериума или хотя бы Академии? На основных планетах еще куда ни шло, там полиция смотрит, а на производственных? Там просто продыху нет от сумасшедших, – не выдержала Шасса. – А криминальные сводки читал? Сколько модификанты убивают и насилуют?

– И всё же, не все они такие, – упрямо и как-то зло бросил рыжий.

– Погоди, – сказала я, осененная светлой мыслью, – а ты, случаем не?..

– Да, я модификант. Мои родители скорректировали мой генокод, когда я еще в утробе был. На пятом курсе, прямо перед выпуском я сорвался и наорал на однокурсника. Любому бы это простили, потому что дать в репу настоящему му… простите, идиоту – это нормально. Но нет, меня отстранили

от полетов на год. Наблюдают. Вдруг, я бракованный.

– Не знала, что уже с младенчества начинают, – протянула фарийка. У нее к модификантам было, похоже, сильное предубеждение. Сейчас она на Криса смотрела так, словно тот вот-вот бросится и кому-то из нас глотку перегрызет.

– Нормальный я! – рявкнул парень. – Итак! Внимание!

Мы опять глянули на монитор.

– Вот основное здание Летаки, за ним несколько общежитий. Женских нет: отдельно никто их не строил, поэтому вам выделили блок в одном из мужских. Смотрите! Тут и тут – ангары. В них стоит летная техника: это нейроуправляемые шаттлы, предназначенные для перевозки небольшого количества людей – до десяти человек – или малогабаритных грузов. Новая разработка. Все шаттлы с гипердвигателями и оборудованы системой энергетических полей, препятствующих угрозе со стороны любых видов оружия, изобретенных на данный момент. Некоторые модели оснащены также своей системой лазерных пушек.

– То есть ты хочешь сказать…

– Да, вас обучают управлять абсолютно новыми разработками, годными и для гражданской, и для военной авиации.

– А как же классические лайнеры и грузовые корабли? – поинтересовалась я, вспомнив, о чем говорил отец.

– В Академии учат управлять всеми видами космического транспорта, однако тренировать полет на них возможно только на выездной практике, в то время как шаттлы у нас

прямо в кампусе.

Шасса светилась гордостью, а я окончательно осознала, как попала. Как только меня запустят в ангар – все, с территории кампуса хода не будет. Новые технологии – большая ответственность и секретность. Как я, изнеженная мажорка, умудрилась попасть в столь сложный и резонансный проект?

– А что потом? Куда идут выпускники? – задала закономерный вопрос я.

– В пилоты и штурмана, разумеется. На любой транспорт. Однако лучших все же будут привлекать к управлению новыми шаттлами – запуск техники начнется через полгода. Часть этих космолетов будет предоставлять услуги перевозчиков, при этом монополия останется у правительства Содружества и компании, которая их выпускает. Для частных лиц они будут недоступны.

– То есть правительство просто выпускает элитное межгалактическое такси?

– Ага. Но если война, все это превратится в непобедимую военную авиацию. Хотя часть курсантов и техники сразу отойдут армии – планируется создать специальные миротворческие корпуса. Именно поэтому нас готовят в режиме симуляции военных действий, – подтвердил рыжий и опять ткнул в экран. – А вот это полигон. Тут все самое сложное. Для вас, первокурсников, он сейчас станет родным домом на несколько первых месяцев, – сказал Крис и содрогнулся. Ну если модификанта проняло, видимо он знает что-то, чего мы

пока даже не представляем. Предательские мурашки страха пробежались по коже.

– Все, пойдем в общагу. А то заболтались, а скоро построение, – бросил Крис, выключил монитор и торопливо пошел к выходу.

– Почему у вас отчисляют не ранее третьего курса?

– У нас вообще не отчисляют. Но умереть ты можешь, но не ранее третьего, – хохотнул Крис. – Сюда не берут слабых. Если ты тут, значит, можешь все. Ну и ещё момент – учёба субсидирована Содружеством, там такая неустойка за отчисление, всю жизнь платить придётся. А еще обязательство работать на правительство. Всю жизнь под колпаком...

Все. Мне конец. Я не готова.

– А что ты можешь как… скорректированный? – вдруг спросила Шасса, а я кивком поддержала ее интерес. Парень покраснел, что было очень заметно на его светлокожей веснушчатой физиономии, и сказал:

– Я могу запоминать огромные массивы данных. Физически – я обычный, – во избежание дальнейших вопросов выдал нам всю информацию сразу Крис. Представляю, как он устал, от того, что каждый задает одни и те же вопросы, ожидая, что парень обладает суперспособностями: летает или, например, огонь пальцами разжигает.

Мы двинулись к общежитиям мимо здания Академии, а рыжему все не давали покоя чемоданы в руках у Шассы.

– У нас тут погода прохладная, но никто праздно не ша-

тается, а потому не мерзнет. Все всегда бегом, поэтому по-настоящему холодно бывает редко. Кроме того, вам выдадут комбинезоны на все случаи жизни и учебную форму, об этом должны были писать в установочном письме, так что столько вещей не надо было тащить.

Установочное письмо... Я вот такого не получала, подозреваю, там же и устав был прикреплен.

– Слушай, чего пристал? Может, у меня там ритуальные камни и алтарь? А, может, статуя любимого в полный рост? Тебе-то что? – ответила Шасса. Фарийка грубила, взъевшись на парня из-за его генов и забыв о том, что он преподаватель.

– А как твоя фамилия? Все-таки называть преподавателя Крисом – это как-то не очень, – рассуждала я.

– Крис и все! Можно – наставник.

– Ну уж нет, наставник это для седовласых дедов, – хихикнула я.

Рыжий вздохнул и сказал:

– Ну если так уж нужна фамилия, то пожалуйста. Хамли.

– Крис Хамли? – уточнила Шасса. – Хам ли, не хам ли, – весело запела она, а рыжий буркнул:

– Очень свежо и оригинально.

– Твоим родителям не днк надо было, а фамилию корректировать, – фыркнула фарийка. Но было видно, что злиться отчего-то она на рыжего перестала. Не было в ней жестокости или стремления обидеть слабого, а Криса она совершенно точно вписала в категорию “убогих”.

Глава 9

Территория кампуса была огромной и располагалась вокруг основного здания, которое возвышалось над другими строениями мрачным исполином, задающим особое настроение окружающему пейзажу. Гравийные дорожки, деревца неизвестной мне породы и кустарник изо всех сил пытались сделать картинку повеселее, но тщетно: атмосфера кампуса все равно наводила тоску за счет туманно-угрюмой серости дня, туч, затянувших небо, и пара, вылетающего изо рта в морозный воздух. Крис сказал, что ярких дней тут почти не бывает: планету всегда окружает плотный туманный кокон, который частично рассеивает излучение звезды “Страдас”, дающей свет и тепло. Это означало, что Шасса в ближайшие пять лет будет мерзнуть. Ну и я тоже, но, надеюсь, гораздо меньше по времени. Хотя, по словам Криса, нас тут согреют с первых дней и вовсе не любовью – потеть будем так, что еще умолять начнем о прохладе.

Общежитских корпусов было несколько. Нас повели в крайний слева, который стоял возле небольшой рощицы хвойных деревьев. Крис выдал нам по тоненькому браслетику, который я прицепила рядом со своим сайбра, и сказал, что отныне он является для нас идентификатором личности и пропуском во все помещения. Совать или прикладывать руку никуда не нужно было. Система заранее считывала на-

ши показатели и пропускала на объекты. Вот и сейчас дверь общежития открылась, хотя мы не дошли до нее еще пару метров. Интересные у них технологии! Похоже, весь кампус – это одна умная система.

Удивительно, но пока нам на пути не встретился ни один курсант. Я спросила об этом рыжего, и он ответил, что все на построении перед зданием Академии, и нам тоже уже нужно будет скоро туда бежать. Остальная часть экскурсии прошла в спешке: мы нашли свои комнаты, которые располагались у нас с Шассой рядом на втором этаже, забросили в них вещи, и до Криса, наконец, дошло, кто владелец этих двух чемоданов. Почему-то сейчас он не задал ни одного вопроса. Видимо, я соответствовала в его представлении образу шмоточницы. После этого мы все втроем понеслись к основному зданию.

Настоящий мандраж у меня начался метров за сто до цели – мы еще не вышли из-за угла здания и не видели саму площадку, где происходило действо, но уже слышали, как усиленный техникой голос командовал:

– Приготовиться к построению! Второй, третий, четвертый и пятый курсы! Построиться в четыре шеренги! Первый курс! Построиться в шеренгу впереди!

В этот момент мы вышли на площадь. Я увидела парней. Много. Сначала мне показалось, что их тысячи. Но нет, оказалось, около ста пятидесяти. Все как один, кроме первого курса, одеты в темную форму, похожую на военную, но

без знаков отличия. Несмотря на идентичную одежду, одинаковыми парни не выглядели, так как кроме человеческой, здесь присутствовали и другие расы: долговязые вархи, низкорослые таннары, здоровенные фарийцы. Я также заметила несколько халанов – представителей расы человекоподобных циклопов, единственный глаз которых располагался там, где у людей переносица. Своим оком они одинаково хорошо видели и при свете, и в темноте, а также могли считывать биологические показатели собеседника.

Первый курс стоял впереди. Они были узнаваемы, так как почти все тридцать студентов, включая нас с фарийкой, не были облачены в форменную одежду, оставшись в той, что носили в обычной жизни. Мой взгляд выхватил трех представительниц слабого пола: таннарку, вархану и халанку. Все девушки были как на подбор – крупные, спортивные. Даже таннарка была выше среднестатистической представительницы своей расы. Глянув на это все, я вдруг поняла, почему куратор назвал меня бракованной. Именно такой я себя сейчас чувствовала. И толпа не давала в этом себя разубедить: пока под прицелом более сотни пар глаз я шла через площадь к своим, слышала свист и выкрики, поддерживаемые мужским гоготом. Самым приличными воплем из всех был: "Крошка, ты наверное ошиблась, здесь боевую практику не в ночном клубе отрабатывают. Но могу, так и быть, снять тебя и пару раз разрядить свою обойму!"

Даже в ЖЖ под утро я не слышала столько пошлых шу-

точек, хотя там сплошная пьянь к этому часу остается. Наверное, стоило одеться не так вызывающе, а, впрочем, как бы я ни одевалась, оскорблять меня никто не имеет права. Интересно, что устав на эту тему сообщает? Где Нортон со своим карцером? Командора пока было не слышно и не видно, зато из общего гула голосов курсантов, я вычленила один очень знакомый, который в этот момент орал: “Варвара – моя девушка! Поганые языки свои засунули обратно. Слюни подтерли!” Ничего себе заявочки – Вик Сайброд реально зарвался! В поисках этого мажора, я пробежала взглядом по шеренге третьего курса, состоявшей из тридцати мужских физиономий, пока не остановилась на одной ухмыляющейся. Постаралась лицом выразить все, что грозит этому самонадеянному придурку.

Справедливости ради – я немного лукавила, обзывая его, так как все же прониклась к этому парню невольным уважением. Сын миллиардера, могущественного не только по меркам Земли, но и всего Содружества, сам, без давления или шантажа, выбрал себе весьма сложную стезю, приехав на этот кошмарный Эссериум. А еще – Виктор учился уже на третьем курсе и при этом способен улыбаться. Респект! Но ему я об этом не скажу. И месть моя будет страшна. Начну с простого: стребую должок. Я еще не решила, с кем он будет спать, но раз проспорил – пусть выполняет обещанное.

Похоже, на моем лице появилось довольное выражение, потому как Шасса, толкнув меня в бок, сказала:

– Ты на Нортона не зарься, глазки ему не строй! Он – мой!

Я вздрогнула и посмотрела на трибуну, спешно установленную курсантами, на которую уже взошли несколько человек: Влад Нортон, Майкл Леннорд и высокий седовласый мужчина в форме офицера армии Содружества. Это был ректор ЛМА Константин Фроден. Так его представил куратор, после чего дал ему слово.

– Курсанты! Этот год для нас особый. Нам предстоит первый выпуск пилотов и штурманов и одновременно с этим первый набор курсантов женского пола! Мы гордимся нашими успехами! Поздравляю вас с началом учебы!

В строю раздались ответные вопли, в которых я различила только "у-у-и", но, если прислушаться, можно было услышать, как почти полторы сотни мужских голосов рявкнули: "Служу Содружеству и чести!" Ого, как тут у них все! Почти секта.

– Сегодня мы продолжаем исполнять свой долг и приобретать очень важную профессию. Вы – будущее всего разумного мира, наш оплот и гарант безопасности. В летной службе, и в мирное время, и во время тревог, вы сможете добиться невероятных успехов и принести пользу гражданам Содружества! Не посрамите честь мундира и доверие правительства!

Повторился ответный бодрый "у-у-и", и ректора сменил Нортон.

– Хотел бы отдельно приветствовать новых членов коман-

ды. Три десятка курсантов пополнили наши ряды. Прошу старшекурсников направлять и наставлять их, а также помогать нашим новичкам. В рамках устава! – после небольшой паузы добавил командор с таким громким рыком, что у меня сердце в горло прыгнуло. – Увижу признак неуставных отношений – карцер; насилие – карцер; отлынивание от учебы – карцер!

Ну душка же! Мне кажется, он карцер лично строил, а поэтому ему грустно, когда его детище пустует. Пока я мысленно иронизировала, вышел третий выступающий. Наш куратор.

– Мы приветствуем представителей пилотного проекта по подготовке пилотов и штурманов, – мужчина сделал паузу, чтобы все оценили его каламбур и посмеялись. – Пять отважных девушек согласились прибыть на Эссериум, чтобы плечом к плечу, без поблажек и двойных стандартов, пройти обучение вместе с мужчинами!

Как это без поблажек? Вы что, серьезно? Я была в корне не согласна и готова принять любые проявления двойных стандартов, если это облегчало мою жизнь. А Леннорд тем временем продолжил:

– Я назову имена всех пяти героинь. Итак! Зарина Паппас! – гаркнул куратор, и вперед на шаг вышла пушистая таннарка.

– Дирса Мамуш! – назвал он, и отсалютовала грациозная серокожая вархана.

– Лейла Саадар! – крикнул мужчина, а халанка поклонилась, моргнув своим глазищем.

Настала очередь моей фарийки, а потом назвали меня:

– Варвара Тиль!

Когда было произнесено мое имя, я опять услышала свист и выкрики: "Горячая!", "Конкурс красоты на другой планете, детка!", "Парни, онадочь министра, лучше не болтайте лишнего!", "Дерзкая и богатая – мой типаж", "На Земле что, мужики закончились?" Если разобраться, то я слышала в основном комплименты, но, глядя на реакцию Нортона, понимала, что он не планирует их поддержать. Вины моей в этом хаосе не было, но что командор, что куратор презрительно-уничижительным взглядом смотрели именно на мое лицо. И все же Нортон осадил орущих. Комментарии курсантов были прерваны сакраментальным:

– Еще один выкрик и карцер! Никто из вас, вы слышите, никто! Не смеет демонстрировать неуважение! – очень угрожающе произнес Нортон.

Наступила звенящая тишина. Вперед вышел ректор, сухо улыбнулся и закончил это построение:

– Итак, у только что поступивших с завтрашнего дня начинается двухмесячный “курс молодого бойца”. После него вы примите присягу и станете полноценными курсантами нашей замечательной академии. Рекомендую хорошо отдохнуть, чтобы быть готовыми. Вольно, курсанты! Разойтись!

Глава 10

После команды “разойтись” я еще несколько секунд простояла в ступоре, не будучи уверенной, что все это реально. Ох, не похожа эта Летака на обычный вуз, где достаточно проявить неповиновение или нахамить, и все – вылетаешь как пробка, несмотря на важную шишку в семье. Есть ощущение, что все будет непросто.

– Девочки, ну давайте держаться вместе! – развеял мою задумчивость писклявый голос. Ко мне подошла Зарина и протянула свою ладонь, которая в отличие от всего тела, была абсолютно гладкой, без единого волоска, с короткими пальцами, которые венчали аккуратные розовые ноготки. Я пожала ее руку, а в это время к нам присоединились остальные девушки.

– Согласна – мы должны помогать друг другу. Конкуренции тут нет: Академию нам предстоит закончить всем, это не соревнование. А вот мальчики явно будут ждать, когда мы облажаемся, – напевным голосом произнесла Дирса. Вблизи ее серая кожа казалась серебряной и поблескивала в туманной сырости этого непогожего дня.

– Главное – показать свою силу, – гаркнула моя Шасса, а Лейла, самая экзотическая из всех, закатила свой глаз и сказала:

– Главное – найти себе хорошего сильного мужчину!

– Командора не трогать, это мой самец, – сразу ограничила аппетиты одноглазой фарийка.

– Нортон? Да пожалуйста. Слишком мрачный и худой. Если бы я выбирала среди людей, то предпочла бы куратора. Татуировки и мускулы Леннорда просто восхитительны, – сказала халанка с мечтательным нотками в голосе, сверкая своим огромным карим глазом, обрамленным невероятно густыми ресницами. – Хотя, конечно, я предпочту свою расу, жаль, что с халанами тут выбор не особо велик.

– О чем вы вообще думаете? – вновь раздался писк таннарки. – Мы должны учиться на пилотов, не позорьте нас. Потом скажут, что "бабы ни на что не годны, им бы только замуж выскочить".

Я не знаю, кого процитировала Зарина, но грубый мужской голос – это явно не ее конек, хотя, по сути, она была права. Я тоже не собиралась бегать за мужчинами, скорее, от них, но и в феминистском проекте "докажем мужикам, что мы тоже мужики" участвовать не планировала. Подвела итог Дирса:

– Никто не мешает нам совмещать и службу, и подбор мужей. Генофонд тут что надо, так что не стоит пренебрегать возможностью найти хороших отцов для своих будущих детей.

Все кивнули, а Лейла спросила:

– А ты, Варвара, на кого глаз положила?

Все посмотрели на меня, а мне захотелось заржать и ска-

зать: “Я ни на кого не положила, я, в отличии от тебя, сохранила оба”, но отдавала себе отчет, что это прозвучало бы грубо и оскорбительно, поэтому сдержалась, пожала плечами и произнесла:

– Я хочу домой. Но пока я тут, называйте меня, пожалуйста, “Вара”.

Не успела я закончить фразу, как мое тело настиг размашистый хлопок по плечу, а бодрый мужской голос рявкнул над ухом:

– Варенька моя, как я рад тебя видеть!

Вик приобнял меня сзади за талию, а затем этот паяц весело продолжил:

– Девчонки, очень приятно познакомиться! Помогите моей малышке, а то она вон какая хрупкая и откормить вряд ли получится.

– А, так у тебя уже есть парень… – протянула Лейла с пониманием. – А я все думала, чего это такую, как ты, сюда принесло, а ты – за любимым!

Халанка вздохнула, к ее томному вздоху присоединились Зарина и Дирса. И только фарийка хмыкнула, так как мою историю она знала хорошо.

– Вик, руки убери! Тут за неуставное в карцер сажают, – процедила я. Опровергать или подтверждать запросы парня на меня не стала, но, повернувшись к нему лицом, прошептала на ухо:

– Котеночек забыл, что должен мне желание? Видишь –

четыре женщины? Живые! Начала прикидывать, с кем тебе придется переспать. Еще не решила.

Кадык на шее парня дернулся, он прокашлялся и сказал:

– Ты этого не сделаешь!

– Конечно, сделаю! Но если отвалишь, то хотя бы не сегодня. Твоими стараниями я гнию в этой дыре, и мне еще нужно придумать, как отсюда выбираться.

– Варя, даже не думай! – на полном серьезе сказал Вик. – Тут очень строго, они тебя замучают, но никуда не отпустят.

– А за какими черными дырами ты сюда меня сосватал?

– Я подумал, это лучше, чем тюрьма!

– Чем? Это не планета, это космическая отрыжка! А Академия – тот же строгий режим! В любом случае, мог бы для начала спросить меня.

– И все же, я чувствую, что тут твое место.

– Когда я тебе причинное место отрывать буду, скажешь, что чувствуешь, – огрызнулась я.

В этот момент Вика позвали однокурсники, и, шепнув: "Еще поговорим!", парень рванул к своим, а мы с девчонками направились получать форму и искать столовую. Голод мучил нещадно.

Пищеблок, администрация и пункты выдачи всего на свете находились в основном здании. Когда мы подходили к главному входу этого исполина, я занервничала. Казалось, что зайду и тут же открою некую тайну – что-то же хотела мне сказать моя пси-вспышка. Однако ничего подобного не

произошло. Тайны не было, двери открылись без нашей помощи – браслет работал исправно, и мы вошли в большой холл, на стенах которого повсюду мелькали буквы на многочисленных табло. Привыкнув к этому мельтешению, я сообразила, что левая стена посвящена первому курсу. На ней бегущей строкой на экране нас оповещали, что новичкам необходимо по одному подходить к автомату с надписью "Учебный материал", что мы и сделали. Система считывала нас при приближении, в аппарате выдачи открывалось окошко, из которого высовывалась металлическая рука и протягивала планшет. Получив свой и нажав на его сенсорный дисплей, увидела разные иконки, названия которых говорили сами за себя: "Расписание", "Навигация по ЛМА", "Рейтинг успеваемости", "Книги и учебники". В этом тончайшем, почти прозрачном девайсе, весившим всего несколько грамм-мов, была абсолютно вся информация.

Да, время книг давно миновало. Многие мои ровесники даже и в руках никогда не держали бумажной литературы, мне же посчастливилось познакомиться с миром настоящих книг докосмической эпохи. От мамы нам с отцом досталась целая библиотека: книги она покупала в магазинах старинных вещей и расставляла на полках в специально отведенной для этого комнате. Ванесса любила когда-то читать, сидя в кресле и вдыхая запах бумажных страниц. В библиотеку после исчезновения матери я входить не могла очень долго, так как в ней у меня начиналась настоящая истерика. И все

же отец не решился что-то менять в этой комнате, а когда я подросла, то и сама запретила, даже когда он захотел сделать там игровую для сына.

После получения планшетов мы включили навигацию и быстро нашли столовую. Это был огромный зал с несколькими десятками столов для больших компаний. Почти все они были заняты, и только за одним, рассчитанном человек на десять, были места для нашей пятерки. Я огляделась в поисках выдачи еды, но не нашла ни человека, ни автомат, которые могли в этом помочь. Подойдя к столу, мы увидели, что за ним уже едят свой обед пять первокурсников. На вид все были человеческой расы. Мы поинтересовались у ребят, как добыть пищу, глянув на их очень даже аппетитно наполненные тарелки. Парни зыркнули на нас угрюмо и неприветливо, видимо, тоже сексисты, хотя, скорее всего, просто запуганные ботаны. Похоже, сюда берут не обязательно сильных, поступают и интеллектуалы. Это конкретно во мне куратор Леннорд не рассмотрел ни одного из этих достоинств. Ответил нам самый неказистый. Почти беловолосый, в очках, субтильный и долговязый, он говорил тихо, не смотря в мою сторону.

– Это меню. Нажимаете, и будет вам еда, – сказал парень и пододвинул к нам какой-то аппарат с экраном и кнопками. Нам пятерым потребовалось время, но в итоге мы разобрались, куда нажимать, почти не поссорившись. Лейла заказала себе суп, сок и булочку. И пока остальные по очереди жа-

ли на кнопки, рядом со столом из пола выехал поднос, на котором стояли выбранные ею блюда. Когда девушка поставила все это на стол, подставка вновь спряталась под нашими ногами. Интересно, а если бы я стояла на этом месте? Задав этот вопрос вслух, получила ответ от того же блондина: заказ выскочил бы в другом квадрате.

– Меня зовут Зарина, – представилась таннарка, ожидая ответных действий от курсантов. Но те продолжали молча жевать. Реакция поступила опять только от парня в очках:

– Меня зовут Тимус Крустриан, я с планеты Радан. Полукровка. Наполовину человек, наполовину грид.

Ого, раса гридов – самая закрытая. Известно, что они выглядят как альбиносы, и, вроде, крупнее людей, но очень на нас похожи. Рассказывают, что на их планете очень мало женщин, поэтому в ходу многомужество и мультикультурные браки. Я смотрела на Тимуса и почему-то чувствовала к парню расположение. Младше меня года на три-четыре, он выглядел слишком юным и тщедушным для этого брутально-садистского учебного заведения. Пока ничего, из того, что я знала о внешности гридов, в нем не было. Мне захотелось защитить Тимуса, но я потрясла головой, пытаясь стряхнуть с себя незваную сердобольность. Не до материнских инстинктов сейчас, ей богу.

Был ещё один волнующий меня вопрос, который я задала, обращаясь ко всем сразу:

– А почему мы принимаем присягу? После выпуска никто

же не запрещает служить на гражданке.

Все присутствующие, включая мрачных ботанов, посмотрели на меня как на не очень умную. До ответа снизошла Зарина:

– После присяги все становятся военнообязанными – это условие бесплатного обучения. Из-за этого и требование, что два года – это минимум срока учебы. Совсем неучей отсюда выпускать не будут, а за два года можно получить основные навыки для прохождения государственной службы – военной или гражданской, это уж как придётся, пилотом или клерком – это зависит от того, сколько отучишься. После мы в любом случае должны поработать несколько лет на Содружество, даже в случае преждевременного отчисления. Летака – это гарантия трудоустройства, если говорить о плюсах. Для многих учиться здесь – большая удача, мир открытых дверей.

М-да, я лично делаю из всего сказанного не такие радужные умозаключения. Кому мир открытых дверей, а кому – неволя и страдания. Сейчас до меня очень четко дошло, что через два месяца я стану рабом государства, поэтому нужно вынудить администрацию Академии отчислить меня раньше, чем закончится курс молодого бойца, и я буду стоять перед флагом и клясться в вечной преданности Содружеству.

Остальная часть дня прошла без приключений. Мы нашли склад, где нам выдали несколько комплектов формы, а затем добрались до общежития. Поселили нас в отдельных комна-

тах – они были рядом, так что мы всегда могли обратиться друг к другу за помощью. Хорошо, что нас разделили, потому как разные расы – разные обычаи. Такой подход внушал хоть какое-то уважение к руководству Летаки. Решив воспользоваться советом ректора и отдохнуть, я завалилась на кровать. Выхода в сеть не было, поэтому выудила из чемодана захваченную с собой мамину книгу и до вечера читала ее, стараясь ни о чем больше не думать. Мне нужен был психологический отдых. В одиночестве.

Ванная была на наш отсек одна общая, а в комнатах были только кабины для сухой чистки одежды и тела. Я "сухой душ" не люблю, предпочитаю воду, но в этот раз мне было лень вылезать наружу, поэтому довольствовалась малым. Закончив всю рутину, я включила нейро-режим на плеере своего сайбра, запустила любимые треки и ушла в нирвану, чтобы из нее, не открывая глаз, свалиться в сон. Предстоял тяжелый день. Я приступала к реализации плана по моему экстренному отчислению.

Глава 11

За час до рассвета, то есть в то самое время, когда в своей прошлой жизни я только ложилась спать, на весь кампус завыла сирена, а я с перепугу упала с кровати и долго не могла понять, где нахожусь. Этот кошмарный вой проникал внутрь головы и совершал там насилие над мозгом, вызывая желание сбежать хоть на край света, только бы избавиться от этой пытки. Однако перестать слышать душераздирающий звон-вопль было невозможно – искусственный интеллект явно изобразил его по заявке администрации следующего содержания: “Издай такой звук, чтобы у всех остались только два желания: умереть или учиться, лишь бы в тишине!” Я затыкала уши пальцами, прятала голову под подушку, но все было бесполезно. Три минуты ада – и звук прекратился. Зато внутри черепной коробки остался гул: он блокировал мой слух еще минут десять – я не слышала даже собственных мыслей. Мне кажется, за эту побудку я лет на десять укоротила себе жизнь.

Подошла к окну, чтобы оценить обстановку. Небо еще не просветлело, но кампус был хорошо освещен: повсюду висели фонари, которые позволяли различать окружающие предметы. Я видела дорожки и деревья, покрытые белым налетом – это был иней. И вот туда курсантам сейчас надо бежать? В темень и холод? Ничто не располагало к тому, чтобы вста-

вать с кровати, и я легла. Слышала звуки в коридоре, визги и ругань возле душевой: девочки готовились идти на завтрак и полигон. Я же никуда не собиралась, моя личная забастовка началась. Первый этап – это систематические прогулы. Раньше работало хорошо, посмотрим, как отреагируют на это в Академии. Совершать какие-то яркие демарши или вести подрывную деятельность пока не планировала. На военном объекте это чревато. Отбыть в тюрьму мне вовсе не улыбалось, я же сюда как раз прибыла чтобы избежать такой участи.

Через пару часов, когда по-настоящему рассвело и в окне появилось что-то похожее на утро, с кровати я все же сползла – меня подняло чувство голода. Решила поискать в здании какие-нибудь автоматы со снеками. В общежитии было совсем тихо – сто из ста процентов студентов убежали на учебу. Чудеса. Ни в одном вузе я не наблюдала такого единодушия. Стало даже немного неуютно. Перед уходом девочки стучали и звали меня с собой, но я крикнула что догоню и, разумеется, никуда не пошла. Больше меня никто не трогал.

Встала и начала одеваться, но вместо своих чемоданов сунула нос в пакет с формой, которую мне выдали вчера. От нечего делать начала примерять все подряд. Форменных костюмов было четыре – это были комбинезоны разного уровня плотности, но похожие друг на друга как две капли воды: длинные штаны, длинные рукава, застегиваются под подбородком на длинную молнию, идущую от пупка, плотно обле-

гают тело темно-серой приятной на ощупь тканью. Не хлопок, но очень качественная синтетика. На комбинезоне было несколько карманов и петлиц непонятного назначения. Я надела средний по плотности и покрутилась перед зеркалом. Ткань натянулась, но вызывающе не выглядело. К комбезам выдали две куртки, обе теплые, а также рукавицы, несколько вязаных шапок и робу. Ее я покрутила в руках и отбросила. Такое и под дулом бластера не надену. Подозреваю, что этот наряд нужен во время ремонтно-уборочных работ или когда будем под кустиком прикапывать трупы не справившихся с суровой реальностью курсантов. Комбинезон решила не снимать – в нем действительно было очень тепло и комфортно. Хоть одно уставное правило Академии я выполню: буду ходить, точнее, не ходить на занятия по форме.

Зевая, выбралась из комнаты и пошла по длинному коридору в сторону общих комнат для отдыха – я успела заметить такие на первом и втором этажах напротив лестницы. Помещения я нашла, но еды в них не обнаружила: там висели плазмы для просмотра кино, стояли диванчики и кулеры с водой, но с пропитанием все было плохо. Попив водички, собралась теперь поискать какое-нибудь помещение с возможностью выхода в инфосеть. Но не успела и шага ступить, когда мужская рука, вынырнув из-за моей спины, прижала мне что-то ко рту. Что это за фиговина, я не поняла, но рот мой склеился, словно залепленный скотчем. Может, это и был он. Я мычала, но меня держали двое – это были

крепкие парни, они накинули на голову что-то похожее на мешок, подняли меня и потащили. Точнее, один понес, повесив через плечо, а второй придерживал, так как я здорово крутилась и лягалась, пытаясь освободиться.

Испугалась ли я? Безусловно! Голос разума говорил, что похитителями были курсанты, а потому убивать никто не будет. Только этот разумный голосочек я слышала очень плохо, оглушенная и дезориентированная темнотой и грубым обращением. Сопротивлялась всю дорогу, но вырваться не удалось. Через минут пять меня сняли с мужского плеча и словно мешок с картошкой кинули на землю. Было чувствительно. Я попыталась встать, но мне не дали: мои руки и ноги связали, и сейчас я могла только словно змея трепыхаться в немыслимых зигзагах, но без возможности встать. Слабая физическая подготовка, точнее, вообще отсутствующая, давала о себе знать. Спортом я в своей жизни не занималась никогда, а поэтому демонстрировать чудеса гибкости и силы не имела возможности.

Решила больше не доставлять удовольствие зрителям своими кренделями на земле, поэтому замерла и прислушалась. Оказалось, что вот так в темноте ожидать какой-то кары или вообще непонятно чего – это очень страшно. Неизвестность вымораживала нутро. Сердце ухало в груди, я сама себе успела напридумывать уже бог знает что, но все эти ужасы не наступали. Ожидание и тишина. Слышала чужое дыхание и знала, что вокруг люди, но никто меня не трогал. И вот,

когда титаническим усилием воли я минут через пять, устав бояться, заставила себя все же начать успокаиваться, погрузившись в воспоминания о матери и улетая в картины нашего с ней прошлого, на меня хлынул поток ледяной воды. Это было так неожиданно, что в первые шокирующие секунды мне показалось, что я задыхаюсь и тону. Скорее всего, на меня плеснули не более двух ведер, и никакой угрозы для жизни это не представляло, но ощущения были эксклюзивные. На миг мое сердце остановилось, а когда запустилось, вместе с ним пришла паника. Но какая-то тихая паника. Я не кричала и не дергалась, но готова была завыть в ожидании следующей атаки. Тот, кто придумал этот способ пытки – просто чертов гений. Услышала какие-то звуки и напряглась в ожидании следующей порции душа, однако его не случилось, а вокруг началась возня и знакомый голос вдруг крикнул:

– Вы охренели? Что вы?..

Меня подняли и посадили руки Вика, который тут же начал срывать с меня мешок. Он резким движением содрал с моего рта липучку – и да, это оказался банальный скотч. А Вик, меж тем продолжать орать:

– Она же девушка! Уроды!

Парень начал развязывать мои руки. Я ни на кого не смотрела и лишь чувствовала, как мои зубы начали отбивать чечетку от охватившего тело озноба.

– Что здесь происходит? – спросил Нортон, который, судя по всему, подошел к нам только сейчас. Я все же подня-

ла голову и огляделась. Я сидела на земле, вокруг было поле, так что, похоже, это был полигон. Меня окружали парни-старшекурсники, их становилось все больше: подходили все новые и новые зрители, сейчас я насчитала около двух десятков. В паре метров разглядела Лейлу и Зарину, которые стояли и смотрели на меня с ужасом и сожалением. Через секунду вперед вышла Шасса, но приближаться ко мне не стала – меня поднял на ноги и держал за плечи Вик, а рядом стоял Нортон, который, нахмурившись, оценивал ситуацию. Судя по всему, этот инцидент сорвал занятия по боевой подготовке очень многим. Я видела парней почти со всех курсов кроме, возможно, пятого. В подтверждение моего предположения издалека слышался грохот стрельбы или чего-то подобного – похоже, выпускники продолжали жить в своем режиме, сражаясь с выдуманными врагами. А у меня вот нарисовались настоящие.

– Я спрашиваю, что здесь происходит? – повторил командор.

– Курсант Тиль не пришла на строевые перед началом занятий. Сегодня строевые проводим мы, курсанты группы “бета” четвертого курса. Действовали по общему протоколу “побудка водой”.

– А курсант Тиль знала о том, что ее ждет в случае прогула? Вы удостоверились, что весь первый курс ознакомился с уставом и протоколом наказаний? И почему Тиль одета?

Простите? Что он имеет ввиду? Тут еще и раздевают,

прежде чем пытать? Но Нортон следующей фразой пояснил ситуацию:

– Если бы вы ее нашли спящей в кровати, что позволило реализовывать «протокол побудки», то сейчас мы наблюдали бы немного другую картину, – мужчина сделал паузу, видимо, он знал, как выглядят парни, вытащенные из кровати, но совершенно не представлял, в чем сейчас должна была быть одета я в таком случае.

Судя по ухмыляющимся лицам, фантазию включили многие. Командор глянул на меня нечитаемым взглядом, который я встретила относительно спокойно, тоже откровенно пялясь и подмечая детали. На мужчине сегодня была темная куртка с капюшоном, черные форменные штаны, здоровенные сапоги. Медленно я оглядела короткий ежик черных волос, темно-карие колючие глаза, узкие губы, в обрамлении двухдневной щетины, худощавое поджарое тело. Нортон выглядел слишком жестким, слишком мрачным и непримиримым, без тени улыбки, – хотя бы саркастичной или насмешливой – что смягчила бы образ непробиваемого, несгибаемого, принципиального упрямца. С такими людьми тяжело, их не проглотить, только пожевать и выплюнуть: жестко, сухо и невкусно. А вот сам он таких как я ест на завтрак, не поморщась – последующие события лишь сильнее убедили меня в этом.

Глава 12

Разбирательства по поводу моего неожиданного насильственного душа продолжались, а я стояла и ждала, чем все закончится. Пережитое отняло много сил, мною овладела апатия, потому сама себе я казалась всего лишь сторонним наблюдателем, а происходящее – сном в сюрреалистичном антураже.

– Где вы нашли курсанта Тиль? – повернулся к моим похитителям командор.

– В общей комнате в общежитии, – ответил кареглазый шатен.

– Что она там делала?

– Воду пила.

В этот момент к нам подошел куратор Леннорд. Оценив беглым взглядом обстановку и услышав последнюю фразу курсанта, он едко заметил:

– И вы решили, что она не напилась, вылив на нее реку? Влад, давай ее в карцер, потом разберемся.

– Майк, у нее голова мокрая, в карцере она заболеть может, – сказал командор.

Похоже, Леннорд обрел возможность избавиться от бракованной и рад – вон какая искренняя белозубая улыбка освещает этот сумрачный день. Маленькая радость для большого мужчины. А вот Нортон удивил – казалось бы, мрач-

ный душнила, но поспешно решения не принимает, даже заботится.

Пока я восхищалась сердобольностью командора, он вспомнил про то, что я умею разговаривать, и спросил:

– Ну что, курсант Тиль, пришли в себя?

Я прислушалась к себе и ответила:

– Я и не выходила.

– Грубим?

– Есть немного.

– Хотите в карцер?

– Хочу отчислиться.

– Знаешь, – вдруг тихо с прищуром протянул мужчина – ты выбрала неверную тактику. Я ж тебя теперь из принципа не отпущу никуда.

Я промолчала, но задумалась, а Нортон крикнул:

– Рэй, Дорн, верните курсанта в ее комнату. А завтра, если она не придет на занятия, мы будем предпринимать совсем другие меры. Подумай, стоит ли это начинать.

– Какие меры? Карцер? Да пожалуйста! После сегодняшнего утра я уже буду готова ко всему.

– Майк, ты слышал? Курсант Тиль готова ко всему… Тогда вот что. Сделаем по-другому. Виктор Сайброд! – позвал Нортон.

– Да, командор, – вытянулся по струнке парень.

– Вы же знаете курсанта Тиль? Даже дружите с ней?

Вик замялся, бросая косые взгляды на меня, я же в ответ

только бровь подняла. Мне стало интересно, к чему все идет.

– Ну, не то, чтобы дружим…

– Что вы мямлите, отвечайте, как положено!

– Так точно! Дружим!

– Отлично! Рэй, Дорн, курсанта Сайброда в карцер. На полный холодный режим. Не выпускать, пока курсант Тиль не соизволит прийти на полигон и остальные занятия.

– Эй, вы что! – возмутилась я. – Вы же сами до завтра меня в комнату отсылаете.

– Да, само собой. До утра Сайброду там сидеть – сто процентов, а вот дальше – зависит от вас.

– Командор, да ты дьявол! – с восхищением в глазах хлопнул его по плечу Леннорд, после чего оба мужчины направились прочь, а двое парней взяли меня под локотки и уже без насилия, но с легким нажимом, повели в сторону общежития. Другая парочка верзил с четвертого курса мрачно кивнули Вику, приглашая следовать за ними, после чего они все втроем направились к самой Академии – похоже, карцер был в учебном здании.

– Эй, да мне плевать на Вика! – крикнула я вслед уходящим преподавателям. Нортон обернулся и ухмыльнулся. Он ухмыльнулся! Это была почти улыбка. Вот гад!

Комнату мою заперли, предварительно кинув мне бутылку с водой и пару упаковок с сэндвичами Оставшись одна, я начала мерить шагами помещение, в бешенстве разговаривая сама с собой.

– Да плевать! Пусть сидит! Он меня сюда запихал, вот пусть и отдувается! – орала вслух, периодически кидая что-нибудь об стену.

Вечером вернулись девчонки, они стучали в дверь, спрашивали, как у меня дела, хотя сами, похоже, были не в лучшей форме. Охая и ахая, рассказали основные новости. Оказалось, что полноценный курс сегодня без меня решили не начинать, оставив легкую разминку, после которой никто не мог шевелить руками и ногами. Кроме того, Нортон отменил наши строевые со старшими курсами, решив, что мы представляем искушение для парней, и неуставные отношения не заставят себя ждать. Это, наверное, хорошая новость, но пока я ее не могла оценить по достоинству. Меня подкидывало от эмоций.

Значит, ждут меня? Уверены, что я такая мягкосердечная и побегу спасать Вика? Да не дождутся! Несмотря на мою браваду, я постоянно думала о том, как там Сайброд. Вот именно поэтому у меня нет близких друзей или парня в мои двадцать лет. Я не хочу ответственности, страха, волнения и боли за другого человека. Я предпочитала отвечать только за себя – так проще. То, что сделал Нортон, было чудовищно для моей психики. К ночи я начала барабанить руками в дверь, вопя чтобы меня выпустили. Мне хотелось выцарапать командору глаза. Девчонки крепко спали после тяжелого дня – ко мне никто не пришел.

Доведя себя буквально до нервного истощения, представ-

ляя, как Вик мерзнет, страдает и чуть ли не умирает из-за меня, я смогла уснуть только за пару часов до сирены. Когда прозвучал этот омерзительный вой, я чувствовала себя как зомби: в зеркале на меня смотрела мертвенно бледная с насыщенным синеватым отливом девушка, чьи зеленые глаза краснели прожилками бессонницы и невыплаканных слез. Размазанная по лицу густая черная подводка усиливала мой образ восставшего мертвеца, ну или создавала мне имидж крутого коммандос, нанесшего раскрас на лицо перед спецзаданием. Из комнаты я вышла одной из первых. Девчонки увидели меня и обрадованно затараторили:

– Варя, да ты держись! Ну не так тут и плохо. Все равно не отчислят, только мучаешь себя. Зато мы потом пилотами будем. А Вик твой такой красавчик, вы такая пара!

Молчала, так как разговаривать сил не было; потащилась со всеми вместе в столовую, заказала себе кашу, но еда в горло не лезла. Во мне жила надежда, что командор обманул, и Сайброда я найду завтракающим. Но нет, мои уставшие глаза, прошарив все помещение и столкнувшись с сотней насмешливых, удивлённых, злых, сочувствующих или равнодушных взглядов, не нашли единственный, который сейчас меня волновал. Все же Вик в карцере.

С этой мыслью ко мне пришла ярость, давшая телу энергию. На полигон я шла довольно бодро, хотя бессонница, вчерашний стресс и потеря аппетита не способствовали этому от слова совсем. Уже рассвело, морозное поле было по-

крыто легкой туманной дымкой. Я видела перед собой только одну цель – командора Нортона, который стоял рядом с Леннордом и Крисом и о чем-то с ними беседовал. Не видя никого вокруг, я направилась сразу к нему. Шасса пыталась меня остановить со словами: “Нарвешься же! Стой! Куда?” Но мне было категорически все равно, на что я там могу нарваться.

Нортон заметил меня раньше, чем я подошла к нему. Я была одета в теплый форменный комбинезон и куртку с капюшоном, которой сейчас прикрывал мое лицо. Однако, мне кажется, лихорадочный блеск моих глаз мужчина уловил очень четко – я прожигала ими его так усердно, что превратила почти в смертоносный лазерный луч.

В их компанию я ворвалась как фурия, изо всех сил толкнула командора рукой и прошипела:

– Выпускай Вика, сволочь. Видишь, я пришла!

Майкл и Крис обалдело уставились на меня, а Нортон поймал мою ладонь своей, обтянутой в черную перчатку, не дав ткнуть себя еще раз, и сказал:

– Не сволочь, а командор Нортон! И да, я вижу, что ты пришла.

Я смотрела ему в лицо, в его темные глаза, и тянула на себя руку, чтобы вытащить из захвата. Попыталась помочь себе левой, но он и ее схватил за кисть, а потом, встряхнув меня так, что мои зубы клацнули, рявкнул:

– Придите в себя, курсант! Это правительственный объ-

ект. Я выяснил, за каким хреном ты сюда попала. Сочувствую твоему полному идиотизму. Твоему отцу стоило сто раз подумать, прежде чем присылать сюда свою изнеженную фиалку. Однако все это уже не важно. Будешь учиться, поняла? – командор называл меня то на "вы", то на "ты", словно не мог определиться со своим ко мне отношением.

– Поняла! – зло выкрикнула ему в лицо, на что командор лишь чуть поморщился. В этот момент я посмотрела за его спину и увидела Виктора, который шел в сопровождении нескольких ребят – вполне живой и здоровый. Меня накрыла такая волна облегчения, что я расслабилась, перестав вырываться, и невольно упала Нортону на грудь. Мужчина резко, почти грубо оттолкнул меня и сказал:

– Идите в строй, курсант Тиль. Надеюсь, мы поняли друг друга.

Я развернулась чтобы уйти, и в этот момент на меня налетел Виктор Сайброд. Приобняв, он сказал:

– Спасибо, малыш! Поверь, все будет хорошо.

Вырвалась из его объятий, стряхнув руки с плеч, и пошла, гордо выпрямив спину – демонстрируя всем, что я сама по себе. Мне казалось, что кое-кто в это время сверлил меня черным колючим взглядом – не удержавшись, повернулась, но Нортон смотрел на Леннорда, слушая его и кивая головой. Померещилось.

Глава 13

Весь первый курс построили в две шеренги. Я стояла в самом хвосте, после меня шла таннарка: мы с ней были самыми невысокими, хотя ранее свои 165 сантиметров я считала вполне приличным ростом.

Старшие курсы занимались на площадке неподалеку, отрабатывая технику рукопашного боя. Отсутствовали только выпускники, отбывшие на лётную практику – эту информацию с траурным видом сообщили мне девочки, не получившие полный комплект потенциальных женихов. Первый и пятый курсы, альфа и омега, сейчас были в фокусе внимания – мы должны были опериться, а выпускники, наконец, полететь.

Нортон и Леннорд стояли в стороне, наблюдая, а к нам вышел инструктор. Этого персонажа я ещё ни разу не видела, поэтому принялась с любопытством рассматривать. Наш физрук оказался не человеком, а фарийцем – это был огромный мускулистый детина с грубым лицом, песочного цвета волосами, выбритыми висками и зычным голосом. Божечки! В моей смерти прошу винить …

– Меня зовут капрал Морс! И называть меня стоит именно так – капрал Морс!

Вот! Капрала Морса я и прошу винить в моей смерти!

Мужчина тем временем прошел вдоль рядов, суя свой нос

нам в лица и осматривая с ног до головы.

– Пока вы всего лишь птенцы, задохлики. Моя задача за эти два месяца подготовить вас к началу учебы. Чтобы к присяге пришли не вот эти желторотики, а сильные и выносливые му… курсанты! – капрал сбился, глядя в этот момент на выдающуюся во всех смыслах грудь Шассы, которую она при его приближении выпятила словно боевые орудия. Не привык му… жик, что в строю есть женщины. А вот пусть привыкает. Похоже, их, то есть нас, будет полный боевой комплект. Пока я вместе со всеми. Еще один день душевных мучений за кого-то в карцере я не выдержу. Считай, Нортон подобрал ко мне ключик. Взломщик хренов!

Пока я представляла все варианты моей близкой гибели на полигоне, мир завертелся волчком. Капрал Морс приказал нам пробежать двадцать кругов. Я осмотрелась в поисках круга. Полигон представлял собой бескрайнее поле, но его близлежащая территория выглядела как обычный стадион, за которым виднелись какие-то пыточные сооружения. Как мне шепнула Зарина, там сооружены полосы препятствий. А пока круги нам нужно было нарезать по площадке с длиной окружности метров пятьсот, не более. Ее границы были обозначены краской на поверхности земли, окропленной, я уверена, кровью множества курсантов.

Мы побежали. Сначала показалось, что это несложная задача. Пыталась вспомнить, когда я последний раз куда-то неслась на своих двоих. Да в жизни не было такого! Зачем

бежать? Есть глайдер, можно лететь.

Первый круг выдержала с честью, хотя к концу поняла, что не все так просто. Постепенно начала замедляться, плетясь в хвосте, еще немного времени спустя я совсем выбилась из сил, а через пару километров уже бежала впереди, правда, только за счет того, что все остальные меня обогнали – кто-то на круг, а кто-то и на два. К десятому я практически шла, и мне был не мил белый свет.

Эта пробежка очень четко показала, кто есть кто в пищевой цепочке первого курса. Основная часть – курсантов пятнадцать, определенно были спортсменами: бежали как роботы, не сбиваясь с шага и преодолевая круг за кругом. Еще десять – были просто в неплохой физической форме. Эти тоже тяжело дышали, уставали, но все же неслись впереди. И оставшаяся пятерка, в числе которых я, – это те, кому пробежка была сродни пытке. Этих ребят я видела за нашим столом на обеде и сейчас с красными потными лицами рядом. Но даже среди них я была последняя. К слову, в этой пятерке улиток из девушек была только я – четверо моих подружек летели быстрее ветра среди лучших.

Пятнадцатый круг был для меня уже из разряда “я свое отмучилась – и пожить-то не успела”, а на восемнадцатом нас, еле ползущих, осталось только пять. Еще сто метров спустя свою пробежку закончили трое ребят, оставив нас наедине с Тимусом, моим беловолосым щуплым знакомым, однако и он покинул меня, пробежав дистанцию на круг быстрее –

двадцатый был только мой. Двадцать девять первокурсников, наставники, преподаватели, а также кое-кто из старшекурсников смотрели на меня. Кажется, мне что-то кричали, но у меня в ушах пульсировала кровь, ноги тряслись, как у алкаша, я готова была выкашлять свои легкие на землю. Твердила себе: “Еще шаг, еще шаг", и вдруг услышала заветное:

– Все, Тиль, хватит, ты справилась.

Да? Справилась? Я почувствовала стремительное приближение земной поверхности к своему лбу. Упав, я блаженно раскинула руки, а капрал тем временем закричал:

– Так, размялись, молодцы! Строимся!

Что? Это еще не все? Ну дальше без меня. Однако, я все же встала в строй. Точнее, взлетела. Шасса подошла, подняла меня за шкирку, донесла до моего места и поставила, сказав Зарине подпирать плечом. Я так растрогалась от заботы девочек, что слезы подступили к глазам. Но, возможно, это было из-за дикой боли в ногах, которые отказывались держать свою хозяйку.

– Итак, сейчас я покажу вам комплекс на укрепление мышц и формирование выносливости, который вы будете делать ежедневно. Каждое утро, не дожидаясь меня, вы будете приходить сюда, пробегать свою норму в двадцать кругов и делать эти упражнения. Это обязательная часть! Все понятно?

Курсанты грохнули: “Так точно, капрал!” И так это у них

бодро получилось, что я засомневалась в органической природе этих чудиков. Ну, точно, андроиды.

Упражнения были разные: на растяжку, силовые, кардио. Больше всего мне понравился стретчинг: наклоняешься и делаешь вид, что тянешься, а сам активно расслабляешь тело от перегруза. Правда, Морсу не понравилось, как я, сидя на земле, тянусь руками к ступням. Мужчина подошел инажал на поясницу, сложив меня пополам. Нецензурная лексика, которая вылетала из моего рта вместе с искрами из глаз, была спонтанной и ни к кому конкретно не относилась.

Думаю, в этот день мне было тяжело по многим причинам, и не последнюю роль сыграли стрессовые, бессонные и голодные сутки. После зарядки последовал спарринг – нам показывали простейшие приемы. В паре я стояла с Тимусом, и позор мы разделили на двоих, помахав руками и ногами и так и не тронув друг дружку ни разу. Потом был обед.

Когда мы вернулись из столовой, оказалось, что за время обеденного перерыва, прямо на полигоне успели установить небольшой ангар, внутри которого расставили стулья и столики походного типа. Нас рассадили и обязали следующие два часа зубрить устав. Было вполне предсказуемо узнать, что через два месяца, нужно будет сдавать его текст наизусть. Все включили планшеты и принялись за дело, а я села, положила руки на стол, кинула сверху голову и мгновенно отключилась. Но ненадолго. Удар палкой по спине разбудил похлеще утренней сирены.

– Курсант Тиль! Тебя я через два часа проверю лично вот от сих до сих, – ткнул пальцем Морс в мой планшет, показывая сколько ненужной мне ереси я должна выучить. – Тебе понятно?

– Да, – прошептала я.

– Я не слышу, курсант Тиль!

– Да, говорю, – зло буркнула я.

– Что это за писк? Я жду нормального ответа, – издевался этот зверь. Я почувствовала приступ ярости и вложила в ответ все чувства, которые одолевали меня в этот момент.

– Да, черные дыры меня забери, капрал Морс, мне, понятно!!!

– Вот, другое дело. Про черные дыры это красиво, я прям представил, но в следующий раз ограничься обычным: "Да, капрал Морс!"

Он отошел от моего стола, когда я уже готова была начать его душить. Вместе с тем, к своей радости ощутила, что сон пока меня покинул, поэтому воспользовалась временной бодростью и начала быстрее зубрить.

"Стремление к знаниям и постоянному самосовершенствованию – непреложный закон каждого курсанта, в противном случае невозможно стать настоящими мастерами своего дела в бесконечном космосе… Каждый курсант обязуется соблюдать законы космического пространства, охраняя как свою жизнь, так и жизни окружающих в бескрайних просторах вселенной… Взаимное доверие и сотрудни-

чество между членами экипажа – основа успешного выполнения межгалактических миссий; нарушение этого принципа приведет к негативным последствиям…" Я учила, зевая, кусая свои пальцы, дергая себя за ухо. Но ничего не помогало прогнать сон, который ещё крепче начал оплетать меня своими щупальцами: в какой-то момент, я снова готова была впасть в спячку на столе. Повернулась к Дирсе, которая сидела прямо за моей спиной, и попросила дать мне пощечину.

– Ты что, Варя? Зачем?

– Я засыпаю, мне нужна помощь!

– А сильно бить?

– От души. Я выбрала тебя, потому как Шасса и убить может, – хохотнула я. – А ты себя не сдерживай!

Я развернулась к девушке лицом, вархана кивнула, замахнулась своей серой рукой и со всей дури отвесила мне оплеуху. Я зря решила, что сила ее удара не страшна: слетев со стула, я пролетела почти метр, снеся парту Тимуса и его заодно. Естественно, именно в этот момент в ангар вошел капрал, сопровождаемый Нортоном и Леннордом. Инспекция увидела сюжет с самого начала, пропустив только момент, когда я лично просила Дирсу.

Капрал подлетел к вархане и заорал:

– Неуставные отношения! Выражение агрессии! Сутки карцера!

В этот момент я так испугалась, что, не отдавая себе отчета, кинулась к капралу, но не с кулаками, нет. Я подбежала

и, схватив его руки, прижала к своей груди, начав плакать и умолять одновременно:

– Это я, это я попросила. Не надо ее в карцер, она по моей просьбе!

От неожиданности Морс даже не стал вырывать свои лапы, просто стоял и смотрел на них, на мое лицо, на окружающих – и так по кругу. Я же продолжала молить его не наказывать Дирсу. Сколько бы это продолжалось, не известно: мы с капралом почти срослись и вошли во вкус, играя главные роли в этой драматической сцене, достойной театра. Все испортил Нортон, который устал ждать, подошел и совершил попытку оторвать меня от фарийца.

– Прекратите, курсант! Мы все поняли. Отпустите уже капрала, что за истерика? – Нортону пришлось постараться, так как уцепилась я за руки Морса крепко. Задрав голову до ломоты в шее, я смотрела в лицо фарийца, мне нужно было услышать от него лично, что вархану не тронут. И тот, наконец, пришел в себя и сказал:

– Да понял я. Карцер отменяется!

Я дернулась, и командор все же оттащил меня от Морса. Однако от нахлынувших эмоций я вырвалась из рук Нортона и вновь бросилась к капралу, на лице которого в этот момент заметила следы паники. Не обращая внимания ни на кого, я обняла мужчину – я была ему благодарна за помилование. Леннорд, наблюдавший за этим балаганом, закатил глаза и сказал:

– Я ж говорил, что ба… женщины в армии – зло! И сплошные сопли!

Фариец, выпутываясь из моих объятий, не мог не согласиться с этим утверждением, однако недовольным все же не выглядел. Он даже похлопал меня разок по плечу.

Закончился этот день нескоро. Я ответила свою часть по уставу, затем у нас было занятие, которое вел Крис Хамли, – "Этика пилотов и штурманов". Сильно от зубрежки устава это не отличалось, но парень приводил множество интересных примеров, поэтому я даже поймала себя на том, что слушаю. Рыжий увлеченно и с таким блеском в глазах рассказывал о необъятном космосе и безграничном чувстве свободы во время полета в нем, что где-то глубоко внутри меня что-то шевельнулось. Я представила себя не в виртуальном симуляторе, а в собственном шаттле, бороздящей космические просторы в поисках своей матери. Надо позвонить отцу и сказать, чтобы он купил мне шаттл. Потом подумала и добавила еще один пункт: попрошу купить шаттл и пилота. Таким был вывод сегодняшнего дня.

Вечером шла в общежитие не просто уставшая – я была чуть живая. В столовую на ужин не пошла. Не раздеваясь, прямо в грязном комбинезоне и куртке упала на кровать, собрала последние силы и позвонила отцу, заказав по сайбра дорогой межгалактический разговор.

– Папа!

– Варя, доченька, как ты?

– Я не знаю, – плакала я. – Тут сложно и больно.

– Девочка моя! Так плохо? Прости! Я попробую тебя вытащить! Слышишь?

Ответить ему я уже не смогла, так как организм все же исчерпал все свои возможности, в том числе резервные. Я заснула.

Глава 14

Утренняя сирена выдернула из обморока длиною в ночь. Мне кажется, за восемь часов сна я даже ни разу не перевернулась. Поднявшись, увидела, что все еще в верхней одежде, а, глянув в зеркало, икнула от ужаса – я не умывалась двое суток, скоро меня выгонят за вонь и неухоженный вид. Кстати, неплохо бы. Хотя, о чем это я – у них же просто есть вариант принудительного душа.

Содрала с себя всю одежду и кинула ее в сухую очистку. Сама же надела халат и поплелась мыться, жаждая ощутить на себе воду. Увидев, на кого я похожа, Лейла вытаращила на меня свой единственный глаз и уступила душевую, несмотря на то что подошла к ней первая. Я настроила очень горячий поток воды и десять минут почти кипятком пыталась подлечить свое тело, которое превратилось в один сплошной синяк. Верь я в одного из древних богов, сейчас стоило бы задуматься, когда и в какой жизни я согрешила настолько, что испытываю такие муки.

Помывшись, почувствовала некоторое облегчение. Боль в теле уменьшилась, к тому же вода унесла часть душевных тревог. Одевшись, мы с девочками пошли по обычному маршруту: столовая, где никто особо не пытался наедаться перед предстоящей беготней, и полигон. Преподавателей на поле пока не было, но мы хорошо запомнили приказ капра-

ла, поэтому, собравшись в полном составе, все тридцать первокурсников, включая меня, побежали. На меня почему-то смотрели косо и шептались, а я не понимала, что успела сотворить в этот раз. Шасса открыла мне эту тайну. Обгоняя меня на очередной круг и пробегая мимо, она сказала:

– Без макияжа ты выглядишь как маленькая девочка.

Ну конечно! Мысленно хлопнула себя по лбу – я умылась, а потом забыла сделать свой привычный макияж, маскирующий чрезмерную невинность образа!

Бежать сегодня было ничуть не легче. Теперь я знала, что меня ждет, поэтому психологически сварилась уже на первой стометровке, а дальше – двадцать кругов боли и унижений. Сегодня в гордом одиночестве я бежала не один, а три последних круга, так как остальные, включая Тимуса, уже закончили свой марафон. Когда я доползла до финишной линии и упала, показались наставники. Увидев капрала, я сделала вид, что вовсе и не валяюсь дохлой, а делаю растяжку. Думаю, Морс раскусил мой обман, но ничего не стал говорить, а когда я подняла на него глаза, вздрогнул и отвернулся. Клянусь, я услышала, как он пробормотал: “Девчонка еще совсем!”

Все первокурсники активно махали руками и ногами, вспоминая вчерашний комплекс упражнений. Вскоре из уст капрала прозвучало привычное “Стройся!”, а я вновь взлетела вверх, поднятая с земли моей верной Шассой и установленная в шеренгу к плечу Зарины. Ощущала себя сло-

манным солдатиком, в которого играют дети. Капрал ходил вдоль наших рядов, а потом вдруг резко приблизился и рявкнул прямо мне в лицо:

– Курсант Тиль! С завтрашнего дня без этого твоего боевого раскраса даже не приходи! У меня несварение случится, от того, что я пытаю детей.

Мой мозг плохо работал, так как вся энергия ушла в пробежку. Что за несварение? Что за бред?

Не увидев понимания на моем лице, Морс поморщился и еще раз пояснил:

– Курсант! Ты без косметики как дите малое, школьница какая-то. Так яснее?

– А вы будете нас пытать? – уточнила я самое страшное.

– Что у вас тут опять происходит? – раздался голос. По обыкновению, к нам пожаловала сладкая парочка: Нортон и Леннорд. Не, не сладкая, а горькая и ядовитая.

– Да вот, – сказал капрал и показал на меня. Взгляды мужчин, уставившихся на мое лицо, были прекрасны в своей выразительности: Леннорд сморщился и взлохматил рукой блондинистую макушку, а Нортон прищурился, а затем поднял бровь, выражая недоумение и немой вопрос. Я, если честно, не поняла из-за чего весь сыр-бор. Мое лицо действительно имело свойство казаться моложе своих двадцати лет, но что в этом такого?

– Сколько тебе лет? – с подозрением спросил Нортон. – Ты, случаем, документы не подделала?

– Ага, так рвалась тут у вас самоубиться, что к своим шестнадцати плюсанула четыре года!

– Отставить сарказм! – рявкнул капрал.

Ого! Да этот фариец не так уж прост. Для физрука, различающего сарказм, в моем сердце найдется местечко!

– Не нервничайте, капрал. Я понимаю, что с женщинами сложно, а тут еще это вот кукольное создание. Но что есть, то есть, – философски подошел к вопросу Леннорд.

Еще через пять минут активного обсуждения моего лица от меня отстали, и день пошел своим чередом: тренировки и зубрежка устава, зубрежка устава и тренировки. А после обеда на занятии по рукопашному бою я поняла, что меня умудрились сглазить.

В паре я была, как всегда, с Тимусом. Отрабатывали нападение с ножом и бросок через бедро. Я, если честно, лучше бы еще раз пробежала двадцать кругов, там хоть сдохла бы с честью, а тут… Как нападающий, атаку которого отбивают, я реализовала свой талант неплохо: вот уж в сотый раз я летела, поверженная Тимусом, удачно выполнившим прием. А наоборот ничего не получалось. Я бросок парня через мое бедро провести не могла. Облапала беднягу, задергала, но с места не сдвинула. Капрал уже лично наблюдал за моими мучениями и орал:

– Переноси вес тела на ногу, делай шаг в сторону, наклоняй корпус… Давай! Да что ж ты творишь, так ты и котенка с пола не поднимешь! Вроде и бедра не чета мужским, есть

через что бросать, – тупо шутил капрал. – Давай покажу!

Морс хватал Тимуса и швырял его снова и снова. У парня уже явно дезориентация и морская болезнь началась от маневров капрала, его ноги мелькали вверху со скоростью лопастей ветрогенератора в ураган.

– Значит так, Тиль. Или ты сейчас это делаешь или завтра бежишь пятьдесят кругов!

"М… Мотивация от Морса", – подумалось мне, но вслух не сказалось. Я собралась, вспомнила, о чем мне говорил этот му… мучитель и с воплем провела прием. Получилось. Почти. Я перебросила парня через бедро, но в конце споткнулась и упала следом за Тимусом. Во время моего броска с него слетели очки, а я при падении влетела лицом прямо в эти окуляры, валяющиеся на земле. Внимания на острую боль в районе щеки я не обратила, так как меня охватила эйфория от моей такой большой маленькой победы. Вскочив, я начала прыгать на месте, подняв руки и вопя: "Кто молодец? Тиль – молодец!" Девчонки подхватили, захлопав в ладоши, Тимус разулыбался, а капрал похлопал по плечу. Это был триумф. Пока Морс не посмотрел на меня внимательнее.

– Курсант Тиль! Твое лицо! – сказал Морс, а я отмахнулась:

– Да намалюю я завтра себе несколько лет, не переживайте!

– Курсант Крустриан! – раздался голос рядом. Я обернулась и увидела Нортона. И как он успел всех выучить по фа-

милиям? По ночам зубрит, что ли? – Почему ваши очки не закреплены, и из чего, во имя космоса, они сделаны? Вы не читали устав? Все украшения или иные аксессуары допустимы только из мягкого пластика! И вообще, сходите уже в наш санблок и сделайте себе стопроцентное зрение! Пять минут это занимает! Пять минут всего! Кто в здравом уме сейчас корректирует его стеклами? Что за древность? – командор не орал, но его голос был от этого не менее угрожающим.

Тимусу было что на это ответить:

– Это не для зрения. Это другие очки, их не делают из пластика.

– Что значит, другие? – удивился командор, да и остальные начали уже с любопытством прислушиваться к разговору.

Тимус поежился от всеобщего внимания, но все же пояснил:

– Я наполовину грид, а у этой расы есть особый дар… В общем, мы видим энергетическую ауру живых существ. Это сложно объяснить. Меня пока не учили понимать все тонкости, только в общих чертах, и, кроме того, будучи полукровкой, я очень устаю от вечного свечения вокруг. Поэтому ношу очки, чтобы быть как все и не отвлекаться во время учебы.

– Свечение? Как оно выглядит? – спросил Нортон, как мне показалось, вовсе не с праздным любопытством – мужчина даже подошел ближе, с прищуром слушая парня.

– Я вижу светящийся кокон, в который обернуто живое существо: в зависимости от цвета и плотности по нему можно определять биологические показатели, это нас сближает с халанами, но еще там много другого – эмоции, совместимость… Я сам еще не все знаю…

Нортон о чем-то задумался, а затем, мельком глянув на меня, вздрогнул и по-настоящему заорал:

– Курсанта Тиль в санблок! Быстро!

Только в этот момент я почувствовала боль, провела рукой по щеке и увидела на пальцах кровь. Испугалась я неслабо. Это же лицо! А я же девочка! Рядом со мной материализовался Крис, он подхватил меня за локоть и повел в здание Академии. За приговором в санблок я шла ни жива ни мертва. В стерильном, очень технологичном помещении с интерьером, состоящим исключительно из белых или хромированных элементов, меня встретил врач – варх в белом халате с флегматичным выражением лица. Он усадил меня, обработал рану. По его лицу вообще невозможно было понять, насколько все серьезно. Через десять минут манипуляций он меня отпустил, сказав: “Через неделю уберем шрам”, и Крис повел меня на ужин.

Учебный день закончился. В столовой на меня опять смотрели, но почему-то никто ничего при этом не говорил. Никаких идиотских шуток, подначиваний или пошлостей. Приятно, конечно, но подозрительно. Сегодня народу было больше, с нами ужинали и пятикурсники – я слышала, как

девочки обсуждали, что те вернулись с практики, но завтра опять умчатся на другую. Безучастно посмотрела на рослых парней в настоящей форме пилотов Содружества, и отвернулась. Показался чей-то пристальный взгляд с той стороны, но я отмахнулась. Я бы тоже на себя, наверное, глазела бы на их месте.

А вот когда я села за наш женско-ботанский стол, на меня из моих сотрапезников не смотрел никто – все склонили головы к тарелкам.

– Да что с вами? – спросила я с тревогой. – У кого-нибудь есть зеркало?

Все замычали и отрицательно покачали головой. Да ну их, в самом деле. Заживет. Сейчас я вспомнила о другой проблеме, которая меня волновала.

– Кто-нибудь знает, есть ли в общежитиях доступ в инфосеть?

Интерес к вопросу продемонстрировал только Тимус, остальные, похоже, были настолько задолбаны физкультурой, что из их пирамиды потребностей выпало многое, включая серфинг в сети. Мне же необходимо было связаться с моими ищейками, да и от графика поиска по распознаванию лиц я очень отставала.

– В каждой общаге есть комната с нейрокомпами и выходом в сеть, но нужно записываться. Все посещают по очереди.

Что ж, уже хорошо. От поиска матери я отказываться не

собиралась.

Глава 15

Вечером, вернувшись в общежитие, я первым делом нашла заветное помещение с инфосетью. Рабочих мест было всего три, они были заняты – за компами сидели старшекурсники. На двери висело табло, высвечивающее график посещений. Можно было внести себя в любой незанятый временной промежуток, но для первого курса – не больше часа в сутки. Ближайшее свободное окошко оставалось сегодня в два часа ночи. Удивительно, но время на час ночи и три уже было расписано – не только я маньячила в сети, были и другие безумцы. Вписав себя, я, тем не менее, совсем не была уверена, что проснусь к этому времени: непреходящее ощущение, что превратилась в ходячего мертвеца, намекало на необходимость хорошего отдыха.

Зайдя, наконец, в свою комнату, первым делом глянула в зеркало. На левой щеке был порез, похоже, глубокий, так как врач соединил его края специальными скобами. Вся левая сторона лица опухла, налилась синим, а глаз превратился в узкую щелку. Не мудрено, что от меня шарахались. Почему-то особо не расстроилась – то ли верила в нашу медицину, то ли слишком устала, то ли с ума сошла. Зевая во весь рот, я поставила будильник, чтобы не проспать свое время выхода в сеть, и выключилась.

Подъем под мягкий чирикающий сигнал моего сайбра

был несказанно приятнее, чем душераздирающий вой сирены, однако эти звуки в итоге не разбудили: я их проигнорировала и только глубже уснула. Подняло меня чувство тревоги и сон, в котором я бежала за своей мамой и звала ее, а она не слышала, исчезая в туманной дымке далеко впереди. С криком: “Мамочка!” я подскочила на кровати. До двух часов ночи оставалось десять минут. Протерев глаза и вскрикнув от боли, я опять подошла к зеркалу и увидела, что отек стал сильнее. Ну что за красота! Капрал Морс будет доволен.

Зайдя в общую ванную и плеснув себе в лицо холодной воды, взяла свой нейромодуль и направилась в компьютерную комнату. Там сидели двое парней, оба были чем-то увлечены, стуча по клавиатуре; на их голографических модулях мелькали трехмерные картинки, тексты и что-то еще, до чего мне не было дела. На меня внимания они не обратили. Я села за свободный стол, прицепила к вискам электроды и подключила своего гика-младшего к экрану. Полную приватность с голограммами соблюдать было невозможно – обычно в платных специализированных компьютерных клубах рабочие места находились в отдельных кабинках. Однако, и без этого понять, чем занимается подключенный к сети человек, было сложно, так как при работе с нейросистемами часть информации поступает сразу в мозг, а визуальный ряд часто бывает неполным или слишком стремительным. Таким образом, движущиеся картинки вне контекста кажутся категорической белибердой.

Открыв свой мессенджер, я обалдела от количества сообщений. Ищейка под ником “Хантер” очень настойчиво звал меня в личный чат. Увидев, что я онлайн, он тут же вышел на связь. Новости были ошеломляющие: парень – хотя это могла быть и девушка, я не интересовалась – сообщил, что обнаружил следы моей матери на планете Радан. Хантер нашел сведения о том, что семнадцать лет назад женщина по имени Ванесса Тиль переоформляла документы на другое имя. Пока не известно на какое, но, похоже, она стала гражданкой этой планеты, что очень сужало поиски.

Я перевела Хантеру приличное количество койнов в качестве премии и приказала продолжать поиски, а сама выключила компьютер и закрыла руками лицо, забыв, что оно травмировано. Зашипев от боли и злости, пнула ногой ножку стола, выдернула свой модуль, встала и вышла из помещения.

У меня оставалось еще пятнадцать минут, и следующий за мной пользователь инфосети пока не подошел, но я начала задыхаться в тесном помещении, меня трясло от осознания, насколько близко я подобралась к матери. Учитывая новую информацию, мне нужно было лететь на Радан и там нанимать сыщиков. Однако все было не так просто. Во-первых, мне с Эссериума не выбраться, а во-вторых, Радан населен гридами, а у них очень закрытое общество. Чтобы туда попасть, нужно приглашение кого-то из граждан планеты. Древние боги, как же бесит беспомощность! Как не вовремя

меня заперли в этой дыре, точнее, тюрьме, ну то есть в Академии!

Я вышла из общежития в прохладу ночи, села на ступеньки крыльца и заплакала. Я не плакса, нет, но сейчас отчаяние подобралось слишком близко.

– Малыш! Что случилось? – раздался голос рядом. Вик! Принесла нелегкая! И ночью не спастись от чужого внимания. Побыть одной часок невозможно!

– Ничего! Вали отсюда!

– Ну что ж так грубо? – сказал парень. Он сел рядом, снял с себя куртку и накинул мне на плечи. – Я дежурный сегодня, мне положено не спать, а ты чего?

– Не называй меня "малыш"! Не лезь ко мне! – я подняла голову и выплюнула эти слова парню в лицо, одновременно с этим возвращая ему его одежду. В этот момент в свете фонарей он разглядел то, во что я превратилась: вздрогнул, на секунду отвернулся, а потом вновь осторожно посмотрел на меня, стараясь не выдавать ощущаемый при этом ужас, который, все же легко считывался на его лице.

– Бедная моя! Больно? Это пройдет, – Вик поднял руку и попытался прикоснуться к моей щеке. Я отшатнулась.

– Слушай! Ну давай как-то договоримся, я не хочу… – начала я.

– Ты мне нравишься! Понравилась с первого взгляда. Я знаю, что вел себя как придурок, но я могу и по-другому.

– Ты из-за этого притащил меня на Эссериум? Потому что

я тебе нравлюсь? Ну смотри, как мне хорошо! – я ткнула себя в лицо. – Спасибо!

– Я же говорю, мне показалось, что так будет лучше. Ну… и я хотел, чтобы ты была рядом…

– Немного странно отправлять девушку, которая якобы тебе нравится, в этот ад. Прости, но мне этого не понять.

– Крошка, ну хватит дуться!

– Вик, отвали, я серьезно. Мы с тобой можем спокойно сосуществовать здесь, но только в том случае, если ты перестанешь ко мне клеиться…

– Но я уже всем сказал, что ты моя девушка.

– Зря! Мы просто приятели из одного элитного гнезда, а я хочу всего лишь выжить – для меня это далеко не курорт. Это все очень тяжело, понимаешь?

Вик словно не слышал. Он обнял меня за плечи и попытался притянуть к себе – я брыкалась, но парень был сильнее. Что он от меня хотел, было не понятно – не поцелуя же, в самом деле. Губы на моем опухшем лице определялись с трудом. Тем не менее, подозреваю, что выглядели мы как влюбленная парочка или как зомби и охотник, пытающийся его, то есть меня, упокоить.

Свидетелем этой сцены неожиданно стал ещё один неспящий в ночи.

– Курсант Тиль! Курсант Сайброд! Что за бардак?!

Вик подскочил, а я чуть на спину не завалилась, когда парень резко меня отпустил.

– Командор! Дежурный курсант Сайброд! В кампусе все в порядке! Посторонних на территории нет!

– Вольно! Но вообще-то я вас не об этом спросил. Что вы делаете с курсантом Тиль?

– Общаемся!

Тогда Нортон перевел взгляд на меня и спросил:

– Курсант Тиль! Почему вы не спите?

– В уставе нет ничего про то, как я должна проводить свои ночи, – сказала я, не глядя на мужчину.

Нортон замолчал, почему-то откашлялся и после паузы все же выдавил из себя:

– Но есть же здравый смысл…

– Я думала, вы заметили, что у меня с ним проблемы, – всхлипнув, ответила я и все же подняла голову. Реакция Нортона была более сдержанной, чем у Вика, но от вида моего израненного и опухшего лица пробрало и его: мужчина чуть скривился и с эмоцией, похожей на сочувствие, обратился ко мне.

– Идите спать! – тихо сказал командор и, когда я не отреагировала, рявкнул:

– На вас живого места нет! Я сказал – спать, курсант Тиль! Живо!

Послушавшись, я со скоростью вспышки сверхновой оказалась в своей кровати, а до сирены оставалось всего два часа.

Утром я смотрела в зеркало, и у меня не было слов. Сей-

час меня не узнал бы никто. Мое лицо можно было идентифицировать только по цвету глаз, точнее, одного глаза, который пока не до конца заплыл, а также по пирсингу в брови: микробанан был сделан из особого сплава, а накрутки я заказала бриллиантовые – стоило такое украшение круглую сумму. Мой труп, видимо, опознают именно по этому аксессуару, потому как ничего больше о холеной Варваре Тиль в моем образе не напоминало. Вспомнила, как отец вопил, увидев, что я проколола бровь: мол, травма на лице – это опасно. Что бы он сказал сейчас, интересно? Селфи что ли послать? Нет, я его потеряю тогда. От инфаркта никто не застрахован, даже министры. Я смотрела на себя только одним глазом, но лучше не видела бы вообще.

Душ в это утро я не принимала, а волосы, не расчесывая, как попало скрутила в гульку: мне было в целом все равно, так как красотку из меня не сделать. Да и сил на марафет не было. Одно радовало: сейчас я экономлю кучу времени на макияже.

Сегодняшняя пробежка прошла в обычном режиме. Отставала я уже на четыре круга, но кто их считает? Регресс – это же тоже результат? Сегодня наш курс сам организовано построился за минуту до прихода капрала Морса. По обычаю, за ним вслед подошли и Нортон с Леннордом. Преподы словно пасут нас – столько внимания бедным первокурсникам!

Окинув взглядом нашу шеренгу, капрал дошел до меня и

замер. Дежавю! Так будет каждое утро? Надоело быть центром внимания Морса, это нервировало – у меня даже рука зачесалась под браслетами. Я поскребла кожу и, судя по тому, что произошло дальше, случайно включила звук на своем Сайбра-18, который до этого намеренно убирала, так как все это время гаджет бился в истерике, фиксируя мои чумовые биологические показатели. Но в этот раз браслет вырвался на волю, и в утренней тишине на весь кампус из-под моего рукава вдруг раздался яростный женский вопль:

– Рекомендуем срочную госпитализацию! Уровень кортизола, цитокинов и креатинкиназы повышен, наблюдается стремительный рост числа лейкоцитов и эритроцитов, увеличение количества сегментоядерных нейтрофилов, снижение содержания лимфоцитов, повышение уровня глюкозы. Настоятельно рекомендую обратиться к врачу, исключить любые физические нагрузки и стрессы!

Я пыталась заглушить вопль моего браслета, но у меня это получилось не сразу, поэтому с моей биохимией успел познакомиться весь полигон. Капрал посмотрел на меня и рявкнул:

– Курсант Тиль. Срочно в санблок! Придете на полигон после обеда. У ваших товарищей будет полоса препятствий, а вы только понаблюдаете. Сегодня освобождаетесь от тренировки!

Я видела, что это решение было одобрительно принято всеми окружающими: однокурсникам было неуютно стоять

рядом с восставшей, а преподам страшно, что я скончаюсь. Это ж потом задолбаются отписываться о том, как они дочь министра обороны Земли со свету сжили. Я попыталась злорадно улыбнуться, но, похоже, вместо улыбки получилась предсмертная гримаса – Морс отпрянул, скривился, а затем, вытащив меня за шкирку из строя, пихнул в сторону Академии.

В медпункте меня встретил все тот же безэмоциональный варх. В этот раз я поинтересовалась именем эскулапа, прочитав на двери, что зовут его доктор Симус. Исходя из моей везучести, думаю, мы с ним обречены стать добрыми друзьями. Варх никак не отреагировал на мою физиономию, просто завел в палату и подключил к капельнице. Сказал лежать и не двигаться, а потом ушел. Выполнить его указания было совсем не сложно. Я полежала-полежала, да и уплыла в сон. Чувствовала, как мне добавляют лекарства и капельницу не убирают. Когда проснулась, поняла, что стало гораздо лучше. Я ощущала прилив сил: то ли из-за сна, то ли из-за лечения, то ли из-за всего вместе.

Варх выдал мне мазь, пару бутыльков и отправил на полигон. Интересно, а сразу все это нельзя было прописать? Словно услышав мои мысли, доктор Симус произнес:

– Постоянно забываю, что на людях так медленно все заживает. Любому гуманоиду хватило бы вчерашнего лечения…

М-да, профессионализм этого врача вызывает сомнения.

Я как раз успела на обед. Девчонки обрадовались моему появлению и сообщили, что выгляжу я намного лучше, а Тимус посмотрел на меня и сказал:

– Ты это, извини, я не хотел.

– Да ты-то тут при чем, это я неуклюжая, – ответила и нажала на кнопку заказа.

Через несколько секунд на выдвижной подставке появился мой суп, компот и почему-то шоколадка. Взяв ее в руки, увидела, что это сладость от известного кондитерского бренда "Варька" – элитный шоколад, и в Академии такого точно нет. Какой шутник додумался? Оглядевшись, попыталась понять, от кого подарок. Ребята за столом все как один твердили, что это не их работа. Девочки же начали предполагать и спорить. Большинство сошлись на Вике, и только Дирса авторитетно заявила, что это не он, а тайный поклонник, так как Сайброд по своему психотипу все всегда делает напоказ, а тут не та история. В общем, личность дарителя осталась тайной, а шоколад я положила в карман, ни с кем не поделившись. Это моя маленькая слабость: я сладкоежка и сейчас очень благодарна своему неизвестному благодетелю.

Это была не единственная радость на сегодня. Вторая заключалась в том, что я вновь видела обоими глазами – значит, отек начал спадать.

Глава 16

Вторая половина дня у нас проходила на отдаленной части полигона. Нам предстояло знакомство с полосой препятствий. Капрал объяснил, что начинаем с простейшего уровня, но постепенно он будет усложняться: к концу второго месяца первый курс должен будет уметь проходить самую жуть где-то в западной части – Морс в ту сторону показал пальцем, но смотреть никто не стал. Зачем заранее пугаться?

Меня посадили на одно из мест для наблюдателей, которое представляло собой небольшую металлическую вышку рядом с полосой. По словам капрала, моя задача была “не балду пинать, а выявлять ошибки каждого, кто участвовал в прохождении”. Включила планшет и приготовилась записывать, хотя не могла взять в толк, как можно оценить действия ребят, если суть и механика препятствий категорически непонятны. Спрашивать у Морса и нарваться на крик было страшно, но, к счастью, ко мне подбежал Крис, который сегодня был приставлен к четвертому курсу, но зачем-то понадобился ненадолго капралу. Он, добрая душа, забрался ко мне на вышку и перед тем, как вновь исчезнуть, кратко объяснил основное.

Полоса препятствий представляла собой совокупность помех условно естественного происхождения, а также сооружений и квестов с использованием высоких технологий.

Курсанты должны были карабкаться и перелезать через вертикальные конструкции, чередующиеся с траншеями разной глубины, которые делали обычный шаг невозможным и заставляли прыгать ребят словно кенгуру. Вишенкой на торте было главное «природное» препятствие, роль которого выполняла огромная лужа, заполненная грязью. Через нее курсантам нужно было перелететь, держась за канат. Все эти сложные, но в целом понятные и старые как мир барьеры перемежались с небольшими ангарами, содержимое которых от глаз было скрыто. Крис вывел мне изображение этих помещений на планшет и объяснил, что в первом ангаре отсутствует гравитация и дуют разносторонне направленные ветры. В помещении было практически пусто, если не считать множества прикрепленных к стенам, потолку и полу предметов разной формы – за них можно было держаться при передвижении. Следующий бокс, самый большой по площади, был осложнен пространственными искажениями – по сути это был лабиринт. Эта часть, по-моему, была чистым издевательством, так как приборами, измеряющими степень кривизны, мы пользоваться не умели. В школе, конечно, теорию нам давали, но только в общих чертах. Третий высокотехнологичный «дом ужасов» имитировал безвоздушное пространство, метеоритный дождь и свободное падение с большой высоты. Тут “выживали” самые стрессоустойчивые.

Мне было немного неуютно наблюдать за мучениями моих однокурсников, но, что греха таить, я радовалась тому,

что не участвую в этом светопреставлении.

За действом наблюдал капрал Морс и куратор Леннорд, третьей "судьей" была я. Мои однокурсники выходили на полосу по жребию. В числе первых "повезло" нескольким лидерам нашего курса – это были физически подготовленные парни, которые на утренних двадцати кругах бега умудрялись даже не запыхаться. Как я и предполагала, для них самым сложным элементом стал ангар с искривлениями. Там не было больно или страшно, там было непонятно. Трое из этих бугаев плутали на пятидесяти квадратных метрах минут двадцать, и со стороны это могло показаться странным. Но не им – тем, кто заходил в помещение, открывалась иллюзия огромного поля с кучей повернутых в разные стороны пространственных изломов. Куда бы ни побежал, ты мог оказаться в исходной точке или перепрыгнуть в противоположную от цели сторону. Вытащила всю эту группу халанка, которая шла следующей по жребию и не стала дожидаться, пока затерянные сами разберутся с этим сложным лабиринтом. Как она потом призналась, ее единственный глаз, при правильной настройке, этих искривлений попросту не видел. Капрал, кстати, чуть позже не выдержал и сдал мне секрет: оказывается, внутри на стене висит огромная схема, которая позволяет выйти из сооружения за минуту, но ее видят немногие, почти никто, потому что "эти безмозглые желторотики не смотрят".

Остальные студенты худо-бедно справлялись с этим кве-

стом, но ломались на других препятствиях. Через минут сорок мне смотреть на это все надоело. Череда одних и тех же движущихся картинок: падений, охов, ушибов, страданий, ругательств. Я никогда не смеялась в кино с кадров, где людям причиняют боль или даже просто кидают торт в лицо. На ребят мне смотреть было больно. До конца этой пытки оставалось пять курсантов. Самым последним был Тимус, он ждал своей очереди, а в данный момент полосу проходила Зарина, которой очень тяжело дался третий ангар. Она вышла, рыдая во весь голос и размазывая слезы по своему пушистому лицу: свободное падение ее доконало. Я даже почувствовала не характерное для меня желание выскочить и утешить девушку.

Когда оставалось всего два курсанта, на дальней площадке метрах в пятистах от нас, где занимались старшекурсники, что-то произошло. По крайней мере, именно так я расценила непечатную ругань из уст капрала, который то глядя вдаль, то читая сообщение на планшете, завопил: “Не, ну понимаю эти желторотые, но чтоб третий курс?!” В эту же секунду они вместе с Леннордом слетели с вышек и понеслись на другую часть поля. Убегая, куратор крикнул:

– Тиль, за старшего! Если что-то случится, сообщи!

Я? За старшего? Совсем ополоумели? А сообщать как? Орать? Куда?

Мужчины на сверхскоростях побежали прочь, а я повернулась в сторону полосы. Все, кто прошел препятствия, сразу

уходили в наш учебный ангар зубрить устав, а после последнего мученика к ним должна была присоединиться и я. Вот так и получилось, что в этот момент я была единственным наблюдателем. Слава древним богам, на полосе остался один Тимус. Я расслабилась, так как была уверена, что уж он-то пройдет спокойно. Внешне щуплый, парень оказался все же значительно более сильным и ловким, чем я. Хотя, конечно, хвалить чью-то физическую подготовку, сравнивая с моей, это все равно, что считать обезьяну балериной только потому, что она, в отличие от слона, может ходить на двух ногах.

Тимус с легкостью прошел первую половину препятствий: у него не вызвали сложности два начальных ангара и стены с траншеями. Совершенно неожиданно Крустриан не прошел лужу с грязью. И это было не так уж и страшно – я наблюдала сегодня штук десять падений в эту субстанцию: все, кто туда плюхался, всплывали и выбирались – грязные, несчастные, но живые! Тимус же упал в лужу и ушел в нее с головой. Я в страхе подалась вперед, но увидела лишь огромный коричневый пузырь, надувшийся на поверхности. Как я слетела со своей вышки, не помню, но через пару ударов сердца я ухватилась за край каната и влетела в грязную жижу, зависнув над ней и погрузившись по пояс. Пошевелив ногами, поняла, что до дна они не достают. Тимуса я нащупала сразу, глубоко уйти он не успел. Я ухватила парня за шиворот левой рукой, так как правой держалась за канат. Нечеловеческим усилием вытянула его голову на поверхность. Благо, парень был жив.

Он выплюнул грязь и вдохнул воздух в легкие.

– Спасибо, – просипел он.

– Тимус! У меня сейчас разожмутся пальцы, и мы вместе уйдем в эту жижу. Вытащи руку и держись за меня, мне нужны мои обе, чтобы ухватиться за канат. Почему все выплывали, а мы идем ко дну??

Соображал парень быстро. С трудом, но все же вытащил обе конечности и ухватился за мое туловище, я же освободила руку и крепче перехватила ею канат. На мое счастье, парень был легкий. На выставке современного искусства инсталляцию, которую мы с ним сейчас образовали, назвали бы "грязные объятия" или "жизнь – как она есть": я ухватилась за канат и, как русалка из сказок, торчала из лужи тем, что у меня выше талии; Тимус держался за меня, вцепившись в петлицы на комбезе в районе груди, при этом на поверхности виднелись только его голова, шея и руки. Выбраться из этой засады никто не мог. Я попыталась подтянуться на руках, но нет, чуда не случилось. Себя, может, и вытянула бы, что тоже спорно, но двойной вес – никак. Настала очередь Крустриана. Парень попытался ухватить меня за плечи и подтянуться. Это немного улучшило его положение, но ситуацию не спасло. Теперь он больно давил, повиснув на моих плечах, при этом никаких дальнейших действий предпринять не мог.

– Какого черта тут творится? – раздался вдруг злобный рык Нортона. А я подумала, что командор тоже, видимо, знаком с древними религиозными постулатами. Черти – это же

оттуда.

– Командор, мы сейчас сдохнем! Мы тонем, – ответила четко и по существу.

Нортону не нужно было повторять дважды, в каком-то нечеловеческом прыжке, словно телепортировавшись в пространстве, мужчина оказался возле лужи. Прыгнул в нее, в два гребка оказался рядом с нами, ухватил Тимуса, освободив меня от его веса, вытащил на берег, затем вернулся за мной. Все это заняло от силы минуты три. Не знала, что люди способны так двигаться. И не знала, что в такой почти болотной жиже можно плавать. Надеюсь, от нас не ждут таких же подвигов! Положив меня на землю, командор навис надо мной и начал орать:

– Почему вы не надели спецкостюм? Вы что, не читали инструкции? У вас же есть комбинезон, который специально выдан для этого. Где капрал? Морс!!!

– Влад! Что тут?.. – Леннорд и Морс как раз вернулись и с недоумением созерцали картину из трех грязных существ, двое из которых лежали в позе звезд на земле, тяжело дыша, а третий орал благим матом.

– Эти двое… Крустриан тонул, Тиль его спасла. Оба чуть не погибли, – прорычал Нортон, а Леннорд, мне показалось, побледнел.

– Какого… Как можно утонуть в спецкомбезе? Курсанты, что вы надели сегодня? – обратился к нам куратор.

– Это ваш просчет! – орал Нортон на капрала и Леннорда.

– Нужно проверять такие вещи. И почему вы покинули наблюдение? Разжалую в водителей поломоечных машин! Космос только во сне будете видеть!

Он орал, а я умилялась. Мой отец – бывший военный, человек очень спокойный, но иногда любит вспомнить боевое прошлое и поорать на подчиненных как на солдат. Так что сейчас прям домом запахло. Я посмотрела на Нортона другим взглядом: глаза горят яростью, челюсти крепко сжаты – отчитывает, буквально выплевывая слова… Мышцы во всем теле напряжены – сильный мужчина, и профиль у него такой… Мужественный. Командор, словно услышав мои мысли, стремительно обернулся, чуть не порезав своим взглядом. Вот, кстати, тоже его суперсила – смотреть непечатным. Я вздрогнула, но продолжила сидеть на земле, любоваться и ждать, когда "родители" помирятся. Тем временем Леннорд безуспешно пытался реабилитироваться:

– Третьекурсники устроили потасовку, там такая битва была, что могли появиться трупы – мы понеслись разнимать. На полосе оставался только один курсант. Один! Каков был шанс, что именно этот последний решит утопиться? – сокрушался куратор, а командор наконец-то отвернулся от меня, вернув свой колючий взгляд подчиненным, и сказал:

– Майк! Этих – в санблок. Алекс! С остальных – глаз не спускать.

Похоже, мужчина все же успокоился. А я услышала интересное: капрал Морс – это не просто Морс, это Алекс Морс.

Тем временем, словно опомнившись, Нортон задал еще один вопрос:

– А что там с дракой? Чем все закончилось?

– Да растащили. Сайброд с Ринсом подрались. Потом остальные присоединились.

– Причина?

– Точно неизвестно, но поговаривают, что из-за курсанта Тиль, – ответил с усмешкой капрал.

– Кто бы сомневался! – процедил Нортон, опять посмотрев на меня, но уже укоризненным взглядом. Ну вот в этом обвинять меня было и вовсе нечестно.

Инцидент был исчерпан. Словно боевые товарищи, поддерживая друг друга и прихрамывая, мы с Тимусом направились в Академию вслед за куратором. Хотя могли бы и сами: я туда дорогу с утра забыть еще не успела.

Глава 17

Вечером нам объявили, что завтра не учимся и даже не тренируемся – можно вообще ничего не делать! Как мы обрадовались доброте наших наставников, не описать! Однако, вспомнив, что завтра вообще-то воскресенье, которое по Конституции является законным выходным для всех разумных существ Содружества, сбавили восторженный тон и приуныли: субботу-то у нас украли. А могли бы и ее подкинуть к отдыху.

После медблока, где нас с Тимусом почистили и полечили, – скорее, от стресса, чем от увечий – я приползла в общежитие, сходила в компьютерный класс, где записалась на часовой сеанс на позднее утро следующего дня, а потом добралась до кровати.

Как мало нужно человеку для счастья! Ну вообще-то много, конечно, но не тут. В этой садистской академии мир сузился до желания поспать или хотя бы полежать!

Утром сирену не включали. Я открыла глаза, проспав завтрак, но это было неважно. Организм требовал время на восстановление, и я от души отсыпала ему часов на сон. Выйдя в коридор и направившись в наш общий с девочками душ, поняла, что они уже встали: в комнатах была тишина, а в душевой – следы недавних процедур. Не спеша, вальяжно, я приводила себя в порядок. В запотевшем зеркале наблюдала

картину, которая вселяла оптимизм: отек спал, остался только сшитый скобами порез на щеке, который неплохо гармонировал с пирсингом, завершая образ. Варх сказал, что через несколько дней шрам можно будет убрать полностью, а я вот сомневалась, стоит ли, и подумывала оставить его на весь срок пребывания в Академии. А что! Это формировало образ бывалого солдата, прошедшего огонь, воду и медные трубы – останется только сплевывать на землю и учить всех жизни. А если глазам вернуть мой черный смоки-макияж, то я вообще буду как пират... Не космический, нет. Помню, отец приглашал меня на ретро-показ, где я посмотрела очень старое кино. Рассказывают, что главный герой этого фильма Джек Воробей нашим пра-пра-прабабушкам казался очень харизматичным героем. Так вот, именно его я и буду напоминать с учетом мейка, моей координации и общего шального вида! Кстати, пару лет назад сделали ремейк этого фильма, перенеся действие в космос. Воробья там играл фариец – ну а кто же еще! Нынче в моде лысые, мускулистые и, желательно, татуированные мужики. На мой взгляд, получилось не очень. Мне больше нравятся стройные, жилистые как... командор. Чисто эстетически, имею ввиду.

За комп я села ровно в установленный час, предварительно напомнив предыдущему пользователю, что он меня задерживает – парень был моим однокурсником, ссориться мы не стали и расстались полюбовно. Насколько я поняла, старшие курсы в этом корпусе жили только на третьем этаже,

а первые два были заняты перваками, поэтому своих здесь встретить было проще простого.

Хантер вышел на связь сразу же, а я с волнением ожидала от него новой информации, но ничем конкретным ищейка порадовать не мог. Еще раз подтвердил, что мама живет на Радане, а это значит, что, скорее всего, она замужем, так как инопланетных женщин гриды приглашали чаще всего для заключения брака. Была возможность поехать и по трудовому контракту, но они краткосрочные и нацелены опять же на знакомство женщин с планетой и последующее замужество.

Картина вырисовывалась так себе: получалось, что мама просто сбежала от отца к другому. И все можно понять – жизнь сложная штука, но почему, во имя космоса, она бросила меня? Мне же в то время только три года едва стукнуло! Этот вопрос тревожил: казалось, моя настоящая жизнь начнется только тогда, когда получу на него ответ, а пока она как бы на паузе. Но как добыть нужные мне сведения? Ну не за грида же мне, в конце концов, ради этого замуж выходить? Поехала бы я на Радан, будь у меня такая возможность? Не знаю. Нужно больше информации. А где ее получить? Ответ прост: у меня есть знакомый грид-полукровка, к тому же мой должник. Закончив сеанс в инфосети, я пошла искать Тимуса.

Жил парень вместе со мной в одном корпусе, но списка с расселением курсантов у меня не было – номер комнаты я не знала. Вариант посещения каждой я оставила на крайний

случай, а сейчас решила выйти из общежития. Пошла к себе за курткой, по пути вспомнив о вчерашнем инциденте с падением в грязевую яму. Восстановив в памяти весь текст разгромного крика Нортона, провела инспекцию, вытащив все костюмы, выданные Академией. Один, вчерашний, вычищенный в сухом душе, был на мне – оставалось еще три и роба. Рассмотрев каждый, я не нашла ни одного отличия, пока не вывернула самый тонкий из комбезов наизнанку. Внутри я нашла вшитую бирку, на которой было написано: "Термостойкий, не пропускает влагу, поднимает на поверхность в жидких и полужидких средах". Так, ну, похоже, я нашла то, во что вчера должна была одеться, но как я должна была догадаться? Какое-то воспоминание прошло по краю сознания, я ухватила мысль и вспомнила, что капрал приказал просматривать личные сообщения в планшете. Ткнула пальцем в экран и поняла, что зря я этого не делала раньше: накануне вчерашних испытаний мне пришло два уведомления – от Морса, а также от Леннорда – с предупреждением о форме одежды. Не знаю, сколько человек еще не заглянули сюда, но мы с Тимусом получили урок на всю жизнь, похоже.

После этих открытий я оделась и вышла на улицу. В крайнем случае, найду Крустриана на обеде, а пока хотелось спокойно посмотреть кампус. Я предполагала, что все курсанты отсыпаются или просто отдыхают в своих комнатах, но не тут-то было. Бродя по территории, я с удивлением осознавала, насколько ребята активные: в кампусе оборудовали мно-

жество спортивных площадок, которые сейчас были заняты играющими в волейбол, баскетбол и даже футбол. Несколько человек устроили теннисный турнир, а кое-кто просто танцевал, отрабатывая движения под музыку, играющую из их браслетов. Мир, лишенный постоянного доступа к инфосети, барам и противоположному полу, становился несколько другим. Впрочем, не все были поклонниками активностей, я видела несколько человек, отдыхающих на лавочках с планшетами: читающих или смотрящих кино. Я бы на их месте предпочла этим заниматься у себя или в общей комнате общаги, так как климат на Эссериуме не располагал к возлежанию без движения на свежем воздухе.

Гуляя, поздоровалась с Лейлой, которая наблюдала за баскетбольным баттлом четырех парней. Помня, что девушка поставила себе целью выйти замуж, я предположила, что кто-то из этих прыгающих с мячом рослых старшекурсников стал объектом ее охоты, и не стала мешать. Остальные девчонки тоже были рядом: Зарина и Дирса наблюдали, как Шасса играет с парнями в футбол.

– Варя! – зашипела вархана. – Иди сюда! Глянь, как наша фарийка пятикурсников под орех разделывает. Парни вернулись с практики, смотри, какие красавцы!

Я подошла и глянула на футбольное поле. У меня никогда не вызывали интерес командные игры с беготней и необходимостью смотреть их в толпе, да ещё на улице. Я предпочитаю наслаждаться исключительно кибер-матчами, сидя

в тепле и уюте: меня увлекают хорошие шутеры, файтинги или стратегии – под настроение. Однако, глянув, как Шасса гонит мяч к воротам, даже на секунду залюбовалась ловкостью фарийки. И все же меня хватило всего на пару минут, после которых я заскучала и отвернулась, чтобы уйти и продолжить свою экскурсию. Отходя от поля, услышала за спиной вопль одного из игроков: "Лойс! На кого ты пялишься! Тиль никуда не денется, а фарийка сейчас забьет!" Услышав это, пошла быстрее – не хватало, чтобы меня еще и в футбольном проигрыше сделали крайней.

Удача мне сегодня благоволила, и через пятнадцать шагов на скамейке под небольшим деревцем неизвестного вида я заметила знакомую белобрысую макушку. Тимус! Попался!

Парень сидел с планшетом, что-то читая.

– Привет! – напугала я Крустриана, подойдя из-за спины и заставив вздрогнуть. Он посмотрел на меня через стекла очков и кивнул.

– Можно с тобой поговорить?

– Валяй, – вздохнул парень, все же недовольный, что его прервали.

– Что читаешь?

– Устройство гипердвигателя для чайников, – показал мне Тимус название книги, которую листал в планшете.

– Ты очень хочешь стать пилотом, да? – впечатлилась я.

– Очень! – с нажимом ответил Тимус. – Мои родители…

– Что – твои родители? – подалась я к нему.

– Слушай, тебе что-то от меня надо, я же вижу. Говори, что ходить вокруг да около.

– Дипломат из тебя не очень, знаешь ли.

– Так я и хочу пилотом стать, а не переговорщиком.

– Ладно, ты прав. Мне нужна информация. Любая о твоей планете и гридах.

– Зачем тебе? – удивился парень.

– Надо!

–Так дело не пойдет. Мне нельзя трепаться обо всем на свете, мы стараемся не особо распространятся о своей жизни, так что твоя таинственность не располагает к диалогу. Вдруг ты шпион…

– Я ищу мать. Она исчезла много лет назад, когда я была маленькой, и вот недавно мне сообщили, что она на Радане, но я не знаю ее нового имени, – выложила я, решив не юлить. Даже не знаю, почему, но я доверяла Крустриану. Без логики. Просто внутренний голос. – Я не знаю, как ее найти.

Парень напряженно смотрел на меня, потом отложил планшет, сел, согнувшись и опершись локтями на колени, словно его что-то беспокоило или было больно. Он помолчал некоторое время, потом выпрямился и посмотрел на меня.

– Так, ну я понял. И, думаю, знаю, что с твоей матерью произошло. Я такие истории наблюдал не раз.

Я ждала продолжения с напряженным вниманием. Тимус придвинулся ко мне и негромким голосом принялся вещать.

Глава 18

Глядя на серьезное лицо Крустриана, я даже напряглась – что такого страшного хочет поведать мне парень? Я обратилась в слух, а Тимус начал говорить, тщательно подбирая слова.

– Наша раса сейчас – это результат долгих генетических экспериментов, следствием которых стали очень серьезные прорывы: гриды обладают быстрой регенерацией, устойчивы к вирусам, у них, то есть, у нас, высокая скорость реакции и передвижения… Что? Не смотри на меня так скептически! Я полукровка и пока физически больше человек, но годам к тридцати догоню в развитии. Хочешь не хочешь, а гридом я стану – их гены доминантные.

Я кивнула, показав, что поняла и готова слушать дальше.

– Так вот. Побочным эффектом стало значительное сокращение женской популяции: на одну девочку рождается около пятнадцати мальчиков. Проблему пытаются устранить наши генные инженеры, но пока удалось решить ее другим способом: выяснилось, что наши мужчины совместимы с человеческими женщинами, которые могут рожать полноценных детей, отличающихся от чистых представителей расы только более поздним взрослением и вступлением в силу, поэтому свой генофонд мы начали пополнять землянками. Однако, – парень понизил голос, видимо, переходя к главно-

му, – у гридов все не просто. Сложность заключается в нашем свойстве видеть и воспринимать энергополя других существ. Наши пары складываются через узнавание на уровне гораздо более глубоком, чем ваш эмоциональный и гормональный. Если грид попадает в энергополе подходящей ему особи, он чувствует возмущение его собственного, и все – пара сложилась.

– То есть, ваши браки заключаются не по любви?

– В первую очередь – нет. Но при совпадении мы становимся бесконечно привлекательными друг для друга, возникает и то, что вы называете "страсть" или "сексуальное влечение".

– То есть грид видит женщину, у них резонируют поля, и вуаля! Хочет ее?

– Именно. Но не только видит. Нужен телесный контакт – кожа к коже. С гриданками этого не требуется, а с землянками необходимо.

– Хочешь сказать, что женщину ищут, щупая?

– Ну это свойство, так или иначе, общее для мужчин всех рас …

– Так, подожди. А если гриду зашло несколько девушек?

– Нет, невозможно. Пока жива первая, иные связи не формируются. Для гридов.

Я пыталась переварить полученную информацию, но пока не получалось – вопросов была тьма.

– Так-так. А если женщина не хочет? Если землянка за-

мужем? Или вообще мужененавистница? Мы же не чувствуем ваших пресловутых возмущений. У нас на первом месте эмоции и гормоны, вообще-то.

Тимус посмотрел на меня взглядом, в котором явно считывалось: " И что?" Вслух же он сказал:

– Теперь ты понимаешь, насколько гриды мотивированы, чтобы добиться ту, которую почувствовали?

– Но теоретически женщина может отказать? Мы же ведь живем в свободном мире!

– Теоретически – да.

Я подняла бровь, а парень замялся и продолжил:

– И все же, наши мужчины не могут согласиться с отказом и делают все, чтобы обрести пару. Мы предлагаем идеальные условия – наши женщины не работают, имеют все блага.

– А если она не согласится, то вы ее убиваете?

Тимус вздрогнул, глянул волком, но все же ответил:

– У вас нет шансов не увлечься гридом!

– Ну не знаю. Вот, кажется мне, что жена Сайброда, например, не убежит на Радан...

– Ну, положим, с женами таких людей мы и не общаемся. А сейчас встреча вне нашей планеты практически исключена: стартовала программа по добровольному привлечению ваших женщин к нам. Мы не рискуем и стараемся не путешествовать в случае, если еще не женаты. За редким исключением, с которым, видимо, и столкнулась твоя мама.

– Ну хорошо, – вздохнула я, – есть еще что-то шокирую-

щее?

Не думала, что Тимус ответит, но парень кивнул.

– Есть еще нюанс. Если человеческая женщина выходит замуж за грида, она становится гражданкой Радана и тут же попадает под законодательство, согласно которому обязана принять всех мужей, которые ее выберут. По этому же закону, она не может отказать никому, кто просит прикоснуться к ней.

Это что за новости! Трогать? Принуждать к многомужеству? Немыслимо! Я была возмущена, а Тимус оправдывался:

– Прикоснутся к руке! А ты что подумала? Не смотри на меня так, словно мы маньяки! И потом, землянки знают, на что идут. Обычно...

– Дикие правила...

– Вовсе нет. Просто у нас все направлено на скорое заключение брака. Когда грид встречает свою избранную, он эмоционально неустойчив, пока не пройдет обряд. Бесится, другими словами, реагируя на нестабильное энергополе.

– А женщины вашей расы?

– Они не рожают от людей, да им этого и не требуется – они очень быстро находят себе пару среди своих мужчин и живут в обычном моногамном браке. Многомужество пришло, собственно, вместе с появлением на нашей планете людей.

– Землянки как всегда круче всех: подумать только, резо-

нировать с кучей ваших мужиков... Какой ужас. А сколько мужей у твоей мамы?

– У нас сравнительно небольшая семья: у меня трое отцов. Она родила им троих детей, так что у меня еще двое братьев.

– Но могут появиться еще? Мужья?

– А… нет, после сорока лет замужние женщины уходят с ярмарки невест.

– И что же? Что с моей мамой?

– Девять из десяти, что какой-то грид почувствовал в ней избранную и добился ее расположения.

– Но она же… мой отец…

– Ну ты не кори её сильно. Я слышал, Максимилиан Тиль – министр, а раньше служил в армии, так что вряд ли уделял много внимания своей жене. А гриды включают весь арсенал обольщения. Чего я только не видел!

Что там за арсенал такой? Я даже заинтересовалась. Тимус же как-то неправильно понял мое выражение лица. Он неловко похлопал меня по плечу и сказал:

– Ну чего ты? У мамы все хорошо твоей. У нас женщин никто не посмеет обидеть.

– Я просто хочу найти ее.

– Сейчас это точно невозможно, а после окончания Академии и пятилетней отработки контракта ты можешь попробовать. Только если не боишься стать женой кучи настойчивых мужиков.

– Да как-то не планирую я так надолго тут задерживаться

и тем более потом пахать на правительство. Слушай, а ты не боялся обнаружить свою избранную, покидая Радан?

– А ты думаешь, почему я выбрал эту академию? Я хочу летать, но не хочу влететь в необходимость плясать с бубном перед случайной избранной. Не сейчас. Когда я сюда поступал, мне обещали, что тут вообще не будет ни одной особи женского пола. Хорошо, что сейчас из землянок только ты… После окончания я планирую найти себе пару и стабилизировать поле, чтобы спокойно приступить к пилотированию. Я стану свободным!

Тимус мечтательно посмотрел вверх, представляя себя в космосе, видимо. Вот уж впервые слышу такую концепцию грядущего брака – обычно мужчины рассматривают сие событие, скорее, как кандалы.

– А что ты видишь, когда смотришь на меня? Что там с моим полем?

– Не бойся, в луже я хватал тебя за руки, касался твоей кожи – ты не избранная мне. Хотя что-то притягательное в тебе есть, – улыбнулся Тимус.

– Ну да, мечтай! Я не собираюсь вообще замуж выходить, а десяток мужей мне точно не нужен. Слушай, а ваши мужчины не ревнуют друг к другу?

– Вообще-то, бывает, но в нашей семье мама одинаково любит всех, так что без конфликтов.

– Мудрая женщина, да?

– Есть такое.

Разговор завял, а в моей голове все еще прыгали вопросы, однако они никак не желали принимать четкую форму. Их я отложила до следующего раза. Мы тут как на острове – никто никуда не сбежит, так что допросить Крустриана у меня будет много возможностей.

Представлять, что моя мама сбежала от отца и сейчас у нее несколько мужей и даже детей, она счастлива, и ее не беспокоит, что дочь уже несколько лет не спит, разыскивая ее, было больно. А с другой стороны, я поняла, что хочу точно узнать, что с ней все хорошо. Узнать и успокоиться. Может, мне стоит полететь на Радан? Принуждать к браку гриды все-таки не могут. А если повезёт, то мне удастся вообще не "возмутить" ничье энергополе… Но как выбраться отсюда? Я не могу сидеть тут до выпуска!

Меня очень взволновало то, о чем Тимус упомянул по ходу дела: подписание кабального договора, который заберет у меня еще пять лет жизни – я впервые услышала точное количество потенциально потерянных лет в будущем. Это случится, если я все же закончу Летаку, чего я категорически делать не собиралась, однако я уже выпустила из своих рук контроль над своей жизнью, поэтому боялась новых неожиданных поворотов. Поразмыслив, я решила поговорить с ректором, а то что я все – с челядью, да с челядью? Нужно идти к царю!

Утром я успела поискать информацию о Константине Фродене в сети. Он ровесник моего отца, тоже с Земли. Во-

енные академии они заканчивали разные, но в армии могли пересекаться. Сделала ставку на это и направилась в учебный корпус. Глядя на его мрачную пирамиду, поймала себя на мысли, что мечтаю в него перебраться – нет, не потому что я хотела учиться, а потому что меня достал полигон. Вот как рождается тяга сидеть за партой: нужно перед этим хорошенько окунуть студента в лужу.

Возле входа в Академию было неожиданно оживленно: несколько старшекурсников носили какие-то коробки, разгружая небольшой грузовой флаер. Среди грузчиков я заметила и Шассу – подошла к ней и спросила:

– А что, футбол закончился?

– Ага. Через час у меня волейбол. А это командор попросил разгрузить. Что-то для практики. Завтра у всех курсов, кроме нашего и пятого, начинаются занятия. Я видела нескольких преподавателей, которые приехали сюда. И, знаешь что? Там есть женщина! Варя, эта стерва красива. Она уведет моего командора!

Шасса выглядела по-настоящему расстроенной. Однако новость действительно удивляла. Видимо, гендерные квоты ввели и среди студентов, и среди преподавателей. Все напоказ, как всегда.

– И что она будет преподавать? – поинтересовалась я.

– А вот кто ж знает? Все курсанты о ней только и говорят! Морана то, Морана се…

– Это ее имя?

– Ага. Морана Брайд.

– Поищу в сети о ней что-нибудь. А ты не переживай, может, она вообще замужем.

– Ой, не знаю, молодая она. И знаешь что? Если женщина приходит с такими алыми губами и на таком каблуке, то она точно вышла на охоту. Осталось понять, кто ее цель.

– Тут я соглашусь… А тебе вот что скажу, завязывай таскать тяжести, вон сколько мужиков для этого есть. Командор все равно не оценит.

– Да? Ну ладно! – ответила фарийка и бросила коробку прямо в том месте, где стояла, закричав:

– Хей, я все. Я вспомнила – я женщина. Я таскать не буду!

Парни посмотрели на нее как на сумасшедшую, но спорить не стали. Ну вот такие мы, женщины: с придурью, но милые.

– Варя, а ты к кому?

– К ректору. Пойду попытаю счастье, может, отчислит.

– А, ну удачи. Бесполезно, конечно, но ты иди, развлекись, – напутствовала Шасса и побежала на спортивную площадку.

Академия меня пустила, как всегда, отреагировав на браслет-пропуск и заранее распахнув свои двери. Навигация в планшете показывала, что кабинет ректора на третьем этаже. Я подошла к лифту, черная прозрачная кабина которого бесшумно скользила по этажам. Интерьер здания соответствовал его экстерьеру: в темно-серых тонах, с преобладанием

нестандартных геометрических фигур, в лаконичном стиле хай-тек. Все вокруг было блестящим, угловатым, претенциозным.

Дверь в кабинет ректора я нашла почти сразу. Постучав, вошла, попав в его приемную, где за письменным столом сидел таннар, выполнявший, как я поняла, функции секретаря. Парень был ниже меня ростом, покрыт рыжей шерсткой, длинные волосы на голове уложены в несколько косиц по последней моде. Вроде и гуманоид, а так и хочется почесать за ушком.

– Вы Варвара Тиль?

– Как вы…? Да, это я.

– К ректору? – уточнил таннар.

– Да. А как вас зовут?

– Меня зовут мистер Лойм. Я доложу ректору, он как раз свободен.

Через секунду меня провели в большой кабинет, посередине которого стоял не менее огромный стол, чья полированная поверхность создавала впечатление раскинувшегося передо мной озера. Я присела на стул для посетителей и посмотрела на ректора. Тот откинулся на спинку своего кресла, сложил руки в замок и ответил мне прямым взглядом. В молчанку и гляделки мы поиграли с минуту, и наконец, мужчина спросил:

– Ну так что ж вы хотите от меня, курсант?

Я тоже не стала ходить вокруг да около.

– Вы знаете моего отца?

– Мне приходилось встречаться с Максом Тилем, а что?

– Я его дочь…

– Это же вытекает из того факта, что он ваш отец, разве нет? – поднял седую бровь Фроден.

– Я имела ввиду, что он министр, а я дочь министра.

– Так. И?

– И со мной надо бережно.

– Правда? Я вот слышал, что вам грозит тюрьма… И вряд ли кто-то там будет бережен с вами. И сам Сайброд, который Николас, звонил и просил за вас… Чем мы еще можем помочь вам, лира Тиль?

– Я не хочу тут учиться!

– Какая досада! Но, к сожалению, вы уже. И поверьте, я не дам вашим капризам потопить мое детище, мою академию, и уничтожить эксклюзивное право обучать пилотов и штурманов для лучших малых космических кораблей во всех галактиках.

– Я вас услышала. Какой выход? Я хочу провести тут самый короткий из всех возможных отрезков времени. И без пятилетней отработки.

– Ну с этим решить можно. Давайте сойдемся на двух годах, а потом мы вас комиссуем.

– Зачем вам эти два года?

– Ну, во-первых, они нужны вам – если я вас сейчас отправлю домой, то вас арестуют за ваше преступление, а во-

вторых, ровно столько нужно проучиться тут женщинам-пилотам, чтобы правительство признало проект успешным и могло предъявить общественности нашу открытость новым галактическим трендам.

– Два года?

– Да. Но Варвара! Это должна быть настоящая учеба. И вы примите присягу, это обойти нельзя. Но договор я с вами подписывать не буду, так уж и быть. Кроме того, по состоянию здоровья, вас не будут и впоследствии привлекать на государственную службу. Договорились?

– Хорошо, ректор Фроден, я согласна. А какую вы мне такую болезнь придумаете, чтобы комиссовать?

– У нас есть еще два года, чтобы организовать вам что-то эдакое. Можем ногу сломать или даже оторвать... Шучу, не надо бледнеть. Что-нибудь придумаем.

Глава 19

Я брела по коридору, пытаясь оценить свой разговор с ректором, и пришла к выводу, что получила максимальные преференции в данных обстоятельствах, а потому просить большего – это лезть на рожон. Включив здравый смысл, приняла ситуацию. Два года – это лучше, чем пять лет учебы и намного лучше, чем пять лет учебы и еще пять лет полетов на службе у правительства. Подойдя к лифту, собралась нажать на кнопку вызова, но остановила палец на полпути: из приоткрытой двери одного из кабинетов напротив я неожиданно услышала голоса – женский и мужской. Просто пройти мимо было физически невозможно, так как женский голос что-то вещал с томным придыханием, и у моего любопытства не хватило сдержанности и терпения, ему надо было срочно удовлетвориться. Подумать только: томный женский голос в стенах этого царства тестостерона, боли и пыток!

Подкравшись на цыпочках к двери, я приложила ухо к узкой щели. Этого оказалось достаточно, чтобы услышать, о чем говорили собеседники. И все было не зря: внутри кабинета разворачивалась любовная драма. Я даже сердце, кажется, умудрилась замедлить, только бы меня не услышали.

– Морана! Тебя не учили стучаться? Я переодеваюсь – через полчаса торжество и тебе, кстати, тоже на нем нужно быть. Ты же гвоздь программы!

– Влад, я готова к ужину, просто зашла поздороваться. Мы можем прийти на него вместе. Как тебе мой наряд? В былое время ты любил срывать такие платья с меня. Почему же сейчас ты так строг и серьезен?

У них был роман! Как интересно! Подалась ухом еще ближе к двери, боясь пропустить хоть слово. Я уже потирала руки от предвкушения, представляя, как расскажу все девчонкам. Не знала, что люблю сплетни. Похоже, у меня просто раньше не было хорошей компании, в которой можно их обсуждать. Шасса, конечно, расстроится…

Тем временем послышались звуки, точно идентифицировать которые было сложно, но, судя по последующему возгласу командора, лира Брайд искала выгодные ракурсы.

– Морана, слезь с моего стола и все же позволь мне собраться! Чертов галстук!

В голосе мужчины послышалось раздражение, но не понятно на кого: Морану или предмет одежды. Тем временем гостья игнорировала эмоциональные вспышки объекта ее воздыхания и продолжала гнуть свою линию, настойчиво привлекая к себе внимание.

– Ну что ты так официален со мной? После всего, что у нас с тобой было! Влад! Милый!

– Было – ключевое слово. Больше нет, – полузадушенно ответил мужчина.

Это его лира Брайд душит или галстук? Эх, взглянуть бы хоть глазочком.

– Так что мешает вновь начать? Или продолжить… Называй, как хочешь, – очаровывала, искушала и соблазняла женщина.

– Долгое время тебя устраивал тот факт, что мы больше не пара. Что случилось сейчас? Твой Кристиан тебя бросил?

– Ты следил за моей жизнью? Я знала, что ты меня еще любишь. Влад, ты думал обо мне, да?

– Каждую секунду, пока подыхал на больничной койке. Только и оставалось, что думать, так как вживую ни разу не пришлось увидеть.

– Фи! Обижаться на женщин – это не по-мужски! Ну не пришла я к тебе ни разу в больницу, ну и что. Мне сказали, что ты безнадежен: в коме, никого не слышишь, ни на что не реагируешь.

– Морана! – вздохнул мужчина утомленно. – Ты что-то придумала сама себе. Я не обижаюсь. Что было, то прошло. Наша связь просто изжила себя.

– Что ты такое говоришь, это было больше, чем связь! Или ты хочешь сказать, что у тебя другая? Кто? Кто-то из студенток? Влад! Но это же совсем дно: там одна фарийка чего стоит, я видела эту громилу на улице, она таскала ящики. Страшное дело!

А вот за подругу стало прям обидно. Брайд мне очень не понравилась. Кажется, в анамнезе мы наблюдаем рафинированную, избалованную стерву. Эх, не в форме я сейчас, и не по статусу с ней сражаться, а так бы хотелось ее разнести.

Морально. Вдребезги. Я еле слышно фыркнула и, кажется, заскрипела зубами. Морана же только распалялась:

– Или кто? Одноглазая, серокожая, волосатая? Кого ты там себе выбрал?

– Курсант Тиль! – вдруг взревел командор, а я чуть из комбеза от ужаса не выпрыгнула.

– Кто такая Тиль? Так ты с ней?.. – в замешательстве воскликнула Морана, а Нортон, словно не слыша ее, гаркнул вновь:

– Варвара Тиль, я прошу вас перестать стоять за дверью и зайти в кабинет!

Как? Как он это делает? Я была бесшумной, я точно знаю. Что меня выдало? Стало страшно, но я собралась и на выдохе вошла в помещение. Не могла выбрать одну из двух возможных линий поведения: покаянность и влажные глаза или наглость и напористость. Решила действовать по обстоятельствам.

Толкнув дверь, оказалась в рабочем кабинете проректора Нортона, который в данный момент стоял возле своего стола, облаченный в черные брюки и форменную белую рубашку пилота, а черный с серебром китель валялся на спинке стула, ожидая своей очереди быть надетым на идеальные плечи этого образчика мужской красоты. Мужчина готовился к некоему событию, о котором он говорил ранее, пытаясь завязать на своей шее галстук, обязательный для парадной формы всех офицеров армии Содружества. Там хитрый узел,

я знаю – отцу тысячу раз завязывала. Нортон психовал, крутя его и так, и эдак – у него явно не получалось.

Напротив нервного Нортона стояла Морана Брайд. Глянув на нее, я с первого взгляда почуяла достойного противника. Права была Шасса, это хищница, и сейчас ее жертва – действительно наш командор. Стройная брюнетка с идеальными формами, затянутыми в бордовое платье-карандаш, юбка которого с такой силой впилась в ее крутые бедра, что, казалось, можно рассмотреть кружево чулок и нижнего белья.

– Здравствуйте! – громко и звонко крикнула я. Почему-то мне показалось, что Нортон не злился на мой шпионаж, а даже обрадовался. Но вряд ли, конкретно мне, скорее всего, возможности уйти от разговора со своей гостьей.

– Курсант Тиль, что вы хотели? – спросил мужчина, в очередной раз пытаясь накрутить на шею ленту галстука. Руки так и чесались помочь, но я сдерживалась.

– Я поговорила с ректором, и мы пришли к компромиссу, – нарочито по-военному браво отрапортовала я. Да – паясничала, а что делать? Это такая стратегия!

Красотка презрительно морщила носик, наблюдая за мной. Ее взгляд напомнил мне о моих кое как собранных волосах, отсутствии косметики и безобразной ране на щеке. Порадовалась, что хотя бы мои волосы свежеокрашены и без отросших корней – серо-красные локоны требовали тщательного ухода и постоянного нанесения пигмента, ина-

че это выглядело комично. Свои волосы у меня пепельно-русые, читай: "мышиного цвета", так что апгрейдила я их постоянно.

– И что за компромисс? – поднял бровь Нортон.

– Влад, а, может, мы отправим девочку и договорим? У нас мало времени, нужно собираться. Скоро начинается торжество в честь прибытия новых профессоров, – скосив насмешливый и немного надменный взгляд на меня, Морана подошла к мужчине и кокетливо провела наманикюренным пальчиком по его плечу.

Это были прекрасные, идеально обработанные ногти-стилеты алого цвета. Я посмотрела на свои жуткие обломки и спрятала их в кулаках. Стерва знала, что я на ее фоне замухрышка, и явно демонстрировала свои преимущества. Интересно, а Нортон хоть понимает, что тут поле битвы? Эх, не готова я сейчас к полноценным боевым действиям, так как явно не вооружена. Будь мы на Земле, противник бы бежал – деморализованный, в соплях и слезах.

– Что за компромисс? – игнорируя Морану, еще раз спросил Нортон.

– Я остаюсь! Но только на два года, – спешно пояснила я.

– Вы не шокировали меня новизной этой информации. Именно я рекомендовал ректору пойтина такую сделку с вами, – продолжая вертеть злосчастный галстук, сказал командор.

Морана, обидевшись на игнор, отошла в сторону, демон-

стративно сложив руки на груди. А меня черт дернул. Да-да, тот самый черт, которого уже и командор не раз вспоминал. Иначе как объяснить тот факт, что я стремительно подошла к Нортону, вырвала из его рук порядком помятый от грубых издевательств аксессуар, обвила его вокруг шеи мужчины и завязала за пару секунд. На какое-то мгновение подумала затянуть потуже, но не стала. В конце концов, он мне жизнь спас – пусть тоже здравствует.

– Что за?.. Что вы делаете? Курсант! – раздался сдавленный голос лиры Брайд. Однако никто ей не ответил.

Я, увлекшись, взялась за воротник рубашки, принявшись его поправлять, а Нортон замер, не сказав ни слова и не сделав ни одного движения. Я ощущала его взгляд на своем лице, но сама смотрела исключительно на творение своих рук. Видела, как немного нервно дергается кадык, когда мужчина сглатывает. Похоже, Нортон, почти не дышал, ожидая, когда я закончу свое самоуправство. Что-то совсем странное случилось в момент, когда я прикоснулась пальцами к его коже – случайно, как раз когда почти закончила наносить последние штрихи, подтягивая и так идеально завязанный офицерский галстук. Я почувствовала лишь колкость щетины, а Нортон резко и очень заметно вздрогнул, заставив меня в недоумении поднять глаза. Зрачки командора расширились, по лицу разлилась мертвенная бледность, он сделал шаг назад. Очень неуверенный шаг, словно это первый в его жизни – мужчину немного шатало. Опершись руками о стол, он глянул диким

взглядом на меня и сиплым голосом произнес:

– Идите, курсант Тиль! Вы свободны!

Мужчина поднял обе руки и с силой потер свои глаза ладонями. Морана бросилась к Нортону, а я не стала спорить и двинулась к выходу, но перед тем, как выйти за дверь, все же сказала:

– Мне кажется, вам надо к доктору Симусу, вы неважно выглядите!

– Я вас прошу, идите отсюда, а! Уходите, Варя! – рыкнул Нортон, а Морана высокомерно глянула на меня и добавила:

– Что за наглые студенты пошли! Сказали же покинуть помещение!

Я пожала плечами и вышла за дверь. Хоть бы спасибо сказал, в самом деле – галстук же я красиво завязала!

Девчонкам я эту историю все же решила не рассказывать.

Глава 20

После воскресенья неизбежно пришел понедельник, и наступила новая учебная неделя, а дальше время стремительно побежало вперёд за монотонными днями тренировок, зубрежки и бесконечной усталости.

Стоит признать, что существовать стало значительно проще – прежде всего из-за того, что теперь я всё ощущала немного по-иному, не так, как в первые дни после приезда. Я перестала тратить энергию на бесполезное сопротивление и смирилась с тем, что проведу в Академии два года. Кроме того, стало немного любопытно, зачем судьба привела меня сюда. Появилось предчувствие, что тут я получу нечто большее, чем образование – какой-то новый важный опыт. А, может, мне понравилось то, что я неизбежно заводила друзей? Или все дело было в колючем взгляде темных глаз одного зловредного преподавателя, преследующего меня в моих мыслях?

Нортон после странного инцидента у него в кабинете исчез из поля зрения – больше он не баловал первый курс своим присутствием. Подозреваю, что сейчас он вел занятия в основном здании, а потому больше не мог контролировать наши мучения на просторах полигона. Несколько раз по дороге в столовую я видела его: в красивой офицерской форме, которая сменила лаконичный комбинезон, стремительный и

сосредоточенный, он волновал – в этом я себе честно признавалась. Мужчина ни разу на меня не посмотрел, не замечая или делая вид, что это так, но это не мешало любоваться им издалека. Иногда казалось, что при моем приближении он ускорял шаг, сбегая, но, скорее всего, это мое воображение – глупо думать, что меня боится проректор!

Про свои тайные мысли я, само собой, никому не говорила. Не хватало еще поссориться с Шассой, которая страдала от отсутствия командора больше всех и считала дни, когда мы примем присягу и переместимся в учебный корпус.

Нортон, собственно, нам на занятиях был и не нужен. Бессменными надзирателями первого курса стала бравая тройка: Крис Хамли, который продолжал знакомить нас с этикой будущих пилотов, Майкл Леннорд, неусыпно следящий за своей проблемной женской пятеркой, и капрал Морс, который отрывался на всем первом курсе, спуская пар на наших несчастных организмах. Про себя я их называла "святой троицей", и что-то божественное в них точно было, иначе как объяснить внезапно появляющееся желание молиться каждый раз, когда Морс, осененный идеей, говорил: "Я придумал! А давайте теперь вот так попробуем!"

Старшие курсы на полигоне появлялись теперь не чаще двух раз в неделю на занятиях по боевой подготовке, мы же там буквально прописались, и шесть дней в неделю мой путь представлял собой абсолютно идентичный алгоритм, предполагавший уход из общежития и курсирование между по-

лигоном и столовой Академии. Серьезных подвижек в моих спортивных достижениях пока не наблюдалось, зато ребятам было весело: каждое утро делались ставки, на сколько кругов я отстану от Тимуса. Все было серьезно – спорили на койны. Предугадать, как я пробегу, было сложно. Однажды, я прорвалась вперед и замедлилась только на двух последних кругах, а в другой раз, после полосы препятствий накануне, была настолько выдохшейся, что еле ползла последние шесть. Так что тотализатор стал очень увлекательным, и пусть, я не ЦСКЗ – "Центральный спортивный клуб Земли", но в нашем маленьком кругу я вызывала не меньший ажиотаж: ко мне даже подходили и предлагали любую помощь за то, чтобы я ускорилась или, наоборот, замедлилась. Да, наши "ставки на спорт" становились все более азартными.

Ежедневно целый час я проводила в инфосети, заранее забронировав на месяц вперед время в полночь. Раньше не получилось: какой-то ушлый старшекурсник застолбил для себя все вечера. Свое время за нейрокомпом я тратила на два направления поиска: мама и преподаватели Летаки. Про последних удалось выяснить многое и одновременно ничего важного. Самой шокирующей новостью стал тот факт, что капрал Морс женат и воспитывает троих детей. Жена у него землянка, я нашла ее личную страничку – милейшая женщина! Эта информация сначала выбила меня из колеи, а потом заставила взглянуть на фарийца по-другому: он, возможно, даже нормальный гуманоид, просто на занятиях в образе.

Про Криса нарыла только то, что его родители – ученые, занимающиеся генной инженерией. Видимо, сын для них – это и дитя, и эксперимент. Про Майкла Леннорда откопала сенсационную информацию о том, что наш главный сексист был раньше очень публичным человеком. Сын известной актрисы, он родился на Криссалионе и успел засветиться в нескольких скандальных историях с селебрити Содружества. У него был один привод за вождение в нетрезвом и нехорошая история с беременностью и абортом молодой восходящей звезды межгалактической эстрады. Когда ему стукнуло двадцать три года, парень исчез, а затем вернулся очень законопослушным и ответственным пилотом, закончившим летное училище и подрядившимся управлять крупногабаритными межгалактическими крейсерами Содружества. Там он, видимо, оказался на хорошем счету и его отправили в Летаку. Хотя я не уверена: назначение в наше учебное заведение – это повышение или ссылка?

На сладкое я оставила поиск инфы о Нортоне и стерве Моране Брайд. Судя по тому, где она училась, преподавать у нас она будет что-то гуманитарное, возможно, историю, но это не точно. Родилась Морана, как и Леннорд, на Криссалионе – дочь состоятельных, но без приставки “мульти” бизнесменов. Сейчас ей двадцать семь лет. Я попыталась понять, где они пересеклись с Владом Нортоном. Точно утверждать не могу, но, похоже, это произошло в период, когда карьера нашего командора пошла в гору. Родина Нортона – Земля, мы

с ним во всех смыслах "земляки", но учиться он уехал в другую галактику и закончил одно с Леннордом училище, только раньше: Нортону сейчас тридцать три года, а нашему куратору – тридцать один. Командор очень быстро дослужился до командующего Специальной авиацией Содружества и принимал участие в нескольких крупных операциях против главной беды всех планет – пиратов с Ширхаса. Тогда он и начал мелькать на официальных приемах на Криссалионе – даю руку на отсечение, там его Морана и подцепила. Два с половиной года назад Нортон получил ранение, после чего на период в практически полгода информация о нем отсутствовала – выскочил он уже в списке преподавателей учрежденной за пару лет до этого на Эссериуме Летной академии.

Если сопоставить разговор с Мораной, то, выходит, что расстались они с командором во время его реабилитации после ранения. А затем, решив вернуть его, Брайд умудрилась просочиться в такое закрытое учебное заведение! У меня холодок по коже пробежал от впечатляющей целеустремленности женщины: похоже, она очень сильно хотела Влада Нортона! Бедная Шасса, у нее нет шансов.

Вот, собственно, это все, что я выяснила, и помогли мне в этом мои койнозатратные ищейки. Параллельно с этим они выполняли для меня очень важное задание: искали кандидатку, готовую поехать на Радан. Я придумала, как продолжить розыски матери, и это была гениальная идея. Тимус

упоминал программу привлечения девушек на их планету. Я пробила тему, и выяснилось, что землянок, желающих туда направиться, полно, но среди них проводят строгий отбор. Чтобы трудоустроиться на Радан для дальнейшего замужества, недостаточно просто быть молодой женщиной, нужно пройти медицинское обследование и оформить большое количество документов – все за свой счёт. И это было действительно дорого! Гриды оказались очень щепетильны в вопросе приглашения на свою планету. То есть, если девушка встретила этого инопланетного альбиноса случайно, а он вдруг нащупал в ней пару, то все, она прошла кастинг в один тур, аллилуйя! Но в случае, если землянка целенаправленно едет на Радан, чтобы ее "нащупали", она должна напрячься и найти нужную сумму койнов, чтобы получить весь пакет документов.

Я решила отыскать такую мечтательницу без средств, заключить с ней договор и обеспечить всем необходимым. Она сможет работать на Радане, выйти замуж, жить, радоваться и искать мою маму. В поисках кандидаток мои ищейки мониторили все соцсети, отслеживая землянок, которые жаловались на отсутствие койнов и делились мечтами о сытой жизни с гридами. Каждый день мне приходил отчет, но долгое время нормальной кандидатуры не обнаруживалось. Нужно понимать, что я не могу работать с двинутыми: нимфоманками, искательницами острых ощущений или блогершами. Мне нужна обычная девушка со сложной судьбой! И вот,

спустя две недели такую нашли.

Был вечер, я только вернулась с полигона, планируя впасть в кому до полуночи, то есть до тех пор, пока не наступит мое время серфить в инфосети, когда на мой сайбра поступил звонок. Это был не отец – он звонил за сутки до этого. Приняв вызов, я услышала мягкий голос:

– Лира Тиль? Меня зовут Анна, я хочу поехать на Радан. Мне сказали, что вы можете помочь…

Вот так я и нашла милую землянку, которая приступила к сбору документов, чтобы подать заявку на трудоустройство к гридам. Она очень хотела семью и детей и готова была мне помочь не только из-за денег – ее по-настоящему растрогала моя история про мать. Анна легко вникла в ситуацию и горела желанием раскрыть тайну не меньше, чем я. Мы договорились, что поскольку у меня нет выхода в сеть на постоянной основе, она будет мне звонить на браслет или оставлять голосовые сообщения, рассказывая о том, как проходит ее обустройство на планете. Я тоже неожиданно прониклась ее судьбой и обещала, что вытащу с Радана, если ей там не понравится.

Еще одним разнообразием в череде учебной рутины стал эпизод с шоколадкой, который оказался далеко не разовой акцией и повторялся с завидной периодичностью: я продолжала получать сладости с милым названием “Варька”. Окружающих это волновало не меньше тотализатора по моим пробежкам. Основной загадкой оставался алгоритм поступ-

ления шоколада на мой поднос со снедью: никто не мог просчитать закономерности, чтобы найти виновника. "Варьки" могли появляться два дня подряд, а иногда только раз в неделю; порой я получала их на завтрак, временами – на обед, но почти никогда на ужин. Кто присылал шоколад и почему так хаотично? Лучшие умы нашего обеденного стола бились над этой загадкой. Все еще оставались те, кто ставил на Вика. Однако его я почти не видела – он пропадал в учебном корпусе, да и в целом забросил попытки подката. Ввиду этого личность моего благодетеля становилась все загадочнее и обрастала самыми немыслимыми предположениями, однако для серьезных версий было слишком мало фактуры: удивительным образом от меня отстали все курсанты. Ни одного предложения ниже пояса, комплимента, или даже присвиста в мою сторону. Как девушка я стала невидимкой, моя популярность сохранялась только в сфере "ставок на спорт". Было даже немного обидно, если честно.

В целом же казалось, что все вошло в колею, однако неожиданно однообразие учебно-тренировочного процесса было прервано: примерно через месяц после его начала от капрала Морса всему первому курсу пришло оповещение о грядущем выездном занятии. Капрал подготовил для нас космический полет – мы впервые должны были покинуть стены кампуса. На поверку оказалось, что эту космическую экскурсию я не забуду никогда, хотя началось все без происшествий.

Глава 21

Собрались мы рано утром возле главных ворот. Капрал Морс и куратор Леннорд уже были там, пересчитывая нас как цыплят по осени.

– Желторотые! Сейчас все садимся во флаер, никто никуда не отходит. Кого недосчитаюсь – карцер на месяц! Все понятно?

– Так точно, капрал Морс! – гаркнули все, включая меня. За месяц это стало привычкой.

К нам подлетел флаер. Это был пассажирский аппарат мест на сорок: такие модели использовали для городских маршрутов. Куда мы направляемся, нам никто не сказал, поэтому все уставились в окна, пихая друг друга локтями, чтобы не закрывали вид. Однако, увидев, кто будет управлять транспортом, все дружно сели на свои места и намертво пристегнулись – у руля был Крис, так что курсанты приготовилась к виражам, а я к приступам морской болезни. В Хамли я не ошиблась: парочка мертвых петель и, как следствие, сдавленные стоны, чертыханья и, наоборот, вопли восторга усладили слух наших надзирателей, позволив Леннорду от души позубоскалить.

Летели мы в основном через промзону: серые однообразные ангары, склады, стоянки с разного рода погрузочной техникой. Через полчаса полета возбуждение скакнуло на мак-

симальную отметку, так как мы поняли, что нам предстоит. Стало очевидно, что приближаемся мы к космодрому. Скорее всего, это был частный, предназначенный для грузовых перевозок терминал – ничего общего с красивыми и комфортными пассажирскими комплексами мы тут не заметили. Флайер остановился возле грузового корабля, он был в разы меньше пассажирских лайнеров или военных крейсеров. Трап был спущен, поэтому, когда мы вышли из транспорта, нас сразу пригласили на борт. Нас поглотило огромное помещение, которое, предположительно, должно заполняться контейнерами с грузом, но сейчас оставалось абсолютно пустым. Было немного неуютно стоять посреди этого огромного пространства и очень захотелось проверить его на наличие эха. Я уже приготовилось по-детски крикнуть: "Ау", когда зашла наша "святая троица", и куратор заорал:

– Всем разойтись и пристегнуться! Нам предстоит полет с гиперпрыжком.

Мужчины первые показали пример: каждый из них подошел к стене и встал спиной в специальные ниши, которые по ширине и высоте как раз вмещали тело взрослого человека и коих я разглядела несколько десятков по всему периметру. Как только спины наших наставников надавили на поверхность стены, из нее выехали крепления, плотно зафиксировавшие их туловища. Это безмерно удивило, и я вслух задала вопрос:

– Мы что, полетим стоя?

Шасса усмехнулась и тихонько пояснила, что все эти крепления тут на всякий случай, обычно на таких кораблях очень небольшая команда, но при условии перевозки ценных грузов может понадобиться сопровождение. А еще, насколько я поняла, абсолютно вся авиация, включая грузовую или гражданскую, предполагает моментальное переориентирование на военные нужды, так что несложно представить, что в какой-то момент тут по стенам могут стоять солдаты одного из спецподразделений, а посередине – крупногабаритное оружие или техника.

Все мы, в составе тридцати трех существ, приготовились к полету. Легко не было – и взлет, и гиперпрыжок стоили мне тошноты, головной боли и ненависти к окружающим. Однако все это были лишь цветочки. После часового полета пилот включил реверсивный ход, затормозив движение нашего судна. Состояние невесомости, как и на пассажирских лайнерах, здесь глушили специальными модулями, благодаря которым сейчас у всех была возможность передвигаться привычным способом на своих двоих.

Мы находились в глубоком космосе, вне гравитационных полей. Пилот приступил к полной остановке корабля, после чего Морс приказал нам отстегнуться и нажать на один из рычагов рядом с нами. Таковой действительно нашелся, я сделала что и все, и увидела, как панель в нише сдвинулась, открыв моему взору костюм для выхода в открытый космос.

– Нет! – громко заявила я о том, что думаю по этому по-

воду.

– Да! – хмыкнул капрал. Вид у него был донельзя довольный. К чему бы это? Он переглянулся с куратором, а у меня засосало под ложечкой. Что-то не нравились мне их гляделки.

– Курсанты! Сегодня у нас замечательный день!

Я осмотрелась, увидев, что кое-кто с этим согласен, с восторгом разглядывая скафандры и уже примеряя их на свою голову.

– И он закончится хреново, если вы не уберете свои грязные лапы от костюмов! Вы будете надевать их только тогда, когда я скажу! – рявкнул Морс.

Все резко присмирели и обратились в слух, внимая инструкциям капрала. Через пятнадцать минут мы изучили состав костюма, его функционал, а, главное то, что ни в коем случае не стоит трогать или делать, иначе “черные дыры нам в голову”.

– Выходить будете по трое. Сейчас я зачитаю десятку троек. Обнимитесь и станьте друг для друга братьями и сестрами, так как в космосе ближе не будет никого. Знаете, почему? – рявкнул Морс, а мы, приученные отвечать правильно, гаркнули в ответ:

– Никак нет, капрал!

Довольный Морс оскалился и ответил:

– Да потому что в открытом космосе больше нет живых существ, – загоготал фариец.

Мы привыкли к таким “тонким” шуткам, поэтому дружно засмеялись, чтобы капрал не расстроился. А расстраиваться он не любил просто жуть.

В моей тройке оказались Дирса и Тимус. В целом, я была довольна: оба сообразительны и не паникеры. По жребию мы шли последними, так что предстояло насмотреться на подвиги наших предшественников и то ли устать бояться, то ли, наоборот, начать. Цель сегодняшней вылазки – “напитаться космосом”. Так поэтично назвал ее Крис. Вот уж кто наслаждался видом из иллюминатора, так это рыжий.

Начался запуск курсантов. С виду ничего страшного не было: ребята, удерживаемые на страховочном тросе, должны были немного полетать. Они делали несколько кульбитов, а потом сами добирались до люка. Почти все сначала боялись: в наших наушниках раздавались писки и визги девчонок, нецензурная лексика парней. Однако через пару минут они привыкали, начинали получать удовольствие и даже не хотели возвращаться. На наших полосах препятствий мы успели налетаться в невесомости, набив кучу шишек, так что эта забава уже прискучила, однако народ возбуждался от ощущения бесконечности вокруг. Адреналин шпарил в таких количествах, что возвращенцы еще долго сидели с видом обдолбанных самой зашкварной синтетикой торчков. Скажу честно – мне прям тоже захотелось. В космос, само собой.

Настал черед нашей с Тимусом и Дирсой тройки. Мы зашли в специальный отсек, который наглухо перекрывался от

основного корабля герметичными перегородками, в то время как внешняя панель раздвигалась, выпуская нас на космический простор. Выплывая в открытое пространство, я чувствовала свое сердце в горле, мозгах и ушах. Его стук затмевал все иные звуки. Меня уносило в космос, и ничто не могло остановить этот полет. Я знала, что трос меня держит, поэтому расслабилась и просто отдалась этому вечному движению, ожидая, когда почувствую натяжение своей страховки. Секунда за секундой пролетали, а я все плыла и плыла в космической нирване. Из состояния полного дзена меня вывел голос Тимуса в наушниках:

– Варя, твой трос оборвался! Главное – не дергайся!

Зря он это сказал. Я сразу же начала суетиться. Обернулась и обнаружила, что страховка действительно отцепилась, и я нахожусь в абсолютно свободном полете. Увидев это, я заорала:

– Капрал Морс! Ловите меня! Меня уносит!

Реакции не последовало. Я наблюдала, как Тимус возвращается, изо всех сил перебирая руками по своему тросу, подтягивая себя к люку. Увидела, как Дирса делает тоже самое. Они заскочили в отсек, а затем Тимус вылетел оттуда с устройством для захвата, которое в народе называют “гарпуном” и используют для отлавливания космического мусора или случайно утерянных вещей – да, и такое тоже бывает. Сейчас потеряшкой была я, и Тимус выстрелил в мою сторону. Я наблюдала, как ко мне несется прикрепленный к

длинному тросу крюк, и протянула руку, чтобы его схватить. Оставалось каких-то полметра, когда гарпун дернулся и прекратил движение ко мне. Троса не хватило.

– Капрал Морс! Куратор! – осипшим от ужаса голосам прошептала я.

Я слышала в наушниках, как мои товарищи зовут старших, видела, как Дирса повторяет маневр Тимуса, вытаскивая еще одно устройство для захвата и выстреливая в меня. Но меня отнесло еще дальше, потому и второй гарпун меня не поймал. Я ждала, когда корабль включит двигатель, и пилоты начнут двигаться в мою сторону, но этого не происходило. Видела, как моих товарищей вернули в салон, но корабль все еще стоял на месте. Я не верила в то, что со мной происходило. Очень хотелось проснуться, и одновременно с этим все вдруг показалось таким правильным: маленькая песчинка по имени Варвара, никому не нужна, и никто не хочет и с места сдвинуться ради нее. Маленькая песчинка по имени Варвара умрет в холодном и безграничном космосе.

– Курсант Тиль! Вы в порядке? - послышался в наушнике голос Леннорда.

– Да, – безучастно ответила я.

– Мы поздравляем вас и вашу команду! Вы показали слаженные действия и выдержку.

– Да?

И тут меня дернуло. Я так и не поняла, что это было, и как это получилось, но я начала стремительно нестись обратно к

кораблю, как будто трос вовсе и не отрывался. Я внимательно посмотрела и пошевелила рукой перед собой: ладонь наткнулась на невидимую нить. Все это время я была прикреплена к кораблю, но страховка была из прозрачного полимера. Это шутка! Это розыгрыш!

Через несколько минут меня вернули в салон корабля и объявили, что первый курс только что прошел посвящение в студенты. Я посмотрела по сторонам: заплаканные девушки, бледные парни. Тимуса откровенно трясло, а Шасса подошла ко мне и обняла так, что мои ребра хрустнули. Этот ужас пережили со мной еще двадцать девять человек. Жажда убивать приходила медленно, но верно. Пока я созревала для скандала, куратор объяснил, что это традиция, которую хранят в тайне, но поддерживают во всех летних учебных заведениях Содружества. Выбирают жертву легко: кто первый заноет или испугается выхода в космос, тот и попадает в замес.

– Но мы же не спасли Тиль, – вдруг подал голос Тимус.

– Зато вы теперь знаете, что отвлекаться в космосе нельзя. Проверять крепления и следить друг за другом – это обязательно! – ответил Морс.

Я смотрела то на капрала, то на куратора и размышляла – кто? Рыжего в расчёт не брала, так как главные злодеи – это вот эти бугаи. Решив, что куратор бесит больше, так как он еще и сексист, а также с учетом его лихого прошлого вообще не имеет права так издеваться, я дала волю своей ярости.

Встала, подскочила к Леннорду и с разбегу, замахнувшись, врезала кулаком ему по лицу. Немая сцена после этого поступка была такой громкой! Куратор поднес ладонь и провел по скуле, куда попал мой кулак. Я намеренно старалась бить по-мужски. Вышло паршиво: даже я поняла, что для блондина это укус комара. Жаль. В карцере буду сидеть за это вот поглаживание. Леннорд же посмотрел на меня, прищурился и сказал:

– Удар ставить надо! Плохо, курсант Тиль, очень плохо! Лично прослежу за вами на рукопашке!

Затем мужчина приказал нам пристегнуться, так как мы возвращались на Эссериум.

Все были под впечатлением, каждый что-то понял сегодня, но совершенно не понял, что. Казалось, что осознание чего-то очень важного вот-вот придет, витает где-то рядом, но просветление пока не наступало. Меня начало потрясывать, навернулись непрошенные слезы. Всю дорогу я молча глотала соленые капли, отходя от пережитого шока. Во флаере уже просто сидела угрюмая без нервной дрожи, а к возвращению в Академию почти пришла в себя.

Возле главных ворот ждал сюрприз – никто иной, как Влад Нортон собственной персоной стоял и недобрым взглядом смотрел на нас, толпящихся и ожидающих приказа разойтись. Мужчина явно был разозлен. Интересно, что у него стряслось? Когда Леннорд выпрыгнул из флаера, командор подскочил к нему и что-то спросил. Куратор начал объяс-

нять, а Нортон все больше темнел лицом. Я видела, как он несколько раз глянул в нашу сторону, потом кивнул, развернулся и пошел обратно в кампус. Сама не знаю, почему, но я взяла и показал ему язык – имею право быть немного не в адеквате сегодня. Командор вдруг остановился и так стремительно развернулся, что я испугалась до икоты. Мужчина был зол, очень зол. Его глаза сверкнули на меня чистой яростью. Но я не стала реагировать: да пожалуйста, не жалко. Нам, выжившим, все равно.

Шутки шутками, а состояние у меня и правда было не лучшее. "Троица" отпустила нас в общежитие, сообщив, что завтрашний день объявлен внеочередным выходным. Крис подошел ко мне и сказал:

– Варь…

– Вара или курсант Тиль! – исправила я почти грубо.

Рыжий вздохнул и сказал:

– Варя, я знаю, каково это.

– Да? – я не стала уточнять, про что он говорит. Мы оба поняли, что про меня в открытом космосе.

– Да, я тоже был тем самым… На ком отыгрались пять лет назад.

– И при этом ты не предупредил меня, хотя знал, насколько это хреново. Интересно, а если бы я умерла от страха?

– Я задавал тот же вопрос после моего полета.

– И что тебе сказали?

– Что за месяц подготовки все убедились в том, что по-

настоящему слабых в училище нет. У нас тоже было тяжко, но тут в Академии даже жестче, так что…

– Я тебя услышала, но пока я очень злюсь. Пойду я, пожалуй, к себе.

– Варь!

– Вара!

– Вара!.. Варя! Ты молодец!

– Да?

– Я струсил и не дал своему куратору в морду! – крикнул мне вдогонку парень, когда я резко повернулась и направилась к общежитию.

С Крисом у нас не было никакой дистанции – сплошное панибратство, а он и не возражал. Так что отношения были, скорее, приятельские. Но я все же выразила уважение к нему и не показала средний палец: не оборачиваясь, я просто махнула рукой.

Глава 22

Проснувшись на следующий день поздно и, как всегда в выходные, пожертвовав завтраком в пользу отдыха, я почувствовала, что в жизни надо что-то менять. Я – выжившая. Подойдя к зеркалу, сразу поняла, что конкретно во мне требует перемен: шрам от ранения на щеке все еще был со мной. Настало время вернуть лицу красоту. Да и вообще, нужно привести себя в порядок.

День был почти солнечным. В кампусе было тихо, так как выходной объявили только первому курсу, в то время как все остальные грызли гранит науки. Я вышла из общежития и направилась прямиком к главному зданию. Войдя в холл, обрадовалась, что занятия в самом разгаре, поэтому в коридорах и на лестнице было пусто. Поднявшись к медпункту, постучала и сразу вошла, хотя стоило, думаю, хотя бы дождаться ответа. У доктора Симуса был пациент – Нортон. Командор сидел без рубашки на кушетке, а врач колдовал над чем-то на его спине.

– Курсант Тиль! – прорычал командор. – Потрудитесь выйти и подождать своей очереди.

– А? – переспросила, оторвав взгляд от очень приятной взору картины. Я получала эстетическое наслаждение от лицезрения поджарого торса Нортона. Интересно, что там у него на спине? Рана? Татуировка? Крылья?

– Тиль! – опять рявкнул командор, и я все же покинула приемную.

Через пять минут Нортон вышел уже в рубашке, застегнутой на все пуговицы. Я собиралась зайти к доктору, когда командор вдруг приблизился в своей обычной стремительной манере и спросил:

– Как учеба? Как вы себя чувствуете? Я слышал, вчера вам досталось…

– Нормально. Месяц прошел, осталось двадцать три, – ответила, развернувшись к нему.

– Чего двадцать три?

– Месяца учебы!

Мужчина замер, а потом, сообразив, о чем я говорю, зачем-то оперся рукой о стену, возле которой я стояла, после чего я вжалась в нее спиной, спасаясь от неожиданной близости. Нортон подался вперед и сказал:

– Ты забыла про каникулы. Раз в год на целый месяц курсантов отпускают домой. Так что даже меньше месяцев тебе осталось.

Эта его вечная манера переходить с “вы” на “ты” и обратно меня немного смущала. Я подняла голову к его лицу, которое сейчас находилось непозволительно близко к моему. Мне показалось, мужчина сам не отдает себе отчет в том, как интимно выглядит наше общение. Нортон смотрел мне в глаза пристально и тягуче, а я сглотнула, почувствовав неожиданную робость. Мужчина молча и сосредоточенно пробе-

жался взором по моей фигуре, словно оценивая ее и пытаясь принять какое-то решение. Понять эмоции командора было сложно, но мне показалось, что в нем опять просыпается злость: напряженные скулы, сжатые губы и легкий прищур говорили в пользу этого предположения. Чем я его так раздражаю? Казалось, я даже на вкус ощущаю тяжелую ауру ненависти, обвивающуюся плотным коконом вокруг нас.

Зачем-то я перевела взгляд в сторону, глянув на руку Нортона, опиравшуюся о стену возле моей головы. Пальцы мужчины сжимались в кулак, до синевы вдавливаясь костяшками в рельефную поверхность. На секунду я представила, что на самом деле Нортон хотел впечатать этот кулак в меня – от этой мысли неконтролируемый липкий холодок ужаса пробежался вдоль позвоночника. Командор молчал, глядя на меня, и мой страх только усиливался от этой тишины, поэтому я лихорадочно искала тему для разговора.

– А что вы делали у доктора Симуса? – разбавила напряженную атмосферу, спросив интересное.

Командор вздрогнул, отшатнулся и нахмурился, ответив неоправданно резко:

– Курсант Тиль! Идите вы… к врачу!

– Так точно! – рявкнула я во всю глотку. – Разрешите исполнять?

Нортон поморщился и сказал устало:

– Разрешаю!

Больше он меня не останавливал, и я зашла в медпункт.

Варх выслушал мою просьбу сделать меня красивой и предложил пластическую операцию на все тело. Хмыкнув, отвечать не стала – в своем совершенстве я не сомневалась, поэтому его слова меня не задели. При наличии таких банковских счетов, как у меня, красота особо не требуется.

Через десять минут шрама на моем лице больше не было. Миру вновь явилось детское личико, требующее хорошего макияжа. Поблагодарила Симуса и вышла в коридор. Была перемена, и Академия гудела, словно улей. На этаже с медблоком находились только кабинеты преподавателей, поэтому было относительно тихо, однако ниже слышался топот и голоса курсантов, перемещающихся из аудиторий в аудитории. Решила переждать и спуститься только после того, как начнется следующее занятие. Прогуливаясь вдоль коридора, я вновь услышала голос Нортона. Да что ж такое! Как не везет-то! Почему он не занятиях, в конце-то концов? Шасса узнала его расписание досконально – у старших курсов он вел как минимум три дисциплины – фарийка каждый день устраивала нам с девочками концерт, заламывая руки, и, стеная, что еще слишком долго ждать той счастливой поры, когда она встретится с объектом своего обожания на учебе.

Голос приближался, а я поняла, что не хочу опять искупаться в ненависти мужчины. Осмотревшись, забежала в первое незапертое помещение, которое оказалось кладовой. Закрыла плотно дверь и затаилась. Шаги приближались, мужчина разговаривал с кем-то по своему средству связи –

судя по всему, без нейро-коннекта, так как отвечал он собеседнику вслух и довольно громко.

– И что мне теперь с этим делать, Шольс? – раздраженно говорил командор. – И никаких других вариантов? Да, чувствую тревогу. Да, постоянно бешусь и не могу сосредоточиться. Это наваждение! Шольс, не может быть, чтоб это нельзя… Нет! Да! А если уедет? Совсем? Не пройдет? Ну раз ты такой умный, то сам и… Мне это не нужно! Сделай что-нибудь! Ладно, я понял-понял. Нет, я уверен, что у меня пройдет.

Нортон замолчал, слушая долгий монолог собеседника, а потом буквально зарычал, заставив меня вздрогнуть, так как в это время как раз находился рядом с дверью в мою кладовку.

– Да вот прямо сейчас рядом и чувствую! У меня психоз и паранойя! Нет тут никого! Точно – никого! Проверить? Ты уверен, что есть?

Командор с силой дернул ручку кладовой, и я порадовалась, что успела закрыть ее изнутри на щеколду.

– Да нет никого, говорю тебе. Это все побочные эффекты от твоих методов. С ума меня сведешь. Если меня комиссуют, я тебя… Ладно-ладно, я позвоню вечером. И придумай, как мне избавиться от этого кошмара!

Нортон наконец-то прошел по коридору и, вызвав лифт, покинул этаж. Из разговора я ничего не поняла, кроме того, что командор нервничает, но имя Шольс на всякий слу-

чай запомнила. Надо подкинуть ищейкам, вдруг что найдут. Я и сама не понимала, почему всегда ищу и проверяю в сети всю информацию об окружающих. Возможно, это просто привычка, а, может быть, я просто не верю сама себе. Все же факты говорят о человеке лучше, чем наши субъективные ощущения, а мне не хотелось ошибаться в людях – я этого очень боялась. Не надо быть психологом, чтобы понять, что лежало в основе моих тревог.

Прогуливаясь по дорожкам, я решила не уходить далеко от учебного корпуса, так как близилось обеденное время. Села на скамейку, открыв планшет. Я закачала в него кучу музыки, фильмов и книг и сейчас решила развлечься чем-то таким. Если еще месяц назад, я не стала бы сидеть на прохладной скамейке, а пошла бы в комнату, то сейчас свежий воздух Эссериума уже не казался таким суровым.

Только я собралась погрузиться в мир какой-то слезливой мелодрамы, как на мой сайбра пришло голосовое сообщение. Это была Анна. Я включила нейро-режим, и прямиком в мою голову полетели слова ее первого отчета:

– Прилетела на Радан. Встретили приветливо, отвезли в пансионат для таких же, как я, девушек. По дороге меня проверили четверо гридов. Мужчины так и говорят: “Дайте вашу руку, лира”. Они все высокие, в основном крупные, со светлыми волосами. На чистых альбиносов не похожи: глаза карие, зеленые или желтые. Завтра выхожу на работу – меня определили секретарем в агентство недвижимости. Объ-

яснили, что в подобных местах большая проходимость клиентов, и кто-то точно в ближайшее время меня нащупает. Думаю, это хорошее место для поиска вашей мамы, в том числе. Буду держать в курсе. Спасибо!

Анна прекратила говорить, но все еще не нажала на отбой, поэтому я услышала небольшое продолжение, в котором громкий мужской голос спокойно, но в то же время очень требовательно сказал: “Вашу руку, лира!”

Глава 23

Еще месяц пролетел как один день, правда очень долгий и изматывающий. Всех нас ждало торжественное мероприятие, посвященное присяге и официальному зачислению в курсанты Летной межгалактической академии. По этому случаю нам выдали форму. Так как наша полевая жизнь теперь сокращалась, а основное время мы будем проводить за партами, закрытые комбинезоны менялись на более классический вариант одежды. Сейчас на моей кровати лежал черный китель, белая рубашка и черные брюки, которые завтра утром я надену на построение. Белая рубашка была парадной, в комплекте я получила еще три повседневных серо-серебряного цвета, они очень красиво сочетались с нашивками на кителе и моими волосами. Мне нравилась эта форма, я померила ее уже четыре раза и с нетерпением ждала возможности продефилировать в ней на плацу. На самом деле, завтра предстоял марш, а не дефиле, но в моей новой жизни эти термины отождествлялись.

Курс молодого бойца был закончен – сегодня утром я преодолела свои последние двадцать кругов ада. За этот месяц я все же заметила подвижки в физической форме – стала выносливее и бегала уже намного быстрее. С веселой ухмылкой вспоминала сегодняшний утренний марафон, ставки на который были необычайно велики. Ребята прозвали сие со-

бытие “закрытием спортивного сезона”. Готовились мы с девочками и Тимусом, которые стали моими друзьями, единомышленниками и командой, основательно. За три дня до этого я изобразила, что ушибла колено, и, якобы, лекарства Симуса мне не помогали. После этого каждое утро показывала чудеса улиточной скорости. В итоге последние ставки были по большей части на мое значительное запаздывание – от одного до трех кругов, в то время как Шасса поставила на то, что я прибегу в первой десятке. При таком раскладе ее выигрыш мог составить пятьсот койнов, что для фарийки было значительной суммой, даже при условии, что она поделится с девчонками – я и Тимус были при деньгах, поэтому от своих долей мы отказались. На букмекерском поприще подвизалась Дирса: она у всех вызывала доверие, так как очень скрупулезна в фиксации информации.

Сегодня весь первый курс бежал особенно быстро, стремясь любой ценой забрать мой шанс на победу. Каким-то образом слухи о нашей гонке достигли ушей “святой троицы”, которая в результате явилась посмотреть на первый курс с самого раннего утра. Мне сказали, что Крис Хамли тоже сделал ставку. Он стал вторым после Шассы, кто поверил в меня, но не был настолько оптимистичен: парень ставил на мое запаздывание в полкруга.

К началу веселых стартов нас посетил еще один человек, которого я не видела около трех недель. Мрачнее тучи, осунувшийся, побледневший и с черными провалами под глаза-

ми, за нами наблюдал сам Влад Нортон, сложив руки на груди. Я разминалась и краем глаза видела, как мужчина бросал на меня взгляды. А еще я поняла, что под прицелом его взора волнуюсь больше, чем раньше. И все же перед забегом смогла выкинуть все лишние мысли из головы. Я – машина! Сегодня я должна была сделать так, чтобы ставка Шассы сыграла.

Первые десять кругов моей задачей было держать хороший ровный темп, а потом постепенно начинать ускоряться, рванув на последних трех. Наша банда изучила каждого бегуна-первокурсника – стратегию мы продумали очень тщательно. Я действительно чувствовала себя не человеком, а андроидом, в которого вставили чип с нужной программой. Пробегая круг за кругом, сама не могла поверить, насколько все отличалось от первой недели: мышцы рационально расходовали силы, и к половине дистанции не было и намека на усталость. Народ уже давно понял, что обманут – я не была похожа на травмированную, но когда я по-настоящему рванула вперед, однокурсники почувствовали реальную угрозу и, тоже, не желая сдаваться, ускорились по максимуму. Слышала вопль Морса: “А, что, вы и так могли? Тиль, ну ты разогнала желторотых!” Последние пять кругов были эпичными: несмотря на со всех ног несущихся конкурентов, я выбилась в первую десятку бегунов, оставив за собой две трети курса. Меня наполнил такой азарт, что я почувствовала расправившиеся за спиной крылья, несшие меня быстрее ветра. Фи-

нишную черту я пересекла седьмой. Это была победа! Наша банда обнималась и визжала. Это было так замечательно! Погрузившись в самокопания и поиски матери, я давно забыла, что такое получать настоящее удовольствие от жизни. Оказывается, мир прекрасен!

Немного успокоившись, огляделась по сторонам и увидела Нортона. Присмотрелась и не поверила своим глазам: мужчина улыбнулся! Его черты смягчились, он наблюдал и разделял со мной мой триумф! Увидев, что я тоже смотрю на него, он спрятал улыбку и кивнул, показав мне большой палец. Сердце понеслось вскачь, а в животе запорхали сотни бабочек. Кажется, только что со мной случился тот самый любовный краш, о котором то и дело с мечтательным выражением на лице и томным вздохом твердили мои однокурсницы во всех университетах, в которых я начинала учиться.

Улыбка командора преследовала меня весь день, не давала спать ночью и сопровождала на завтрак и торжественную присягу. Со вздохом признала, что я окончательно пополнила ряды его воздыхательниц, вступив в клуб Шассы Зонгер.

Рано утром на площадке перед зданием Академии собрались мы, перваши, а также весь профессорско-преподавательский состав и старшекурсники. Как и на построении в самый первый день, в этот раз к нам присоединились пятикурсники, которых до этого мы видели от случая к случаю. Все было красиво и торжественно. Сегодня я особенно тщательно нанесла макияж – без небрежности и чрезмерности –

и уложила волосы в сложную, но аккуратную прическу, красиво заплетя свои серо-красные пряди. Я готовилась – в том числе покорять сердце одного внезапно запавшего мне в душу командора. Мой пыл немного поумерился, когда я увидела Морану Брайд, ослепительно выглядящую в форме пилота. Нортон стоял рядом, она трогала его за локоть и что-то шептала мужчине на ухо. Зубами сейчас скрежетали две представительницы женского пола: я и Шасса. Может, натравить фарийку на эту стерву? Расчистить себе дорогу чужими руками? Нет, не пойдет. Не убивать же, в самом деле, соперницу. Просто пусть победит сильнейший в честном бою!

Тем временем началась присяга. Мы по одному выходили к флагу и произносили клятву: “Я, будущий пилот космического флота, клянусь защищать честь Содружества и жизнь его граждан, служа миру, демократии и справедливости! И пусть мой полет принесет пользу разумным существам наших галактик во имя всеобщего блага и процветания!” После этих слов нам выдавали жетон с нашим именем, фамилией и названием учебного заведения. Его полагалась крепить к кителю.

Когда пришла моя очередь, я выполнила все безукоризненно – ни одного лишнего движения. Думаю, смотрелась я на контрасте с первым полученным обо мне впечатлением очень даже неплохо. По крайней мере, ректор был приятно удивлен, глядя на такую лояльную меня. Из толпы старшекурсников раздалась парочка присвистов и даже возглас:

“Тиль, не знаю, как Содружество, но твоя честь точно под угрозой, можно я буду ее защищать?” Ах, как приятно! Я и забыла, что такое комплименты. Чувствовала внимание и несла себя этому миру – Варвара Тиль не лыком шита: прошла двухмесячный курс молодого бойца, прибежала к финишу одной из первых, выжила на посвящении в открытом космосе и влюбилась в преподавателя. Суровые итоги моих суровых будней.

Во время присяги мне опять казалось, что ловлю на себе чей-то пристальный взгляд, но понять его источник было невозможно. Это точно не был Нортон, иначе я легко бы это вычислила. Скосила глаза влево-вправо, насколько это было возможно, но не помогло. Ощущение не было тревожным, но очень сильно разжигало любопытство – на меня смотрели сто пятьдесят человек, почему же я чувствую лишь одного?

После присяги мы праздновали. На обед в столовой нам приготовили разные неожиданные вкусности, поэтому настроение и правда было замечательное. Перепало всем, не только первому курсу, так что вся Летака уплетала за обе щеки. Было громко, оживленно и немного даже чересчур.

Я радовалась жизни до тех пор, пока не вышла в уборную. Мурлыча веселую песенку, шла по коридору и чуть не столкнулась с парочкой. Это были Морана и Нортон. Женщина обнимала командора за шею и льнула к нему всем телом.

Руки Нортона лежали на ее талии – было непонятно отстраняется он или наоборот прижимает Брайд, но в любом

случае на недовольного похож не был. Значит, крепость пала. Я расстроилась. Сильно. Однако, сделала вид, что меня ничего не волнует, и пошла как ни в чем не бывало, краем глаза все же фиксируя действия мужчины. Командор, заметив меня, начал аккуратно отталкивать Морану, преодолевая ее сопротивление. Я видела, что он смотрит: мужчина разжимал руки профессора Брайд, а мрачный взгляд прилепил к моему лицу. Женщина настойчиво хваталась за рубашку командора, он пытался помешать, и все это молча. Выглядело комично, я усмехнулась и забежала в туалет, громко хлопнув дверью.

Посмотрев на себя в зеркало, увидела красные щеки и блестящие лихорадкой глаза. Кажется, я пропала. Не помню, чтобы у меня так тряслись руки из-за мужчины. Приказала себе не плакать, хотя слезы так и рвались. Как же я так умудрилась влипнуть?

Придя немного в себя, распахнула дверь туалета и собиралась выскочить в коридор, чтобы вернуться к друзьям. Но вместо этого налетела на ожидающего меня Нортона. Он поймал меня за плечи и молча смотрел в лицо. Стояла, ожидая чего-то, а внутри все клокотало – невинных бабочек в животе смело ураганом таких страстей, о которых я и сама не подозревала.

– Курсант Тиль!

– Да? – неожиданно хрипло ответила я.

– Это не то, о чем вы подумали!

– А о чем я подумала, командор?

– Мы с профессором Брайд обсуждали…

– Она вам просто завязывала галстук, я поняла, – подсказала я.

– Нет, это была деловая беседа. Этика не позволяет преподавателям заводить отношения друг с другом.

Меня словно водой ледяной окатило – так он боится обвинения в нарушении этики!

– Да делайте со своей профессоршей, что хотите, хоть детей! Я никому не скажу.

Попыталась вывернуться, но Нортон крепко держал за плечи.

– Ты… Именно ты… – попытался что-то объяснить мужчина, а потом словно сдулся. – Ты что-то делаешь со мной… Что-то такое, после чего я хочу забыть про этику и устав!

Он меня еще и в этом обвиняет?? Я опять возмущенно забилась в его руках, а Нортон задумчиво взял мое лицо в свои руки, обведя большими пальцами губы, и глядя на них темнеющим взглядом. Я мгновенно перестала дергаться, замерев. Его лицо стремительно приближалось к моему. Сердце забилось в таком ритме, что мой сайбра, наверное, вызвал сейчас неотложку. Хорошо, хоть звука нет. Когда до моих губ мужчине оставалось не более нескольких сантиметров, Нортон глубоко вздохнул, закрыл глаза, а потом сменил траекторию. Поцелуя не случилось, зато на ухо, пустив табун мурашек, командор прошептал:

– Я еще не разобрался в том, что происходит, но точно разберусь. Никуда не уходи из Академии! – мужчина хмыкнул и начал отстраняться. Меня же охватила неописуемая ярость. Разбираться он решил, понимаете ли! Я ждала свой первый поцелуй, а этот кретин шутки шутит! И я отомстила. Я подняла руку и потянула за ленту его галстука, развязав его. Нортон вспылил:

– Что ты сделала? Я все утро его…

Однако он не злился: я увидела смешинки в его глазах. Вот ведь! Тупая месть получилась. Тогда я решила добавить:

– Вот пусть вам ваша Морана и завязывает. Ко мне – если только придушить!

Я отвернулась и пошла обратно в столовую, услышав вслед тихое:

– Она не моя. А насчет тебя я подумаю.

Это было произнесено так тихо, что я не уверена, что мне не показалось. И все же я была возмущена. Какая самоуверенность! Он что предлагает мне ждать, пока будет думать? И если надумает, то пальцем поманит, а я прибегу? Дырка ему от бублика, а не Варвара Тиль!

Решительная и полная собственного достоинства вернулась в столовую. Специально взяла к чаю большой бублик с маком и измельчила его в крошево. Однако же этой ночью меня мучили сны, которые были далеки от моих принципов. Свой первый поцелуй я все же вырвала у командора, правда, во сне, но это даже хорошо: сам Нортон об этом не узнал и

свое непомерно раздутое эго за мой счет не подпитал.

Глава 24

На следующий после присяги день начинались занятия. На планшет пришло расписание и цифровая библиотека учебных пособий. Проснулась я уставшая. В инфосеть ночью не выходила, но мелодраматические сновидения с налетом ужасов особо отдохнуть не дали: сначала я бегала за Нортоном, чтобы вырвать у него поцелуй, а потом почему-то бегала от него, так как командор превратился в вампира и, вытащив свои клыки, пытался укусить, рыча, что без моей крови ему не жить. Бр-р-р...

С ненавистью изучила сегодняшний распорядок дня: четыре лекции и одна практика. Первыми в расписании стояли "Основы космической техники", затем – "Законодательство в сфере космической авиации", после этого лекция и практика по "Навигации" и последняя дисциплина – это "Психология в сфере космического полета". И все бы ничего, но лекцию по психологии ведет профессор Морана Брайд, а, значит, нужно быть готовой ко всему.

Занятий я не боялась. У меня за плечами отчисление из четырех университетов, включая юридический и философский, поэтому преподавателям я могу трепать нервы на любых уровнях: от тонких материй до прямой наводки в голову. Я не собиралась устраивать что-то особенное, но на учёбу планировала ходить как на смертный бой, в полном во-

оружении.

В столовую, а потом на лекцию по космической технике мы потянулись практически всей группой одновременно – прямо как военный отряд. Ребята были облачены в новую форму, которая шла абсолютно всем. Каждый первокурсник был собран, подтянут, но растерян – наступал новый этап, когда наличие мускул не играло особой роли. Сейчас всем пригодятся мозги. Конечно, занятия по физподготовке, а также боевая практика все еще стояли в расписании, но это два раза в неделю, а остальное – учебники, информация, запоминание и анализ. Словом, моя стихия!

В аудитории все заняли понравившиеся им места. Я села впереди, подперла голову рукой и задумалась, почему мне неуютно, и откуда ощущение, что чего-то не хватает. Долго гадать не пришлось: не доставало двадцати кругов. Это надо же! Я пристрастилась! Что ж, похоже, нужно вводить практику самостоятельных пробежек по кампусу, присоединившись к еще нескольким десяткам таких вот неусидчивых, марафоны которых я каждое утро наблюдала по дороге на завтрак. А я все удивлялась: чего это они носятся, никто же не заставляет. А вот оно что! Подсадили на спорт!

Первым лектором у нас был сам ректор, Константин Фроден. Я читала о нем в сети: по профессии он не летчик, а конструктор космических кораблей, отличившийся как в гражданской, так и военной авиации. Есть даже двигатель, в проектировании которого он принял активное участие, в виду

чего его назвали в честь ректора: “Фрод 2.0” или как-то так. Ректор мне нравился – знающий, конкретный и в целом толковый. А вот его лекции – нет. Слишком сложно. Он зашел в аудиторию стремительно – я даже боялась, что мужчина не остановится и пройдет дальше, пробив стену или вынеся окно.

– Итак, курсанты! Вы стали крепче, выносливее и понимаете, что ко всему нужно прикладывать усилия. Наш курс лекций позволит познакомиться со всеми видами космического транспорта, мы рассмотрим основные компоненты и конструкции летательных аппаратов, изучим материалы, из которых они изготовлены, а также их функциональные задачи. Понимание вышеуказанных аспектов помогает пилотам оценивать характеристики и поведение космического транспорта в различных условиях, – глядя насмешливо на наши немного ошалелые физиономии, сказал ректор. – В ваших планшетах есть учебное пособие, прошу его открыть.

Я судорожно потыкала и нашла искомое в цифровой библиотеке. Открыв учебник на первой странице и увидев массу технических терминов, я мысленно застонала, а Фроден бодро продолжил:

– Это пособие вам нужно вызубрить наизусть. А пока приступим к изучению того, с чего всё началось, и перейдем к классификации космических аппаратов.

Ректор включил голографический модуль, и перед нами появились объемные изображения. Начали мы с истории

космической техники, то есть с самого начала. Первые полчаса слушали хронологию появления космонавтики у каждой из рас Содружества. Про Землю я выяснила, что двести пятьдесят лет назад, то есть позже всех планет, в стране, которую Фроден называл "ЭсЭсЭсЭр", совершили первый запуск человека в космос. Я помню из школьной программы по истории Земли, что это было одно из сильнейших государств своей эпохи.

Слушая Фродена, задумалась о развитии человечества. Земля считается слаборазвитой, при этом самые продвинутые планеты Содружества сейчас густо заселены именно людьми. Вархи и халаны принесли нам технологии, до которых землянам своими мозгами было еще думать и думать. Да даже фарийцы и таннары, которые не блистали интеллектом, за сто лет до нас сели на свои шаттлы и начали летать по галактикам. А в итоге люди принесли Содружеству только себя – заняли ключевые посты в правительстве и очень быстро адаптировали все технологии, напрочь забыв, что все это изобрели не сами. Похоже, мы самые большие проныры во всех галактиках. Есть, чем гордиться.

– Курсант Крустриан! Чем отличаются грузовые космические корабли от пассажирских? – голос ректора выдернул меня из моих раздумий.

При упоминании грузового корабля, мне вспомнилось посвящение в студенты, и я поморщилась.

– Курсант Тиль! Вы хотите ответить?

– Никак нет, ректор Фроден!

– И все же отвечайте!

– Ну… В грузовых нельзя нормально сидеть, приходится крепить себя к стене, и палуба грузовая большая!

По залу прошелся шум, все вспомнили мой эпичный запуск в космос.

– Тише-тише! Курсант права, а теперь давайте разберем характеристики грузовых судов. С точки зрения аэродинамических характеристик, они часто имеют более низкую скорость полета, но могут быть спроектированы для больших максимальных весов…

Лекция пошла своим чередом, мы писали, чертили, повторяли, отвечали на вопросы. Ненавижу все дисциплины, название которых начинается со слова “основы”. Я успела узнать множество различных "основ", начиная учиться в четырех вузах, но так нигде и не добралась до чего-то серьезного. Сплошная история и классификации. Скука!

Следующая лекция касалась законодательства. Перед нами предстал сухопарый варх, который с первых слов умудрился нас усыпить:

– Меня зовут профессор Явель. Открываем планшеты и записываем. Виды правонарушений в сфере пассажирских перевозок…

Этот преподаватель относился к тем, которые никогда не говорят, где можно посмотреть материал, претендуя на эксклюзивность информации их лекций, поэтому проводят за-

нятия, на которых все только и делают, что пишут. А в конце семестра кто-то из студентов обязательно находит учебник, в котором все это есть слово в слово.

Моя рука начала отваливаться на десятой минуте. Включила в планшете распознаватель речи, но не тут-то было. Варх тоже не первый год со студентами работает, поэтому то ли он говорил слишком тихо, и планшет не различал звуки, то ли профессор поставил глушилку, что вероятнее всего, но генерация текста не началась. Вздохнув, опять взяла стилус и продолжила конспектировать. Все-таки вархи – зануды. Особенно мужчины. И доктор Симус, и профессор Явель – этому доказательство. Думаю, что этот предмет сдаст тот, кто умеет противостоять сонливости. И это не я! Нет, так не пойдет. Надо искать учебник. Сегодня же заряжу ищеек откопать в сети как можно больше материалов, чтобы не заниматься лишней писаниной.

После этой пары мы с радостными воплями полетели в столовую на обед. Там ко мне неожиданно подлетел Вик, хотя до этого сторонился, обиженный, видимо, на то, что я не приняла его ухаживания. Сегодня же он светится как пуговицы на моем форменном кителе.

– Вар! Прекрасно выглядишь!

– Спасибо!

– Как дела?

– Твоими молитвами…

– Что? – не понял мой религиозный сленг парень.

– Говорю, благодаря тебе, все хорошо!

– Ты правда так думаешь? Я ж говорил, что тебе понравится Академия.

– Ага, Академия… Ладно-ладно, проехали. Что хотел? На свидание не пойду. Во-первых, некуда. Во-вторых, ты не в моем вкусе. В-третьих, вспомни о проигрыше.

Парень криво улыбнулся и поднял руки в знак капитуляции, а мне вдруг пришла в голову мысль. Я схватила его за воротник и потащила в сторонку. Пока я проводила эту манипуляцию, почувствовала взгляд. Этот я смогла идентифицировать легко. Ярость – так получается только у Нортона. Глянула по сторонам: и правда, командор стоит разговаривает с Леннордом и косится на нас с Виком.

– Что ты хочешь? – поторопил меня парень, а я ухмыльнулась.

– Должок!

Парень побледнел и обреченно спросил:

– Кто?

– Жаловаться не будешь! Это профессор Брайд.

– Кто??

– Мор…

– Да я знаю, про кого ты. А почему она?

– Она мне не понравилась.

– И с чего ты взяла, что спать со мной – это для нее наказание?

Я скептически глянула на парня.

– Ты даже не пробовала! – обиделся он. – Давай сначала я тебе покажу, на что способен, а уж потом ты скажешь…

– Нет.

– И ты не расскажешь в чем дело, да? Хотя, знаешь, и не надо. Женская логика – это страшная сила. Итак, я затащу в постель профессора… и мы квиты?

– Слушай, ну вовсе не обязательно в постель. Так ты и за полгода не управишься. У тебя нет нормальной постели. Аудитория, туалет, в кабинете на столе. Все для вас.

– А ты с фантазией!

– Ты и понятия не имеешь. Ну что, по рукам?

– Да, но, возможно, понадобится твоя помощь.

– В этом случае я в твоем полном распоряжении. Пользуйся мной, как хочешь, – сказала я громче, чем хотела. Ленноард и Нортон как раз проходили мимо и одновременно повернули ко мне головы, отреагировав на последнюю реплику. Я воспользовалась моментом и положила Вику руку на плечо, но не по-дружески, а с максимально интимным контекстом. Куратор приподнял брови, и я буквально услышала в голове: “Неуставные отношения – карцер!” Еще один кудесник! Этот умудряется без нейронного коннекта любую угрозу в голову загружать. А командор глянул мрачно, показалось, даже затормозил на долю секунды, но потом все же повернулся к собеседнику и на меня больше не смотрел.

Я была довольна. Я так все круто придумала. Сайброд в два счета уведет Морану у Нортона. Ну вот кто такой Влад

Нортон? Ну герой, да. И все! А Виктор? Он – наследник мультимиллиардной в десятой степени империи, а Морана точно похожа на женщину, умеющую считать.

Глава 25

Появилось ощущение, что в первый учебный день мне все удается – аппетит и настроение были на уровне, а от утренней сонливости не осталось и следа. После обеда и разговора с Виком на занятия я шла, пузырясь довольством. Лейла поглядывала на меня с явным подозрением – все никак не могу привыкнуть к халанам, мне постоянно кажется, что их единственный глаз смотрит укоризненно. Подруга даже поинтересовалась, не заболела ли я. А что я скажу? Немного заболела, да. Нортоном. Я никогда раньше не увлекалась мужчинами. Никаких влюбленностей, вздохов и влажных мечтаний, но тут, похоже, пришло время. Просто сидеть и ждать у моря погоды я не способна, соблазнять тоже не умею, так что стратегию могу выстраивать только в той сфере, в которой что-то смыслю: добыча информации, подкуп, шантаж и манипуляции.

Мои коварные планы не исключали учебу и о лекциях я не забыла – а как забыть, если об этом с криком: "Айда умнеть!" напоминает Шасса, хлопая по спине и вызывая легкое смещение позвонков.

Лекции и практику по "Навигации" нам вел Майкл Ленорд. Вот уж не думала, что куратор способен интересно рассказывать, но, оказалось, он неплохой спикер. Начал с того, что поведал, как мальцом заблудился в лесу и чуть не

погиб. И, якобы, именно тогда, в возрасте десяти лет, понял, насколько важно уметь ориентироваться по звездам. А нам, будущим пилотам, которые будут летать в космосе среди звезд, знания об этом и подавно пригодятся. Логика была сомнительной, тем более, я знала, что спустя полтора десятка лет под звездами, в которых Леннорд будет "ориентироваться", можно понимать исключительно селебрити, которым он делал детей и нервы. И все же признаю, подводка к основной теме действительно была оригинальной. Куратор внушал, что нельзя забывать о существовании множества самых разных навигационных технологий, а мы их не забудем, потому что будем изо всех сил изучать и пробовать использовать на его занятиях. Пока в симуляторе. Но потом, годика через два, все перенесут свои пятые точки в настоящие космические шаттлы и прикоснутся к навигации вживую. После всех этих лирических отступлений мужчина собрался и выдал нам вполне профессиональную тираду:

– Наши занятия будут посвящены основам астронавигации: я объясню, как ориентироваться в трехмерном пространстве, используя звезды и другие небесные тела в качестве ориентиров. Мы узнаем методы расчета курса и расстояний, а также изучим технологии современных навигационных систем в гиперпространстве; рассмотрим навигацию на основе искусственного интеллекта и сравним с ручными методами.

Практики у нас как таковой пока не было, вместо нее мы

насмотрелись видео полетов и катастроф. Куратор оторвался по полной и показал на голографическом модуле примеры неверно построенных траекторий гиперпрыжков и взрывы кораблей. Трехмерные картинки и крики пассажиров были слишком реальны. Я вспотела от ужаса, просматривая эти трагедии. Леннорд добился своего: каждый в нашей аудитории поклялся себе и ему изучать навигацию очень тщательно, а я – никогда не пилотировать космические корабли.

Ну и на сладкое сегодня оставалась профессор Морана Брайд с ее "Психологией в сфере космического полета". Пока выводов о том, что она хороший специалист в психологии, я сделать не могла. Наоборот: то, как она безуспешно прессовала Нортона, свидетельствовало против этого утверждения. Но, возможно, я очень сильно ошибаюсь, и сейчас на наше занятие профессор вылезает прямо из постели командора. Эта мысль больно кольнула, ослепив ревностью – к появлению Мораны я была морально готова.

Ровно со звонком в аудиторию вошла точеная фигурка на шпильках, от которой шел нежный флер цветочных духов. Лира Брайд тщательно готовилась, руку даю на отсечение. Эффектно встав перед своим столом и облокотившись на него ягодицами, обтянутыми юбкой словно второй кожей, она начала перекличку. Это была очень устаревшая и никому ненужная форма проверки посещаемости, так как умные камеры в аудитории уже давно зафиксировали каждого и передали информацию в электронный журнал. Когда Шасса ей

об этом напомнила, Морана смешно сморщила свой аккуратный носик и пояснила, что хочет лично со всеми нами познакомиться, так как это занятия по психологии, и ей надо понимать, что мы из себя представляем. Звучало резонно. Пока придраться было не к чему.

– Лейла Саадар! – громко произнесла Брайд, сверяясь со списком.

– Я! – прошелестела Лейла.

Морана глянула на мою одноглазую подругу и спросила:

– Почему вы решили поступить в эту академию?

– Я? – переспросила халанка. – Потому что женщин больше нигде не берут учиться на пилотов! – девушка захлопала своим глазом, а Морана одобрительно кивнула головой.

– Шасса Зонгер!

– Я тут! – ответила фарийка.

– Вижу, – вздрогнула Морана от зычного голоса. – Ну а вы? Почему вы решили стать пилотом?

– Хочу летать! – ответила курсант.

– Хорошее желание! Женщинам приходится совершать гораздо больше усилий там, где мужчинам порой просто достаточно быть мужчинами, поэтому я особое внимание планирую уделять именно девушкам – они испытывают самые большие трудности в адаптации и получении такой сложной профессии, как пилот, – пояснила Морана.

– Да нормально мы адаптируемся, – воскликнула Зарина. – Это ж пока даже не полет!

– Но тут сплошные парни, вам должно быть тяжело!

– С чего бы это? Много хороших же! Парней! – возразила Лейла.

– С того, что сексизм, предубеждения и абьюз это распространенные … – начала говорить профессор Брайд, но закончить фразу не успела, ее перебили.

– Какой сексизм? – проснулся один из лучших спортсменов группы. – У меня секса до каникул не будет! Девушки! А, мож, кто подсобит? Хочется! Я и жениться могу, но после окончания Летаки.

Все парни заржали, а я прикрыла глаза от неловкости момента. Впрочем, это был Рин, мы привыкли. Он был очень прост в общении и категорически добродушен. Один у парня недостаток – он вообще не думал, прежде чем сказать: что на уме, то на языке. Зато и подвоха ждать от него не приходилось. На Рина обычно никто не обижался, однако Морана отреагировала агрессивно:

– Это именно то, о чем я и говорю! Молодой человек, сдерживайте свои порывы, вы оскорбляете женщин!

Ну в целом я согласна с Мораной – сексизма тут полно, только единственный способ добиться уважения в подобного рода заведениях – это не кричать и жаловаться, а просто спокойно учиться, показывая, что мы можем все то же, что и мужчины. Два месяца прошло, и парни уже гораздо спокойнее относились к нашему тут пребыванию – они поняли, что мы не угроза их авторитету, но и не тянем никого на дно.

Это не психология, а жизнь, я бы сказала.

– Варвара Тиль! – наконец добралась и до меня профессор Брайд.

– Я! – гаркнула в ответ. А с учетом того, что сидела я на первом ряду, для Мораны получилось громковато. Профессор опять поморщилась, но вполне спокойно спросила:

– Ну, а вы?

– Что – я? Просто на Земле никто не захотел больше… Я решила – дочь военного министра примет удар на себя!

Я понимала, что она спрашивает о том, почему я поступила в Академию. И зуб даю, она в курсе, как я сюда попала. Но мне сказать было нечего. Про маячившую на горизонте тюрьму я вслух точно распространяться не собиралась.

Морана смотрела на меня с десяток секунд, а потом вздохнула и начала занятие. Интересная, между прочим, получилась лекция: к середине, погрузившись в мир увлекательных вещей, я и думать забыла, что она стерва. А, может, не так уж профессор Брайд и плоха? Ну подумаешь, хочет Нортона! Да кто ж не хочет? И потом, у нее больше прав на него, они уже встречались. Нет, командора не отдам. Я ей Вика приготовила. Но все же злиться на нее я перестала.

Благодаря Моране мы познакомились с такими явлениями как “космическая усталость” и “синдром длительной изоляции”, методиками: “создай себе виртуального помощника” и “коммуникация с искусственным интеллектом в условиях длительных полетов”. Было интересно. Время пролете-

ло незаметно, все вышли с занятия воодушевленные: первый учебный день закончился, домашки было немного, еще не стемнело, как это бывало после возвращения с полигона, и можно было погонять в футбол, например, или просто отдохнуть на лавочке.

Я поймала настроение релакса. Сев с планшетом под деревом, решила посмотреть кино. Только пошли первые кадры какого-то экшена, как в сайбра раздался звук входящего сообщения. Анна! Все эти недели она информировала меня о своей работе. Пока на следы моей матери она не вышла, но работала в этом направлении. Я нажала на значок "прослушать" и в голове зазвучало:

"Лира Тиль! Сегодня узнала, как получить доступ к базе данных, в которой можно найти фамилии всех человеческих женщин, прибывших на Радан по годам. Эта информация есть у местного начальника полиции. Сегодня он как раз придет меня проверять на совместимость. Очень надеюсь на то, что нащупает!"

Сообщение прекратилось, а я задумалась. Если бы кто-то другой, например, Морана, послушала этот текст, что бы она из этого поняла? Да уж, Радан и феминизм несовместимы. А с Анной мне очень повезло: девушка хочет, чтобы ее признал своей полицейский – и не потому, что он ей нравится, а из-за его доступа к нужной информации. Она серьезно подходит к проблеме. Возможно, даже слишком. Я бы так не смогла.

Надежда забрезжила с новой силой. Вдруг вспомнила

древнюю песню и напела оттуда строчки: “Надежда – мой компас земной, а удача – награда за смелость”. Вот, где настоящая навигация, куратор Леннорд!

Глава 26

Первая учебная неделя проходила в суете: мы пытались запоминать огромное количество информации, и ее было настолько много, что кое-кто уже мечтал вернуться на полигон. Нас пугали зачетами, экзаменами и пересдачами, но при этом никто не грозил отчислением. Для меня это было непривычно, но объяснялось элементарно: курсанты, кроме меня, разумеется, были протестированы заранее и отнесены к категории годных, то есть способных стать хорошими пилотами, именно поэтому их сюда взяли и именно поэтому ни за что не отчислят. Принцип нашей академии был прост: не пугать изгнанием, а просто замордовать учебой, хотя из уст ректора это звучало более профессионально: “Раскрыть потенциал посредством персонифицированного подхода”.

Система, которая должна была сделать из нас прилежных студентов, была проста, с ней мы познакомились на второй день после начала занятий. Вводились штрафы и поощрения, причем про последние я мало что поняла – похоже, единственные бонусы за хорошую учебу заключались в том, что на студента не накладывались штрафные санкции, а вот про наказания нам все подробно объяснили. Незачеты и плохие оценки отрабатывались методом пытки самоподготовкой: курсантов оставляли после основных занятий зубрить невыученное или разбирать непонятое. Препо-

даватели в этом процессе не участвовали: при попытке уйти из учебного здания проштрафившиеся студенты наталкивались на заблокированные автоматически двери, после чего возвращались в аудитории и получали доступ к нейромодулям, посредством которых искусственный интеллект вместо профессоров, в это время спокойно занимавшихся своими делами, помогал понять и запомнить нужные темы. Полноценный выход в инфосеть блокировался, с курсантами оставались учебники и дотошный ИИ Летаки, бубнящий монотонным голосом необходимую информацию.

Буквально через пару дней мы поняли, что легко не будет. Я пока не попала на отработку ни разу, но Шасса сидела до ночи почти каждый день: главные двери Академии открывались только в том случае, если студент отчитывался перед умной системой о выполненных заданиях, а искусственный интеллект было убедить гораздо сложнее, чем преподавателя. Шассе в этом смысле было совсем непросто, так как убеждать она умела исключительно кулаками: несколько раз она настолько зверела от занудства её кибер-наставника, что пробивала кулаком стены, не видя другой возможности выпустить пар. Рядом с фарийкой на отработках обычно никто не сидел.

Штрафные баллы за день приходили на наши браслеты, поэтому двери открывались лишь немногим счастливчикам. И прошмыгнуть вместе с теми, кто все сдал, было невозможно: Академия предпочитала не выпустить отличника, чем

пропустить хоть одного двоечника. Мне вообще начало казаться, что это пирамидальное здание – главное зло: оно только и ждет, чтобы запереть нас навечно. Каждый раз, выходя после занятий на воздух, я радовалась тому, что и в этот день учебный корпус предпочел выплюнуть меня из своей пасти на волю.

Домашнее задание для провинившихся тоже никто не отменял, что превращало их жизнь буквально в ад. Вырвавшись к ночи на свободу, курсанты не могли просто лечь спать, им нужно было писать рефераты, решать задачи, зубрить параграфы, а иначе на следующий день грозили новые штрафы и дополнительные занятия. И тем не менее, многие настолько уставали, что плевали на все и шли после учебы и отработок в кровать, попадая на следующий день на новую порцию санкций за несделанную домашнюю работу. Так и выглядел ЗАКОН или "замкнутый адов круг отъявленного неудачника", как его называли бывалые. По сути, стоило один раз отхватить полноценный штраф и выбраться из этой круговерти было сложно. "Проклятых законом" было очень хорошо видно: в столовке они спали над своими тарелками.

Существовал и второй тип штрафов – за нарушение дисциплины, отработка которых была другого рода. В случае действий, не соответствующих уставу или этике поведения, курсантов отправляли на самые разные общественные работы, чаще всего связанные с уборкой.

Меня все время мучил вопрос: если я в один день не сде-

лаю домашку и поставлю подножку преподавателю, куда меня направят в первую очередь – на кухню посуду мыть или в аудиторию учиться? Когда, не выдержав, я спросила об этом у куратора Леннорда, он злорадно ухмыльнулся и предложил попробовать, так как карцер давно пустует. Кого я вообще спрашиваю? Никакой фантазии! Один из второкурсников, стоявший рядом, толкнул меня в бок и сказал, что он знает, так как попадал на такое: сначала зубрил, потом ночью мыл унитазы, а в итоге так закрутилось, что начал делать это одновременно, при этом на сон времени оставалось не более часа в сутки. Другие "опытные" курсанты, услышав, что мы обсуждаем, присоединились: каждый хотел поведать о подобном кошмаре. По результату их эмоциональных исповедей я сделала вывод: лучше на двойные наказания не попадать, потому что в итоге набирается такое количество часов, что для их отработки не хватает времени в сутках, и приходится на каникулах оставаться в Академии, а в случае выпускного курса – драить полы в коридорах с дипломом пилота.

Жалеть нас никто не собирался, ни один преподаватель. К концу недели я увидела всех профессоров первого курса: их состав был достаточно разнообразен и в рамках политики мультикультурализма представлен несколькими расами. Кроме фарийца-физрука и варха-юриста, сегодня мы познакомились с профессором Расулом – халаном, который вел “Основы управления полетом”. Как и у нашей Лейлы, у него

был только один глаз и татуировка на черепе. Я спросила у подруги, зачем они так украшают свою лысину. Оказалось, рисунок давал представление о социальном статусе и семейном положении. Профессор не был женат – это Лейла легко поняла и вскинулась, приняв охотничью стойку.

Когда халан зашел в нашу аудиторию и спросил, что мы знаем об управлении космическим кораблем, Лейла первая подняла руку и ответила:

– Мне кажется, корабль – как мужчина, главное разобраться, где у него штурвал и как включать тормоз.

Кто-то хихикнул, а профессор повернулся к Лейле и замер. Это потом я узнала, что во время этих нескольких секунд халаны считывают биофизические показатели друг друга и выносят вердикт о совместимости. А тогда это выглядело как видео, поставленное на паузу.

На сегодняшней лекции Лейла сидела рядом со мной, поэтому могла поделиться наболевшим. Она наклонилась и шепнула на ухо:

– Он мне подходит!

– Будешь брать?

– Думаю. С чувством юмора, похоже, не очень.

Понимающе кивнула – без юмора в семейной жизни никуда.

– Курсант Саадар! За неподобающее поведение остаетесь на штрафные два часа после занятий! Будете наводить порядок в моем кабинете!

– Да, профессор! – захлопала кокетливо глазом халанка.

Ничего себе! Никаких танцев с бубнами или переживаний об этике. Показатели сошлись, и вот, уже свидание! Или это все же наказание?

– Лей! А профессор сейчас…

– Варя, он так предлагает познакомиться поближе.

Мне даже завидно стало – тоже так хочу! Представила, как лекцию ведёт командор и в конце говорит: “А вот вас, Варя Тиль, я попрошу остаться!” Фантазия скорректировала ситуацию, приблизив ее к реальности, и я увидела, как встает моя фарийка и с воплем: “Предательница!” дает мне подзатыльник, который вышибает из меня дух. Я улетаю в мир иной, а Нортон летит к моему хладному трупу, заламывая руки: “Любовь моя, как же я без тебя?” Шекспировская трагедия на этом не заканчивается, и Шасса снова на сцене, она в ярости кричит: "И ты, командор? Так не доставайся ж ты никому!” Еще один подзатыльник, и плюс труп. Шасса смотрит в отчаянии на дело рук своих, она страдает от того, что покалечила любимого и подругу. "Неееет!" – раздается ее вопль, а через минуту Леннорд, всецело осуждающий ее поступок, с суровым лицом уводит фарийку в карцер. Мы же с командором в это время встречаемся на небесах, обретая друг друга. Красиво! Я вздохнула, забыв, что на лекции. А между тем профессор Расул рассказывал нам о видах систем управления, которые делятся на ручные, автоматические и нейронные. Вздохнув уже по другому поводу, открыла план-

шет и приступила к конспектированию.

После этого занятия неожиданно выяснилось, что мои дикие фантазии имеют все шансы осуществиться. Взрывной новостью этой перемены стало появление у нас в расписании самого Нортона. Еще утром напротив боевой подготовки стоял прочерк, а вот сейчас загорелось имя проректора. Шасса была в состоянии крайнего возбуждения, разве что пена изо рта не шла: она все время повторяла, что до этого он на первом курсе никогда не вел, что это знак свыше и все такое. Неужели в Летаке кадровый голод? Подоплека всего этого была неизвестна, но факт оставался фактом: теперь навык войны у нас будет прокачивать дважды в неделю сам Влад Нортон.

Перед лекцией ее кумира Шасса не могла спокойно сидеть, то и дело вскакивая и выглядывая в коридор. Я же, напротив, была сверхспокойна: отдыхала, лежа головой на парте – была уставшая и невыспавшаяся, а потому новость о Нортоне прошла по краю моего сознания. Сейчас о любви я могла думать только в контексте тесных объятий с подушкой, поэтому не готовилась к встрече с командором, и уж точно совершенно не предвидела то, чем она закончится.

Глава 27

В ожидании лекции с Нортоном, ребята обсуждали сегодняшний день, особенно методику преподавания Майкла Леннорда, который провел очередную лекцию по "Навигации" еще утром, но и к обеду все еще вызывал массу эмоций: как всегда, куратор запугал всех настолько, что народ тщательно выстраивал предварительный маршрут даже до туалета. Я в беседе не участвовала: лежала головой на парте, подложив вместо подушки под нее планшет. Моя усталость была вызвана бессонной ночью, во время которой я писала доклад на тему “Современные подходы к космической навигации”. Задремав, не услышала, как началась лекция по боевой подготовке – на фоне прекратившегося гула голосов я еще глубже ушла в сон, пустив слюну и блаженно посапывая. Не поняла я, что происходит, и когда что-то холодное вдруг коснулось моего виска. Подняла руку, чтобы убрать помеху, и нащупала металлический продолговатый предмет. Медленно открыв глаза и приподнявшись, услышала абсолютную тишину и узрела перед собой мужской торс.

– Курсант Тиль, вы уснули. Если на боевом посту, то вас пристрелили. Если за штурвалом – вы не заметили атаку пиратов или метеоритный дождь. Плохо! – сказал спокойный голос командора Нортона.

Меня посетило шокирующее осознание сути ситуации.

Мне угрожали оружием. Дуло лазерного пистолета целилось мне в голову.

Полностью выпрямившись, я подняла руки вверх, как это делали герои в фильмах, которые я любила смотреть.

– Сдаюсь! – сказала громко, глядя мужчине в глаза. А у самой рвались слезы иррациональной обиды. Он мне – лазер в висок! Мне! Я же… А он! Соленые капли предательски поползли по щекам.

Нортон растерялся – это было видно, и убрал пистолет. Интересный опыт: только что я в прямом смысле обезоружила мужчину слезами!

– Курсант Тиль! Это для вашей же пользы! – попытался вернуться на темную сторону командор. – Дисциплина прежде всего!

– Ага, – ответила я, глядя на него с обидой.

Мужчина смешался, подошел ко мне и, как бы невзначай, положил ладонь на мою руку.

– Что вы вынесли из этого урока? – тихо спросил он.

Что вы кретин, командор! Но вслух я немного подправила посыл:

– Не спать там, где мужчины балуются с оружием?

Нортон тяжко вздохнул и убрал руку, вызвав у меня острое разочарование и ощущение холода на коже там, где только что ее касалась горячая ладонь. Командор же явно пришел в себя и, вернув свою бесчувственную версию, начал во всеуслышание вещать:

– Дисциплина и контроль! Если вы не хотите, чтобы жизнь разделилась на до и после, вы должны четко следовать правилам безопасности! А в случае боевого режима нужно каждую секунду держаться группами. Что должна была сделать Тиль, чтобы не попасться? – обратился он к аудитории.

Шасса вызвалась ответить, Нортон позволил ей сказать, и она отрапортовала:

– Варвара должна была выставить часового. Тогда ее не застали бы врасплох.

– Все верно, курсант Зонгер! – похвалил командор, и фарийка расцвела.

Вот, вроде подруга она мне, а пнуть все же захотелось.

– Вы должны страховать друг друга. Всегда! Штурман и пилот – команда на корабле, несколько кораблей – это команда в космосе. Если вы остаетесь в одиночестве, это уже совсем другой режим выживания, а если вас двое или больше, учимся сотрудничать, договариваться и слышать друг друга!

Мы начали изучать разные виды групповой работы, Нортон перешел к изложению материала и больше меня не доставал. Я же, надувшись, старалась на него не смотреть. От кого угодно я эту выходку восприняла бы “по приколу”, а тут словно душу обожгли. С усилием старалась вслушиваться в текст лекции, по инерции все записывала, но, когда прозвенел звонок, с радостью вскочила со своего места, спеша покинуть аудиторию.

– Курсант Тиль! Задержитесь, пожалуйста! – раздался

низкий с внезапно прорвавшейся хрипотцой голос. А я, услышав приказ Нортона, вздрогнула, вспомнив свои недавние фантазии. На всякий случай даже скосила глаза на Шассу: фух, вроде не злится, всего лишь затормозила на выходе, глянув на меня и командора грустным взглядом. Нортон вопросительно изогнул бровь в ответ, и она, пожав плечами, все же побежала за остальными в столовую, оставив нас вдвоем.

Командор закрыл дверь, а затем подошел к своему столу, встал к нему спиной, упираясь в столешницу, и спросил:

– Я вас обидел? Простите, я не хотел. С курсантами-парнями этот фокус обычно очень… воспитательный, а с вами словно оскорбительный.

Я стояла, смотрела на Нортона и злилась на себя за то, что раскисла.

– Командор! Вам не за что извиняться! Вы абсолютно правы, я… – начала нарочито бойко, но меня прервали.

– В том, что я прав, я не сомневаюсь, курсант, – усмехнулся мужчина. – Но вы так расстроились, что я хотел объясниться. По трезвому размышлению, это было действительно чересчур.

– Да все хорошо. Проехали. Я могу идти? – спросила и, не дожидаясь ответа, двинулась к двери. До нее я не дошла, так как меня поймали за локоть. Напугал даже не сам факт того, что преподаватель позволил себе столь тесный контакт, а то, с какой скоростью Нортон преодолел расстояние, ока-

завшись рядом.

– Я хотел вам еще сказать… – начал мужчина и развернул меня к себе лицом. – Я все еще не разобрался, но…

Он еще, видите ли, не разобрался, но стоял напротив меня, сжимая мои локти обеими руками и не давая мне сделать ни шага, чтобы уйти. Нортон смотрел мне в глаза, заметно нервничая, но при этом ни на что не решаясь. Мне показалось, что кто-то из нас двоих разобраться все же должен, и раз оппонент не спешит, тогда это буду я. Набравшись смелости и поймав кураж, я поднялась на цыпочки и прижалась своими губами к его. Мужчина не отстранился, но и не ответил. Через несколько секунд меня накрыло чувством собственного идиотизма. Я отпрянула, залившись краской стыда – древние боги, это я сейчас приставала к своему преподавателю?! Попыталась вырваться из цепких пальцев командора, но тот замер, оставляя меня в захвате своих рук.

– Отпустите! – потребовала я.

Нортон услышал, вышел из ступора, рвано выдохнул и с рыком: “В бездну этику!” приподнял за талию, развернулся и усадил меня на стол, одновременно с этим впившись в мои губы яростным поцелуем. В это время его руки по-хозяйски спустились на мои ягодицы, прижав меня к себе так, что я очень остро почувствовала возбуждение, которое мужчина совершенно не скрывал, вжимаясь своим “твердым намерением” между моих расставленных ног. Не откладывая в долгий ящик, Нортон начал расстегивать одной рукой мои фор-

менные брюки, второй – сминать грудь, параллельно с этим зацеловывая лицо и шею. Я опешила от напора, осознав, что такими темпами через минуту меня разложат на столе.

– Командор!

– Ммм… – не совсем вменяемо ответил мужчина, задирая мою рубашку и забираясь под нее обеими руками, в то время как с кителем он справился только что: тот валялся рядом на полу.

Я собралась и звонко, как могла, стараясь все же не орать, воскликнула:

– Командор! Вы действительно хотите лишить меня девственности на этом столе?

Второй раз за нашу встречу, Нортон застыл, напрягшись, а затем издал что-то похожее одновременно и на стон, и на рык, и прекратил атаку. Он обнял меня и прижался губами где-то возле моего уха, еле слышно прошептав:

– Совсем девчонка! Я слишком стар для тебя.

Затем командор отстранился, отошел на пару шагов и, глубоко вздохнув, добавил:

– Прости, я был груб. Теряю голову как подросток рядом с тобой. А делать это правильно не умею.

– Вы мне должны, командор! – сказала я, спрыгнув со стола и приводя в порядок одежду. Решила ковать железо, пока горячо, и пока не началась рефлексия Нортона, которая и до карцера довести может.

– Что же ты хочешь? – мужчина вновь приблизился, но

больше не нападал, просто следил за каждым моим движением так, словно они причиняют ему боль.

– Свидание! Настоящее!

– Видите ли, курсант Тиль, в Академии сложно что-то придумать…

– А вы придумайте…

– Ты! Давай, на ты. Когда мы наедине, само собой.

– Так вот! Я хочу приобрести опыт романтического свидания. Я не могу начинать со стола.

– Варя! Чем ты занималась всю свою юность? – уточнил Нортон.

– Я к ней еще не приступила.

– К чему? – озадачился мужчина. Казалось, он успокоился, а потому стал очень дружелюбным и почти нормальным, без своей постоянной нервозности.

– Коман… Влад! – попробовала я на язык имя Нортона. – Всю свою юность я отчислялась из вузов!

Командор засмеялся и посмотрел на меня. Я второй раз увидела его искреннюю улыбку. Он демонстративно оглядел меня с головы до ног и сказал:

– Нашей академии очень повезло, что лира Тиль согласилась задержаться тут на пару лет.

Затем мужчина приблизился, погладил меня по щеке, чмокнул в нос и сказал:

– Значит, начнем все с начала. Раз ты только приступаешь, то и я с тобой.

Он взял мою руку, нажал на кнопку моего сайбра и поднес к нему свой браслет. Считав номер, он ввел мое имя, а потом развернул меня к себе спиной и аккуратно подтолкнул к двери:

– Беги на обед, а то не успеешь поесть.

Дополнительное ускорение Нортон мне придал шлепком по ягодице. Я глянула на него осуждающе, но самой было весело. Поскакала в столовую я с каким-то нервным искрящимся возбуждением. Аппетита, кстати, не было. А был фейерверк мыслей, предвкушений, опасений, страхов, желаний и надежд, которые, как известно, верные спутники первой любви. Дикий и нервный Нортон пугал, а улыбающийся и спокойный сокрушал.

На обеде ребята за нашим столом бросились расспрашивать меня о командоре: зачем задержал, что сказал. Я решила быть честной. Почти. Сказала, что извинился за свой поступок. Девчонки уважительно восхитились, парни равнодушно пожали плечами, мол, не интересно: вот если бы карцер или хотя бы отработка, а это ерунда какая-то. Одна Шасса ни о чём не спрашивала, глядя на меня изучающим взглядом.

Очередная шоколадка "Варька", возникшая на подносе рядом с супом, прошла почти незамеченной, так как сейчас мне было уже не до тайного поклонника – у меня появился настоящий!

До следующего занятия с командором мы не виделись –

он работал, а я погрязла в учебе. Однако каждый вечер перед сном я получала короткое сообщение с предложением места свидания: “Ужин в ангаре с невесомостью и романтичная прогулка по полигону?”, “Ангар с метеоритным дождем и ночная реабилитация в медблоке?”, “Карцер и... карцер???” Кто бы знал, как я реагировал на эти дурацкие предложения! Я обнимала подушку и визжала, прижимая ее к лицу и глуша свои вопли. Я была счастлива до одури. Кажется, у меня начинался первый в моей жизни конфетно-букетный период.

Глава 28

Когда вечером накануне практики по боевой подготовке нам на планшеты пришло оповещение о грядущем выездном занятии, у всех что-то сжалось. У меня сердце от дурного предчувствия, а у Тимуса, по его словам... в общем, сжалось. Ситуацию не спас и последующий за этим комментарий Морса: "Не боись, желторотые, мы только до ближайшего леса доедем, дальше вас не повезем!" Вот вообще легче не стало! Вопросы множились: с нами на эту лесную прогулку зачем-то направили пятикурсников, а также весь набор надзирателей в количестве четырех единиц, включая Нортона.

Кто-то из наших даже пошутил: видимо, мы не справились с программой и нас будут “валить". Основания для этого были: на следующее утро перед нашей посадкой во флаер мы лично грузили в него коробки с оружием. Шутники постепенно развивали теорию большого заговора, предположив, что каждому пятикурснику заранее выдали по одной жертве, и теперь они на нас будут оттачивать свой навык стрельбы, используя в качестве движущихся мишеней. Было, вроде как, смешно, но, с другой стороны, тревожно. Что придумали в этот раз больные умы наших наставников?

Ранее с пятым курсом мы практически не общались, я так вообще видела их только издалека. Это были почти готовые пилоты всех видов космического транспорта – будущий

первый выпуск Летаки. Все девчонки с аппетитом глазели на выживших после четырех лет ада и, некоторые строили глазки – от одного до двух. Лейла, которая после встречи с профессором Расулом не определилась, нравится он ей или нет, просканировала двух обнаруженных во флаере представителей своей расы и расстроено прошептала, что совпадений нет. Таннарку парни интересовали постольку поскольку – она их рассматривала только как существ, которые могли что-то подсказать, поэтому пытала сидящего рядом шкафообразного шатена о его учебе, начиная с первого семестра. Дирса тоже косилась на парней: среди них было двое вархов, те посылали ей недвусмысленные сигналы, на которые она благосклонно, с чувством собственного достоинства, отвечала, даря снисходительные улыбки. Все вархи как вархи, а наша вархана – королева.

Я особо ни на кого не смотрела. Мой мир сузился до одного человека, сидевшего впереди, довольно далеко от меня, и раздававшего налево и направо указания. Нортон! Его я чувствовала каждой клеточкой тела, ловя мимолетные дразнящие выстрелы черных глаз. Ощущения от его присутствия были заоблачные: за пушистыми белыми облаками я летала сейчас вместе с розовыми единорожками, тая в ванильно-клубничном вкусе своих новых эмоций. Влюбленная Тиль – оказывается, очень слабое волей существо, а потому не имеющее возможности отказаться от созерцания объекта своих девичьих грез. И все же, что-то стороннее –

какое-то немного тревожащее чувство, прорывалось сквозь вязкий кокон счастья, в который я укутала себя, одуревая от близости командора и возможности за ним наблюдать.

Отвлекшись от своего мужчины-фикс, прислушалась к себе и огляделась. Обжигающие касания чьего-то взора на своем лице я ловила очень явственно, а Нортон между тем отвернулся и общался с капралом Морсом. Виновника моих ощущений нашла почти сразу: русоволосый парень, сидевший через пару рядов, не сводил с меня глаз. Он продолжил пристально смотреть, даже когда понял, что пойман с поличным. Парень показался мне смутно знакомым, впрочем, это не мудрено. За время пребывания в Академии, я увидела всех курсантов, вот только в памяти держала в основном только своих однокурсников. Пока я пыталась вспомнить, при каких обстоятельствах мы могли пересечься, парень встал со своего места и подошел ко мне, одновременно с этим переключив внимание на моих соседей справа: зыркнув и надавив авторитетом, заставил прочувствовать момент. "Вы разрешите мне поговорить с причиной моих тревожных снов?" – обратился он к ним, и ребята подскочили и стали пересаживаться, освобождая ему место. С открытым от удивления и возмущения ртом я взирала на эту супернаглость.

– Лойс Грин, – плюхнувшись на сиденье, представился парень и широко улыбнулся. – Я устал наслаждаться тобой издалека. Давай встречаться. Я один из лучших на курсе, и у

меня нет постоянной девушки.

Мне понадобилось время, чтобы собраться и достойно ответить.

– То есть непостоянные имеются? – подняв выразительно бровь, самым холодным тоном из всех возможных уточнила я.

– Нет. Ты – лучшая, второй такой нет, – сказал парень немного шутливо, но с самым серьезным выражением лица. Я глупо моргнула, слегка опешив, так как на секунду решила, что он искренен. Однако сразу же себя одернула: да ну нет, показалось. Обычный обалдевший от тестостерона бугай, который считает себя неотразимым.

– И когда ты успел это выяснить? – деланно усмехнулась я.

– Ты в фокусе внимания с первого дня, – спокойно ответил Лойс. На этой фразе его дурашливость и вовсе исчезла, уступив место внимательному взгляду – не давящему и напряженному, как у командора, а просто заинтересованному. Лойс умудрился сбить меня со стервозного настроя, и мне стоило немалых усилий, чтобы продолжить в том же духе.

– Какая честь! И что же не решался подойти ранее?

– Тяжелые два месяца: нашего курса почти не было на Эссериуме, мы бороздили просторы космоса. Но теперь мы вернулись... Давай встречаться!

– Ты повторяешься!

– Да, и готов повторить это еще много раз!

– Но я тебя совсем не знаю.

– Справедливо. Так узнай!

Я замолчала, медленно окидывая взглядом своего неожиданного ухажера. Парень был высок, плечист, серые глаза смотрели открыто, давая понять, что никаких камней за пазухой не будет. Одетый сейчас в черный комбинезон и куртку, как и все мы, Лойс выглядел очень крупным и мускулистым, но без неуклюжести или громоздкости связавших свою жизнь с качалкой и химической подпиткой мужчин. Лицо Грина светилось симпатией, при этом взирал он на меня без липкости, давления или тестостероновой бури. Про таких говорят “хороший парень”.

Пока я рассматривала своего нового знакомого, он поерзал в нетерпении и произнес:

– Хорошо! Насчет встречаться – это я реально погорячился. Не факт же, что ты мне понравишься, да? Давай одно свидание. Одно! Если сможешь меня рассмешить, тогда я точно весь твой!

Я не выдержала и засмеялась. От этого Лойса батарейки заряжать можно. Парень обрадовался моей реакции, хохотнул и сказал:

– Все! Готово! Ты меня рассмешила. Достаточно твоей улыбки – моя появляется автоматически. Ну так что? Свидание? Или сразу решаем встречаться? – Лойс состроил умиленно-умоляющее выражение лица, на которое я вновь отреагировала улыбкой, но ответить не успела.

– Неуставные отношения, курсант Грин! – раздался голос

над нашими головами.

Я совсем забыла про командора, а он, как и еще несколько десятков пассажиров флаера, стал свидетелем нашего с Лойсом общения. Мужчина встал и прошел по салону прямо к нам. Сейчас Нортон испепеляющим взглядом смотрел то на Лойса, то на меня. Я чувствовала себя немного виноватой, но с другой стороны – это же просто беседа!

– Никак нет, командор Нортон! – гаркнул парень. – Все по уставу! Я просто объяснял курсанту Тиль разницу между наличием хорошего друга-пятикурсника и его отсутствием!

– Что ж, по возвращению я тебе объясню разницу между комфортной комнатой и ночевкой в карцере!

– Так точно, командор!

– Сел на свое место! – поморщившись, прошипел Нортон.

Лойс ушел, но перед этим успел вновь состроить просящую физиономию и подмигнуть. Командор, успокоившись, тоже вернулся в переднюю часть салона, а у меня на руке пискнул браслет. Мысленно приказав сообщению открыться, увидела текст следующего содержания: “А тебе я покажу разницу между сопляком и мужчиной!” Все же функция нейронного набора текста очень удобна: подумал – и вот уже готово послание. На большом массиве данных работает не очень, так как контролировать свои мысли на длительном промежутке времени сложно, но вот початиться короткими фразами – в самый раз.

Подумав, я ответила так: “Сложно понять разницу, пока

не попробуешь обоих. Но я могу просто остановиться на одном, поверив на слово!" Глянув на лицо командора, я увидела промелькнувшую ухмылку и быстрый взгляд. Ответ не замедлил себя ждать: "Лучше поверь. Мне. А то жаль парня – сгниет в карцере". Громко фыркнула, заставив Лейлу, которая сидела рядом, вздрогнуть. Нейронные коммуникаторы часто вводили в заблуждение и пугали окружающих. В нынешнем мире не всегда понятно: человек просто с кем-то общается или его уже пора паковать в психушку.

Перевела взгляд на Лойса. Тот разговаривал с соседом, но заметив, что я на него смотрю, тут же нарисовал в воздухе большое сердце. Клоун! Но вообще-то он мне понравился. Было в нем что-то такое … обычное и понятное, что ли.

Вздрогнула, услышав очередной писк сайбра. На этот раз это был уже не Нортон. Сообщение прислала Анна. Оно было голосовым, как всегда. Активировала кнопку "прослушать", и в мою голову полился ее нежный спокойный голос: "Уважаемая лира Тиль! Хочу поделиться главной новостью. Местный начальник полиции почувствовал во мне избранную, и я стала его женой. Надеюсь, что в ближайшее время смогу подобраться к базе данных, однако, не уверена. У меня возникло одно осложнение. Вместе с полицейским, которого зовут Альтин, свою избранную во мне узнал один криминальный элемент. Вышло все случайно. Когда мы с Альтином направлялись регистрировать наш союз, зашли на минуту в его участок, где как раз после ареста готовили к до-

просу одного известного финансового махинатора по имени Крейг. Я ждала Альтина, а Крейг был недалеко. Глянув на меня, он, по его словам, что-то почувствовал, а потому попытался приблизиться. Полицейские решили, что он хочет на меня напасть и бросились ему наперерез. Завязалась потасовка. Крейг смог вырваться и допрыгнул до меня, схватив за руку. Его тут же скрутили, но факт совпадения со мной был зафиксирован. Оказывается, в таких случаях у гридов появляется символ в виде восьмерки на запястье, который исчезает после фиксации союза. Теперь у меня два мужа. С обоими мы стали супругами весьма странным образом: у нас взяли кровь, смешали, а затем впрыснули в виде инъекций. Никогда не думала, что буду выходить замуж в медицинском учреждении.

Сейчас у меня дилемма: не понятно, каким образом я буду проводить время с ними обоими, если Крейг будет в тюрьме. Альтин пытается снять обвинения с моего второго избранного, но переживает, что такими методами может случайно решить проблему наоборот: сам сядет за решетку, где я и буду навещать обоих супругов. Так что пока не знаю, к чему готовиться. Сообщу новости позже".

Думала ли я, что поиски моей матери сделают из Анны героиню интереснейшего сериала, а меня его главным зрителем? Задумавшись о том, в какой ситуации оказалась девушка, я содрогнулась. Ох, не хотела бы я, чтобы меня выбрали по каким-то мутным психофизическим параметрам и

колебаниям полей. Любовь все же надежнее будет. Или это тоже самое?

Тем временем, флаер остановился, и нас попросили выйти наружу. Мы прибыли на лесную опушку, которую кто-то приготовил к нашей практике, и по расставленным мишеням мы поняли, что будут стрельбы.

– Стройся! – проорал командор, и мы, пихаясь и суетясь, в отличие от пятого курса, который сделал все быстро и без паники, начали формировать две шеренги.

– Каждый первокурсник получает оружие и берет себе инструктора с пятого курса! Начали!

Ой, что тут началось! Курсанты первого курса рванули к вытащенным из флаера коробкам, схватили оружие и, размахивая им, начали выбирать себе напарника. Шасса взяла пистолет в руку и направила его на одного из парней, крикнув ему: "Ты – со мной", но тот не оценил: побледнел и поднял руки вверх. Фарийка сначала не поняла, потом посмотрела на оружие в руке, закатила глаза и убрала пистолет. Заменив дуло на палец, она снова указала на парня и повторила свою фразу, которая в таком антураже выглядела уже не так угрожающе.

Мне же не пришлось никого искать: я и шага не успела сделать, когда возле меня материализовался Лойс. Он протянул мне оружие и сказал:

– Я – твой инструктор! Не благодари! Нашим детям понравится эта история: на первом свидании мамочка чуть не

пристрелила папочку.

– Хм… ну тогда надо это воплотить – попытку пристрелить, имею в виду, – сказала я и прижала дуло к его груди.

– Отлично! Значит, по существу вопроса ты не против. Остались некоторые частности! Мамочка же не хочет по-настоящему пристрелить папочку? Варь, убери дуло. Он заряжен.

Я вздрогнула и убрала пистолет, а Лойс рассмеялся и приобнял.

– Кажется, сегодня будет жарко, – взбодрил меня парень, а я со вздохом посмотрела на его огромную лапу, лежащую у меня на плече. Что-то будет, это точно!

Глава 29

Стрельбы вышли непростыми на каждом этапе. С самого начала сложность объяснялась тем, что оружие в руках до этого держали немногие, поэтому эмоции студентов первого курса зашкаливали, повсюду слышались крики: “Ура, сейчас постреляем! Можно я разочек вон в ту ветку?”, "Я больше не буду стрелять, мне ещё в третьем классе запретили!", "А на сколько выстрелов заряжен? Я не могу найти датчик!" Среди этого многоголосья отчетливо услышался яростный вопль капрала Морса: "Я смотрю, тут всем жить надоело! Желторотые недоумки! Кто выстрелит, на отработках до моей смерти унитазы языком мыть будет!" На этом фоне особенно нелепо прозвучал нервный возглас одного из парней: "Я не буду никого убивать, мне мама не разрешает!"

Постепенно хаос прекратился. Мы вновь построились, но в этот раз в две шеренги не по росту: впереди весь первый курс, а за нами наши инструкторы-пятикурсники. Нортон прошелся вдоль наших возбужденных физиономий, скользнув неравнодушным взглядом и

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.